ISSN 2658-7920

ВЕСИ

№ 10, 2025

СПЕЦВЫПУСК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ САЛОН АНДРЕЯ КОРОВИНА В БУЛГАКОВСКОМ ДОМЕ

К 20-ЛЕТИЮ ЛИТЕРАТУРНОГО САЛОНА АНДРЕЯ КОРОВИНА В БУЛГАКОВСКОМ ДОМЕ

Александр Ерёменко.

Андрей Битов

Евгений Клюев

Кирилл Ковальджи

Евгений Витковский

Анатолий Ким

Лёша Ефимов

Мария Ватутина

Александр Александров (Фагот)

Светлана Василенко

Олег Хлебников

Ольга Медведко

Юрий Арабов

...ПРИХОДИТЕ К НАМ В СЛЕДУЮЩУЮ СРЕДУ!

Литературный салон в Булгаковском Доме отмечает 20-й литературный сезон. Я и сам не могу в это поверить. Самое известное литературное кабаре Серебряного века в Петербурге «Бродячая собака» просуществовало с декабря 1911 года по март 1915, то есть три с небольшим года...

Что позволило нашему литсалону так долго продержаться? Наверное, то, что руководство Музея-театра «Булгаковский Дом» (Николай Голубев и Наталья Склярова) бережно и максимально доброжелательно относятся к нашему непростому писательскому сообществу, а главное – не пытаются руководить нами. С благодарностью вспоминаю и прежних руководителей Булгаковского Светлану Костину, Романа Ерыкалова и Марию Бомбину, стоявших у истоков нашего салона. Вспоминаю и поэта Бориса Панкина, который когда-то предложил мне Булгаковский как площадку для литературной жизни после закрытия Театра песни Виктора Луферова «Перекресток», где я начинал вести литературные вечера в Москве. Ну и, конечно, невозможно представить литературный салон без моих драгоценных друзей и помощников Лёши Ефимова (в первой половине жизни салона) и Нины Дунаевой (во второй его половине).

В основе работы Салона заложен принцип толерантности ко всем литературным традициям и эстетическим принципам. Для меня с самого начало было важным сделать эту площадку независимой. Возможно, именно это привлекало в салон талантливых поэтов.

В салоне выступали известнейшие российские поэты и писатели и гости из Дальнего и Ближнего Зарубежья. У нас вступали на творческую стезю неизвестные авторы.

Мы храним память о тех, кого уже нет с нами, продолжая их традиции и сохраняя их творчество. Отмечу вечера памяти Бориса Слуцкого, Юрия Левитанского, Константина Ваншенкина, Леонида Губанова, Александра Сопровского, Александра Ерёменко, Бахыта Кенжеева, Марины, Андрея и Арсения Тарковских...

Отдельная тема – литературные группы Москвы. Именно в Булгаковском удалось собрать спустя сорок с лишним лет группы СМОГ (Самое Молодое Общество Гениев), «Московское время». Совместно с Еленой Пахомовой, руководителем литературного клуба «Классики XXI века», и филологом, литературным критиком Дмитрием Баком мы провели проект «Чернышевский (смотр поэтических школ)», в котором приняли участие «Рука Москвы» (РУКОМОС), «Осумасшедшевшие безумцы» (ОСУМБЕЗ) и другие группы. И наверняка поэтому именно в Булгаковском стали зарождаться новые литературные объединения – «Сибирский тракт», «Инфоромантики» и другие.

Одним из самых громких стал совместный с клубом «Классики XXI века» литературно-критический проект «Критический минимум» (2007–2009). Десятки поэтов и критиков приняли в нем участие. Вечера проходили в Москве, Санкт-Петербурге и Киеве. Поэты на сцене читали стихи, а критики в присутствии многочисленной публики обсуждали их. Это было поучительно, ярко, спорно, скандально, болезненно, справедливо и не очень, но это был живой диспут о современной поэзии между ее творцами и ее ревнителями. И это было невероятно! Были и другие совместные проекты: «Устная антология короткого рассказа» (2007–2008, организатор и ведущий – Владислав Отрошенко), «Видеопоэзия» (создание короткометражных поэтических фильмов и конкурс поэтического кино).

Мой коллега Лёша Ефимов придумал и провел в Салоне авторский проект «ЖЖ LIVE (ониЖЖивые!)». Молодые поэты и писатели «шагали» на сцену прямо со страниц своих популярных блогов в первой массовой соцсети «Живой Журнал» (ЖЖ). А еще – Светлана Василенко вела семинар прозаиков, Константин Кедров, Кирилл Ковальджи и Елена Кацюба – поэтический семинар ДООСа, выступали поэты литобъединения «Рука Москвы» («Рукомос»), проходили мастер-классы «толстых» литературных журналов и издательств. Несколько творческих поколений вошло в пространство русской литературы.

Мы проводили веселые литературные капустники на Новый Год и по другим достойным поводам (спасибо за идеи и режиссуру Нине Дунаевой, за сценарии Маше Ватутиной, а всем участникам – за вживание в новые для них роли и ситуации). Режиссёр-постановщик Елена Пенкина пришла в Булгаковский со своим театром «ТЕЛОС» и идеей поставить спектакли по стихам современных поэтов. Так появились на свет спектакли по поэзии Анны Аркатовой, Михаила Свищёва и Андрея Коровина.

Здесь же, в Булгаковском, родился творческий дуэт «Коровин и Фагот» (Андрей Коровин и Александр Фагот Александров), который гастролировал с поэзоконцертами от Калининграда до Красноярска. Творческим дуэтом (при участии актрисы Екатерины Ишимцевой) также были поставлены музыкальные спектакли «Маяковский против Булгакова» и «1917-й. Музыка революции».

А в 2021 году Нина Дунаева создала инсценировку «Любовь без парашюта» по стихам, прозе и письмам О.Подъёмщиковой, С.Белозёрова и А.Коровина.

Жизнь любого творческого пространства невозможна без фотографов. Первым появился в салоне Анатолий Степаненко, на долгие годы ставший нашим добрым другом и хроникером. Затем к нему присоединился Андрей Тарасов. Эти два фотографа создали уникальную фотолетопись не только Булгаковского Дома, но и всей литературной Москвы. Регулярно появлялись в салоне и другие мастера – хорошо известные Виктор Ахломов и Александр Тягны-Рядно и начинающие работать на этом поприще. Их работы представлялись на фотовыставках в музее и театре: Анатолия Степаненко – «Москва. Литературный процесс. Избранное», портреты литераторов мэтра отечественной фотографии Виктора Ахломова «От Анны Ахматовой до наших дней», работы московских фотографов «Поэзия в зеркале объектива», фотовыставка Анатолия Степаненко и Андрея Тарасова «Современная литература в фотографии».

В Салоне был дан старт Первому Международному Гумилёвскому фестивалю (2011), который с тех пор много лет ежегодно проходил в Центральном Доме Литераторов. В Салоне также было учреждено Гумилёвское Общество (председатель – Ольга Медведко).

В 2015 году в рамках Года литературы в России совместно с Фондом «Волошинский сентябрь» был проведен литературный фестиваль «Булгаковские чтения», и тогда поэты вышли на улицы города и прошли по Москве, читая стихи рядом с памятниками великих поэтов и удивляя прохожих, прячась от дождя под зонтиками, на которых были написаны цитаты из стихов о Москве.

Менялись люди, менялось расписание работы салона, менялось внутреннее устройство музея, со временем в подвальном помещении появился долгожданный театр.

Огромную помощь в работе салона многие годы оказывает звукоархивист, литературный редактор и музейный работник Павел Крючков, предоставляя уникальные аудио- и видеоматериалы из личного архива и из архива Музея истории российской литературы им. В.И.Даля. Красочные творческие афиши вечеров для нашего салона делал фотохудожник Андрей Тарасов, а сейчас над ними трудится художник и дизайнер Вячеслав Черников, которому в этом номере посвящена цветная вкладка.

В журнале вы найдете стихи и прозу некоторых участников нашего салона. Ровно столько, чтобы создать атмосферу одного из творческих вечеров в Булгаковском.

А в завершение скажу: «Приходите к нам в следующую среду! Ведь мы вас очень и очень ждем!»

Андрей Коровин,
создатель и бессменный куратор
литературного салона в Музее-театре «Булгаковский Дом»

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного управленческого округа Правительства Свердловской области (623850, Свердловская область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры «Банк культурной информации» (620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Т.Е.Богина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д.и.н. Е.Т.Артёмов
д.и.н. С.В.Голикова (Екатеринбург)
В.Н.Ермолаев (Тавда)
д.и.н. В.В.Запарий
к.и.н. С.А.Корепанова
д.и.н. Г.Е.Корнилов
к.и.н. В.Н.Кузнецов
Л.А.Ладейщикова
Я.С.Недвига (художественный редактор)
к.и.н. Б.Б.Овчинникова
О.В.Птиченко
чл.-кор. РАН, д.и.н. И.В.Побережников
д.и.н. Д.А.Редин (Екатеринбург)
С.П.Садовников (Москва)
Б.В.Соколов (Ярославль)
С.И.Симонов (Каменск-Уральский)
А.А.Федотов (Саратов)
Е.А.Фролова (Москва)
С.Тенятников (Москва)
Е.И.Щупова
Ю.В.Яценко (Екатеринбург)

Корректор номера
Анна Андреева

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры «Банк культурной информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и со ссылкой на журнал «Веси».
Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной почте или переданные лично, редакция рассматривает как предложенные для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах журнала без дополнительного согласования с автором.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Материалы, иллюстрации и фотографии публикуются в журнале на безгонорарной основе.

Материалы, отмеченные знаком , печатаются на правах рекламы.

Выпущен в свет 14.11.2025 г.

Отпечатано в ООО Универсальная типография «Альфа Принт» 620049, Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж. www.alfaprint24.ru

Тираж 2500 экз.

Распространяется бесплатно.

18+

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СО-ТВОРЧЕСТВА

День рождения регулярно случается раз в году, но с ходом времени понимаешь, как много всего должно было случиться для того, чтобы оно произошло – твое рождение.

Давным-давно, а именно 20 лет назад, в Булгаковском Доме родился Литературный салон Андрея Коровина.

Евгений Евтушенко и Константин Кедров, и еще сотни и тысячи соучастников и участников этого уникального явления – поэтов и писателей, читателей и слушателей встретились друг с другом, взаимно пропитались поэзией, творчеством, любовью, отогрелись душой и согрели друг друга. Некоторых уже нет с нами, но встречи с ними не вычеркнешь из памяти. А ныне живущие даже и не собираются расставаться – ведь история Литературного салона Андрея Коровина в Булгаковском Доме продолжается.

Что же это за явления такие – Булгаковский Дом и Андрей Коровин? Музей-театр и человек-оркестр. Только от такого необычного союза и могла родиться столь живая и успешная, нужная всему литературному сообществу институция, как чествуемый ныне литсалон.

Двадцать лет назад молодой поэт и журналист с горящими глазами рассказывал уставшему от тяжело идущего ремонта молодому директору о культуртрегерстве, об одиночестве творческого человека, о необходимости возрождения прямого общения с читателем. На Максимилиане Волошине и его весомой, но незаметной роли в творчестве многих столпов классической литературы эти двое сошлись во мнениях.

Потом был совместный труд, бесконечные оргвопросы и встречи. Со временем стали приходить люди, которые признавались, что начали свой путь в творчество с регулярных посещений литсалона, и этим двоим стало понятно – все заботы и труды были не напрасны.

Ведь когда есть место, где ты можешь разделить с кем-то свои мысли и чувства, поделиться этим чудом – СЛОВОМ, которое смогло стать СТИХОТВОРЕНИЕМ, тогда случается то, ради чего всё и затевалось. В дружеской атмосфере творческая искра не гаснет, а передается дальше, освещая ландшафт жизни небывалыми красками, и дорога обыденности превращается в Путь.

Быть смотрителями на этом Пути непросто, но с такими людьми, как Андрей Коровин, нет ничего невозможного! Спасибо за это со-творчество и со-трудничество!

Николай Голубев,
создатель и директор Музея-театра «Булгаковский Дом»

ВЕСИ

№ 10
(216)` 2025
декабрь
спецвыпуск

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей Коровин
...Приходите к нам в следующую среду! ... 1
Писатели о литературном салоне
«Давайте встретимся в Булгаковском!..» ... 4
Вячеслав Харченко
«У горы Волошина: литературные портреты» ... 42
Дмитрий Одиноков
Художник и подвижник Вячеслав Черников ... 46
Вячеслав Черников
Литературный салон Андрея Коровина в моей судьбе ... 48
Александр Барбух
Певческий переулок ... 49
Светлана Василенко
Русалка с Патриарших прудов ... 59
Алексей Ефимов
«В эпицентре московской зимы...» ... 62
Валерий Прокошин
«И Бог глядит в глаза – и глаз не отвести...» ... 65
Ефим Бершин
«Мир уже не рифмуется...» ... 68
Вячеслав Куприянов
«Я здесь единственный молчащий...» ... 70
Геннадий Калашников
«Жить у железной реки...» ... 72
Анна Гедымин
«Когда отцветают звезды...» ... 74
Ирина Ермакова
Сосед Еврипид ... 76
Сергей Бирюков
Время Велимира ... 78
Ольга Сульчинская
Случайный небожитель ... 80
Александр Переверзин
Севернорусский Овидий ... 82
Андрей Коровин
Булгаковские ночи ... 84
Поэты о литературном салоне
«Зазеркалье в Булгаковском доме...» ... 86
Сергей Белозёров, Андрей Коровин, Ольга Подъёмщикова, инсценировка – Нина Дунаева
Любовь без парашюта ... 87

В номере использованы фотографии: Анатолия Степаненко, Андрея Тарасова, Геннадия Смирнова, Андрея Коровина, а также из личных архивов авторов номера и из архива литературного салона и Музея-театра «Булгаковский Дом».

Адрес салона: г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 10, 1 подъезд, Музей-театр «Булгаковский Дом» (метро «Маяковская»).

Страница салона на сайте Булгаковского Дома:
https://dombulgakova.ru/literaturnyj-salon-andreya-korovina/

Страница Салона в ВКонтакте: https://vk.com/litsalonkorovin

Журнал награжден медалями:

Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

United Nations Educationa, Scientific and Cu tura Organization

Wor d Federation of UNESCO c ubs, centers and associations

РОССОТРУДНИЧЕСТВО · ROSSOTRUDNICHESTVO ·

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству.

«ДАВАЙТЕ ВСТРЕТИМСЯ В БУЛГАКОВСКОМ!..»

К 20-ЛЕТИЮ ЛИТЕРАТУРНОГО САЛОНА В БУЛГАКОВСКОМ ДОМЕ

ГЕННАДИЙ КАЛАШНИКОВ

«ПОЙДЕМ В БУЛГАКОВСКИЙ...»

«Давай завтра встретимся в Булгаковском...»

«Слушай, тебе Андрей Коровин прислал приглашение? У него там интересный вечер...»

«Не можешь устроить мне вечер в Булгаковском?..»

Такие разговоры в литературных кругах приходилось, да и сейчас приходится слышать довольно часто. Но тогда, на заре легендарного ныне литературного салона Андрея Коровина, я имел о нем самое смутное представление. Но вскоре я познакомился с Андреем на своем вечере в подвальном зале «Русского журнала» в Большом Гнездниковском переулке, где тогда приютился и «Журнальный зал» Сергея Костырко.

«Пришел Андрей Коровин...» – шепнула мне Таня Тихонова, бессменная сотрудница «Журнального зала», знавшая всех и каждого.

Тогда я впервые увидел, как Андрей слушает стихи, каким сосредоточенным становится его улыбчивое лицо. Мы оказались земляками – оба из Тульской области – и мгновенно подружились. С этого момента я стал постоянным завсегдатаем вечеров в Булгаковском Доме.

Нет, я знал, что в Москве немало поэтов, со многими был знаком, но увиденное в Булгаковском меня поразило. Во-первых, поэтов оказалось гораздо больше, чем я предполагал. Во-вторых, среди них чуть ли не в преобладающем большинстве оказались красивые девушки. Мало того, что красивые, но и пишущие хорошие стихи.

А стихи в небольшом зале флигеля, что рядом с домом, где находится «нехорошая квартира», звучали всегда. Вечера проходили шумно, весело, с настоящим драйвом, жизнь, как говорится, кипела и бурлила. Часто после вечеров действие переносилось на Патриаршие пруды. Благодаря Андрею и его сподвижникам я хорошо узнал этот район Москвы, его «горячие» точки, потаенные дворы, узкие переулки.

Разумеется, командором всего этого действа являлся и является Андрей Коровин. Сказав вступительное слово, пустив вечер по уверенным рельсам, он тихо исчезал, чтобы внезапно, словно Бегемот, появиться из боковых дверей или из-за бордовой портьеры за спиной очередного выступающего. Знаю, каких трудов стоит Андрею управлять этим непослушным кораблем, сколько рифов и отмелей искусно обходить, избегая штормов и шквалов. Тут без верных помощников не обойтись.

Если уж заговорил о помощниках, то сразу вспоминается безвременно ушедший Лёша Ефимов. Замечательный поэт, спокойный, уравновешенный человек, он был надежной, крепкой опорой и верным другом. Он прекрасно понимал нервную, чувствительную, обидчивую натуру поэтов, умел найти верный тон с каждым, успокоить, поддержать, расставить все по местам. Мы с ним жили в одном районе и часто возвращались с поэтических ристалищ вместе. Шли от метро, разговаривали, и я понимал, как глубоко Леша чувствует поэзию, как дорог ему каждый пишущий в рифму или верлибром. Жизнь идет, вечера в Булгаковском продолжаются, но Лёши до сих пор не хватает на этих вечерах.

А Нина Дунаева! Замечательная Ниночка! Без нее невозможно представить ни один из вечеров. Вот уж настоящая душа литературного салона. Прекрасная актриса, замечательно читающая стихи, знающая все и всех, она незаметна в зале, но совершенно блистательна на сцене. Не понимаю, как происходит превращение приветливой, скромной Нины в сияющую звезду, но не раз был свидетелем этого чуда.

Людей, кровно близких к работе «Литературного салона», много, перечислю лишь некоторых, а у тех, кого по забывчивости или незнанию не упомяну, попрошу прощения.

Думаю, что очаровательная Наташа Склярова, исполнительный директор музея-театра «Булгаковский Дом», не только умелый администратор, но и творец, помогающий воплотить на сцене театрального зала самые смелые поэтические проекты.

Александр Александров, легендарный Фагот из групп «Аквариум» и «Звуки Му». Какой дуэт они составляют с Андреем Коровиным! Горжусь, что и мне он когда-то подыгрывал, безошибочно угадывая настроение и ритм стихов.

Катя Кузнецова – верный помощник, Алексей Ушаков – хранитель звукового архива, замечательные фотографы – Толя Степаненко и Андрей Тарасов.

Словом, всех не перечислить.

Но нельзя не упомянуть еще одно детище Андрея с весьма со-

лидным названием – Международный культурный проект «Волошинский сентябрь». Как мне кажется, этот проект если не двойник «Литературного салона», то его единокровный брат. Судите сами – практически все участники вечеров в Булгаковском Доме являлись и являются участниками «Волошинского сентября». Разумеется, ротация происходит, кто-то отпадает, появляются новые действующие лица, но напряженная поэтическая атмосфера, дух поэтического братства остаются прежними.

Разве можно забыть Коктебель, чтения во дворе дома Максимилиана Волошина, шум моря, сливающийся с шумом поэтического прибоя? А «Заплыв поэтов» с собственными рукописями? Не удержусь и похвастаюсь, что я стал победителем одного из этих заплывов. И принял из рук Андрея чарку с коньяком «Коктебель», национальным напитком поэтического племени. Но вместе с тем в рамках фестиваля шла и работа – проводились мастер-классы, устраивались дискуссии, выступления перед жителями и отдыхающими Коктебеля.

Много новых стихов, новых имен услышал и узнал Коктебель, помнящий голоса Максимилиана Волошина, Андрея Белого, Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама...

Не могу не вспомнить, как мы с Лёней Бахновым приехали на фестиваль в 2013 году. Ехали в поезде, читали рукописи, Лёня – прозу, я – поэзию. Нам предстояло вести мастер-классы, дело серьезное.

Заселились в гостиницу, в номер на третьем этаже. Вошли в номер и увидели, что две кровати тесно составлены, образуя некое романтическое ложе. С нами была девушка-попутчица, тоже приехавшая на фестиваль, но еще не определившаяся с жильем. Мы пригласили ее к нам – передохнуть, принять душ... Она явно робела, но все же пошла с нами.

– Так, – сказал я, оглядев ложе, – похоже, с нашей ориентацией все ясно. Так что смело располагайтесь у нас и ничего не опасайтесь.

Но девушку это ложе как-то напугало, и она поспешно ретировалась. После чего мы с Лёней, ворча и переругиваясь, растащили кровати и поставили между ними тумбочку.

Но на этом проблемы с нашей ориентацией не закончились. Едва мы вышли на балкон – Лёня покурить, я – осмотреться на местности, как из-за угла вывернулся человек, которого мы с высоты третьего этажа приняли за крепко выпившего китайца. «Китаец» тоже увидел нас и сразу же невзлюбил.

– П.....ы! – уверенно крикнул он, словно видел недавнее ложе в нашем номере.

– Ты чего! Заткнись... – забурчали мы возмущенно.

Но «китаец» не унимался. Чтобы было удобнее рассматривать нас, он даже прилег на капот белой легковушки, стоявшей под балконом. Утвердившись там, он внимательно вгляделся и заметил нечто новое.

– П.....сы и графоманы! – торжествующе возвестил он.

– Вот мы сейчас спустимся и узнаем, кто есть кто... – кричали мы с Лёней с балкона, но, по правде говоря, несколько растерялись. Начинать первый день фестиваля с драки не хотелось.

К счастью, откуда-то появилась девушка и увела «китайца».

– Кто это? – спросили мы у знакомого, вышедшего на соседний балкон.

– ...Поэт, – просветил нас сосед.

Естественно, что на следующий день мы пошли на авторский вечер Поэта. Читал он вдохновенно и с напором, в стихах слышался и полет степного ветра, и шум байкальских волн, и древние бурятские напевы. Конечно, читать ему было трудно, он потел, пил воду, вздыхал, но впечатление от его стихов было сильное.

После чтения мы подошли к нему. Поздравили с замечательным выступлением, сказали, что не сердимся за вчерашнее...

– А что было вчера? – с некоторой опаской спросил Поэт. Тут мы и рассказали, как он проницательно определил не только нашу ориентацию, но и степень нашей литературной одаренности, хотя мы были высоко – на третьем этаже.

– Я ничего не помню... – совершенно смутился Поэт и принялся извиняться.

Как говорит в финале один из героев фильма «Касабланка»: «... Это начало прекрасной дружбы...»

Множество дружеских связей завязалось и в Булгаковском Доме, и на Волошинском фестивале. Самое главное, что эта дружеская творческая атмосфера никуда не девается. Она по-прежнему объединяет самых разных поэтов, по-прежнему побуждает к плодотворному творческому общению.

Двадцать лет – прекрасный возраст. Он свидетельствует о том, что все состоялось, что есть что вспомнить, чем гордиться. Но он и обещает, что главное и лучшее еще впереди.

НИНА ДУНАЕВА

ТАК БУДЕТ

Литературному салону Андрея Коровина в Булгаковском Доме двадцать лет. И хотя моя история в нем длится всего двенадцать, мне все равно кажется, что в нем прошла целая жизнь.

Впервые я попала в Булгаковский в январе 2012 года на вечер Бориса Панкина «Новый Раскольников». Приятельствовала с питерскими поэтами и совершенно ничего не знала про литературную жизнь Москвы. Помню, что долго бродила по Большой Садовой вокруг и никак не могла найти нужную подворотню. На вечере мне понравилось, и в следующий раз я пришла в салон в апреле, на традиционное празднование дня рождения и авторский вечер Коровина. Он презентовал тогда странную книжицу «Растение-женщина», вышедшую всего в десяти экземплярах.

2012 год – единственный год в моей жизни, когда я не работала. А так как всегда найду, чем себя

занять, от избытка свободного времени стала много ходить по разным культурным мероприятиям (не только литературным) и писать о них в блог. Нашла группу литсалона во Вконтакте, которую никто не вел, она была совершенно заброшена. Ни анонсов, ни фотографий, ни отзывов. Я написала Андрею сообщение с предложением размещать там анонсы и публиковать свои репортажи с вечеров. Андрей согласился и дал мне администраторские права. Много позже он скажет: «Мне часто предлагают какую-то ерунду, обычно я такие сообщения игнорирую. Даже не знаю, почему тогда согласился!»

Я тоже не знаю, почему он согласился. Судьба! Но он дал мне права на группу, и кажется, забыл об этом, ведь основная активность сообщества была тогда в запрещенной ныне соцсети. А я стала методично публиковать анонсы и отзывы на мероприятия. Да и ходить в салон стала, соответственно, регулярно. Прошел месяц, а, может, и два, Коровин вдруг вспомнил про группу и был удивлен, обнаружив там активность. Кажется, только тогда он «опознал» меня в зале и подошел познакомиться по-настоящему.

Оглядываясь назад, лишний раз думаю, что жизнью правит случай. И кто бы мне тогда сказал, что несколько заметок в блоге изменят мою жизнь, я бы не поверила. Но случилось так, как случилось.

Сейчас уже трудно представить, но чуть больше десятка лет назад литературная карта столицы была совершенно иной. Литературных площадок было всего несколько, между ними существовала договоренность, в какой день недели они проводят свои мероприятия, чтобы те не пересекались друг с другом по времени, и перед зрителем не стояла проблема выбора, куда пойти. Презентация книги или творческий вечер были для автора событием. Единственным и уникальным. Его планировали заранее, к нему готовились и в том числе выбирали площадку. Конечно, некий круг завсегдатаев существовал, но в целом, литературное сообщество было в разы сплоченнее, ходили на многие вечера на разные площадки.

Невозможно объективно анализировать, когда ты находишься внутри процесса, да и слишком много сказалось факторов, но за последние годы в литературной жизни столицы произошло качественное изменение ситуации и отнюдь не в лучшую сторону. Ежедневно по всей Москве проходит множество мероприятий. Каждая библиотека или кафешка мнит себя площадкой. Афиши и анонсы разбрызганы по всей сети. Иные авторы, как гастролирующие артисты, перемещаются с одного выступления на другое. Вроде бы, не попал ты на презентацию книги в магазин «Москва», можешь пойти в АСПИР, но по факту зрителей окажется мало и там, и там. Да и само сообщество разделилось бесповоротно. Кто-то разошелся по идейным соображениям, кто-то уехал, кто-то спился или вовсе умер. Если поколение 30+ еще «прижимается» к нашему, то в какой парадигме существуют молодые, совсем не очевидно. Я недавно пришла на вечер журнала «Юность» в Дом Ростовых и оказалась едва ли не самой молодой в зале. Вот ведь парадокс, учитывая, что «Юность» действительно публикует молодых и начинающих авторов. Литературные школы, тренинги, семинары и резиденции – этого стало очень много, а единого литературного пространства и сообщества нет. Во всяком случае, так кажется мне.

Но остаются люди и память. А люди и есть то главное, что принес Булгаковский в мою жизнь. После презентации книги «В ролях» Виктории Лебедевой послала ей ссылку на статью про мероприятие, и это стало началом близкой дружбы, которой теперь уже больше десяти лет. Здесь, в Булгаковском, одним из первых в объективе своего фотоаппарата меня разглядел Толя Степаненко, наш многие годы бессменный фотокорреспондент. Здесь же проводили его с Андреем Тарасовым выставку фотопортретов литераторов. Здесь праздновали юбилеи Ефима Бершина, Гены Калашникова и Фагота. Здесь играли наши капустники: на десятилетие литсалона, на один из дней рождения Коровина и на празднование Нового года. Фотографии и отзывы о них долго гуляли по сети. Помню, как Галя Илюхина с некоторой ревностью в голосе говорила, что не мы, а именно они, «Пиитер», первые начали делать капустники! Мы и не оспаривали первенства. Сами не ожидали, что получится так удачно и ярко. Даже сейчас хочется улыбаться, вспоминая Машу Ватутину в роли Льва Толстого или Деда Мороза.

Здесь я впервые читала со сцены стихи Прокошина, а позже впервые сыграли «Любовь без парашюта». Впрочем, до нее еще далеко, она случится много позже. А пока дверь в Булгаковский открывает Анатолий Сергеевич – подлинное «лицо» Булгаковского дома, такое, каким я хочу его помнить. Свой в доску, открытый, простоватый, слегка нетрезвый, но всегда доброжелательный. На стойке спит Бегемот прошлой реинкарнации. Он не столь большой и презентабельный, как нынешний мейн-кун, зато что-то в его прищуре было особенное, с чертовщинкой. Здесь в сигаретном кумаре в кают-компании с Колей Голубевым и Наташей Скляровой в 2015 году за пару часов придумали Булгаковский фестиваль. И столько креатива мы не укладывали в трехдневную программу никогда. Не только придумали, но ведь еще и реализовали. Тогда же я впервые видела на открытии фестиваля, как зрительный зал не вместил всех желающих. Зрители стояли в фойе, сидели на полу перед сценой, и даже, кажется, по ее краям.

Здесь собирались на задней лестнице, курили и разговаривали. Здесь в арт-фойе отмечали праздники, здесь же проводили вечера памяти. Здесь не по указке или конъюнктуре, а по душевному велению, пели хором всем залом с Дмитрием Сухаревым и Андреем Крамаренко песни Побе-

ды в канун праздника. Здесь после какого-то вечера и банкета Ленка Семенова влезла на плечи скульптуре Коровьева и, голая по пояс, размахивала блузкой и выкрикивала стихи. Михаил Афанасьевич наверняка смотрел на это с неба и улыбался.

Здесь каждую неделю в любую погоду после окончания вечера мы собирались большой компанией и шли на Патриаршие. Это был почти ритуал. Никто не заметил, как компания развалилась, а вместе с ней исчезла и традиция. Ее не хочется возрождать. Что было по велению сердца, не поддается реставрации. Зато помнится, как поздней весной, перемахнув парапет, сидели вдвоем с Коровиным на берегу, правили мою статью, которая должна была уйти в печать, и забыли про время, а Андрей должен был уезжать в командировку. Он чудом не опоздал на поезд. Помню, как впрыгивал в последний момент в уже начавший движение вагон.

Однажды, когда в эмоциональном порыве я пыталась закончить свое сотрудничество с литсалоном (кажется, мы в очередной раз поругались с Коровиным, а ругались вдрызг мы регулярно), Фима Бершин мне сказал: «Ты не понимаешь, Нина! То, что вы делаете с Андреем, это уже часть истории литературы. И ты тоже ее часть!» Признаться, я не понимаю этого до сих пор, или не оцениваю так, но слова эти я запомнила.

Наверное, когда оглядываешься далеко назад, пытаешься найти глобальный смысл в том, на что ежедневно просто не обращаешь внимание, просто не задумываешься. Взять того же Коровина, который вот уже двадцать лет выполняет, на самом деле, огромную работу, хоть ее и не всегда видно. Он составляет план, договаривается с авторами, ведет вечера.

В какой-то момент культуртрегер-Коровин несомненно помогал Коровину-поэту. В какой-то момент – мешал. Злопыхатели говорили, что он таким образом продвигает свое творчество. Был период, когда Булгаковский стал «чемоданом без ручки» – бросить было жалко, а нести тяжело. Иногда же он, наоборот, удерживал на поверхности жизни, как спасательный круг. Впрочем, по внутренним ощущениям для меня существование в салоне складывалось по похожей схеме. Сейчас литсалон для нас существует, скорее, по инерции, стал привычкой и образом жизни. Мы не склонны преувеличивать его роль в литературном процессе. Скорее, воспринимаем его уже островком памяти и местом встречи друзей. Их не так уж и много, но как мы любим говорить, в Булгаковском «намоленная площадка», и нет-нет, да и заглянут любимые авторы, зазвучат со сцены дорогие тебе голоса и отдающиеся внутри тебя знакомые строки.

Был у нас с Андреем когда-то общий «дружок». Гуляли мы как-то компанией на Патриках, в какой-то момент я вдвоем с этим товарищем отстала от остальных. Обсуждали какие-то планы, и вдруг он говорит, что ведь мы с ним можем делать что-то сами. То есть без Коровина. Зачем он нам?.. Наверное, именно в тот момент между нами и образовалась та трещина, которая потом навсегда отколет «льдину» имени этого человека от нашего с Андреем материка и смоет мировым океаном прочь. Но тогда я впервые поняла, что не представляю литературного мира, а главное, саму себя в нем без Коровина.

За годы совместной работы мы научились с Андреем понимать друг друга с полувзгляда, перестали ругаться, делить права и обязанности, хотя все также спорим иногда о всякой ерунде до хрипоты. Мы перестали впадать в депрессии одновременно, ведь один должен поддерживать второго. Мы, кажется, сравняли счет по эвакуации с банкетов нетрезвых личностей друг друга. Мы давно начали путаться в общих датах и событиях. Вслед за Коровиным я отвратительно перестала готовиться к мероприятиям. Понятие «сценарий вечера» у нас просто не существует.

– Что мы сегодня делаем? – спрашиваю я минут за десять до начала мероприятия.

– Все, как ты любишь: выходим и что-то трындим! – отвечает Андрей.

– Но тогда ты хоть замолкай иногда, чтобы я тоже могла что-то сказать, а то стою рядом, как дура!

– Ниночка, ничего страшного! Ты можешь просто красиво стоять и молчать! Это прекрасно! – вставляет свои пять копеек Гена Калашников, который в это время подписывает в гримерке Булгаковского Дома книги.

Все обыденно, все привычно.

И будет день, будет новое мероприятие. Вот, например, презентация спецвыпуска журнала «Веси», посвященного двадцатилетию салона. И мы привычно войдем с Коровиным в черный кабинет сцены театрального зала Булгаковского Дома и привычно скажем:

– Добрый вечер, дорогие друзья! Мы приветствуем вас в Литературном салоне Андрея Коровина в Булгаковском Доме.

Так было. И так будет. А как же иначе.

ОЛЬГА СУЛЬЧИНСКАЯ

КОРОВИНСКИЙ ДОМ, ИЛИ СОН В ОСЕННЮЮ НОЧЬ

В две тысячи некотором году в городе М стоял акварельный месяц, таял последний снег, а я готовилась к своему первому сольному вечеру. Мои стихи пролетелись по нескольким журналам, но в поэтической тусовке я была элементом новым, чтобы не сказать чужеродным.

Пока я не набралась дерзости отправиться по редакциям, публикация представлялась мне пределом мечтаний. Но вскоре мной овладела новая мечта – читать перед публикой. В конце концов, кто-то сказал: «Тебе нужен Коровин». Русскому импрессионисту нет, не родственник, а зато мало того, что поэт, так еще и хозяин литературного салона! Знакомство состоялось. Андрей Коровин разительно отличался от всех известных мне литераторов. Был он улыбчив и румян,

сразу же стал звать меня Олечкой, словно мы сто лет дружим, ни разу за весь разговор не нахмурился и не уставился в потолок, а на робкий мой вопрос ответил без раздумий: «Конечно! Устроим твой вечер! Как раз есть свободный день». И пока я приходила в себя, быстро добавил: «Сам я прийти не смогу, но всех предупрежу. Ты в Булгаковском бывала?» Покачал головой, услышав, что нет, быстренько продиктовал адрес, и, улыбнувшись напоследок чеширской улыбкой, исчез.

В качестве группы поддержки я позвала Лизу Львову, с которой мы были неразлучны со школы. Лиза, во всем шустрей и оборотистей меня, ценила меня за лирику и неприспособленность. А я сочувствовала любовным драмам, которые преследовали ее с пятого класса, когда дурак шестиклассник на перемене всем прочел ее записку с трогательным предложением дружбы. В отместку она справедливо выдрала ему клок волос, но с тех пор все ее романы развивались примерно по той же схеме.

Раз уж мои желания исполнялись со скоростью почти пугающей, я надеялась, что и подруга скоро встретит достойного спутника, может быть, даже прямо сегодня. Ведь салон же! Публика явится самая отборная.

За три часа до назначенного времени Лиза гладила мою, купленную по такому поводу, концертную юбку синего атласа, а я красила глаза.

– Гуще! Гуще! – командовала Лиза, размахивая утюгом, который плевался и пускал клубы пара, – ты выступаешь, нужен сценический макияж!

Я послушно навела брови и вытянула к вискам угольные стрелки.

Отставив в сторону утюг, Лиза потянулась за своей сумкой, порылась и добыла помаду:

– Твоя не годится, у нее вообще никакого цвета нет! – и нарисовала мне кровавый рот.

– Я похожа на вампира, – простонала я.

– Вот и отлично.

Сама она, брюнетка с монгольскими скулами, нарядилась в свои бессменные кожаные штаны и белую мужскую рубашку. В метро мне казалось, что на нас смотрят все. Я не могла решить, гордиться или смущаться, и в итоге уткнулась в листки, чтобы еще раз подзубрить собственные стихи.

На выходе со станции над головой горлана-главаря расстилалось голубое небо, но в сторону гостиницы Пекин из него вытягивались фламинговые облака. Мне было не до красот природы, до начала оставалось 20 минут, и, хотя Львова утверждала, что все рядом, я побежала бы, если бы не длинный подол. Миновали театр Сатиры.

– Долго еще? – донимала я Лизу, но она как раз нырнула в арку, увлекая меня за собой. Замкнутый двор напоминал питерский, от неба остался розовый прямоугольник над стайкой не оперившихся деревьев. Лиза решительно потянула на себя тяжелую дверь в стиле модерн, и на нас сурово взглянул военизированный охранник. Но услышав, что мы на вечер, кивнул и даже повернул усатый профиль в нужную нам сторону.

Помещение разделялось надвое. Одна половина представляла собой кафе: кондитерская витрина, игрушечных размеров круглые столики. Другая, отделенная от первой раздвинутым бархатным занавесом, была свободна, если не считать нескольких поставленных в ряд стульев. По периметру шли: стол с ундервудом, зеркало во всю стену в густо позолоченной раме, хлипкое пианино, неизвестно куда ведущая дверь, застекленные шкафы с книгами, открытками, брелоками, керосиновыми лампами. Я внимательно по очереди изучила все представленные предметы.

В кафе взвыла кофемашина. «Как же я буду читать, – подумала я, – она же меня заглушит». Двое посетителей пили кофе, и я вообразила, как они заслушаются меня и останутся на весь вечер.

Потом я проверила, куда ведет дверь, обнаружила выход к туалетам и вернулась назад. Лиза, нога на ногу, устроилась в первом ряду, вольготно раскинув руки по спинкам соседних стульев. Я облокотилась о пианино и красиво вписалась в отражение. Прочла на пробу пару катренов. Мы обсудили погоду, помолчали.

– Давай начинай, – велела Лиза в половине восьмого, – потом подойдут.

Я прочла ей пять стихотворений.

Парочка в кафе допила свой кофе и ушла, оставив пустые чашки.

Потом буфетчица выключила лампу над стойкой и тоже ушла. Ясно было, что грезы о блестящем выступлении при полном аншлаге пошли прахом. Я в тоске смотрела на подругу, может, она скажет, как поступить.

И в этот момент появился, широко улыбаясь, Андрей Коровин.

– Простите, девочки, опоздал, – оценил зал. – Так. Хм. Что-то пошло не по плану.

Я почувствовала, как у меня задрожали губы, и испугалась, что сейчас заплачу, но он предотвратил это:

– Не-не-не, расстраиваться не будем, сейчас что-нибудь придумаем!

С этими словами он раскрыл ближайший шкаф, за цепочку вытянул с полки монокль и ловко вдел его себе в левый глаз, зажав бровью.

– Вы здесь впервые?

– Ну да, – подтвердили мы.

– Очень хорошо! – обрадовался он. – Возьмемся за руки!

Поколебавшись, я протянула ему руку, другую дала Лизе, и мы, образовав подобие хоровода, двинулись в сторону зеркала. На мгновение мне почудилось, что Андрей натурально собрался вести нас сквозь отражение. Но он положил ладонь на золотую раму, и зеркало беззвучно повернулось, открыв темный проем. Дохнуло сквозняком. Сделав несколько нетвердых шагов, мы оказались в просторной комнате. Пахло сухой травой, деревом, глиной, в темноте слабо светилось окно, снаружи доносились переговаривающиеся

голоса, а прямо на нас смотрела огромная женская голова с египетскими глазами.

По скрипучей лестнице мы спустились вниз и вышли на веранду. Две девушки, сноровисто расставлявшие чашки на застланном льняной скатертью столе, мельком обернулись к нам, но тотчас вернулись к своему занятию. Дальше открывался незнакомый, не городской двор. В окружении акаций в три ряда выстроились плетеные кресла, некоторые пустовали, но большинство занимала разномастная публика, в нарядах которой мерещилось что-то неуловимо театральное. Перед ними, видимый нам сбоку, декламировал высокий мужчина: ...вниз головой... за линией береговой...

Я была слишком оглушена всем происходящим и плохо различала слова. Откуда-то доносился равномерный ритмичный шум, размывающий звуки.

Андрей все еще держал мою руку в своей, а Лиза уже отцепилась и направилась к светловолосой, стриженной под пажа женщине, которая курила, прислонившись спиной к дереву. Лиза что-то сказала, та смерила ее взглядом и, помедлив, одарила папиросой. На запястье качнулись серебряные браслеты.

– Поэтическая часть подошла к концу, но вечер продолжается... – поднялся с места человек в белой рубахе, похожий на постаревшего и располневшего Садко, новгородского гостя, как его изображают в детских книжках.

– Прошу прощения, – вежливо перебил его, выступая вперед, Андрей. – Я бы хотел представить вам еще одну участницу, – он вывел меня и поставил перед собравшимися. Мужчина снова сел, все посмотрели на меня. Я окончательно потерялась.

Зато в наступившей тишине стало понятно, что доносящийся шум – это морской прибой. Откуда могло взяться море? – пронеслось у меня в голове, и эта мысль вытолкнула первую строчку.

– Море солоно – кровь! Море – сон неоткрытых Америк,

Море – вспененный кров кораблей, не увидевших берег, – начала я, все больше разгоняясь, сосредоточившись на госте-Садко, глядевшем на меня испытующе, но добродушно.

Небо темнело стремительно, как бывает на юге. Ажурная листва акаций сначала обозначилась с графической четкостью, а потом стала растекаться, словно намокшая акварель. Я закончила чтение, похлопали, Лиза издали показала мне большой палец, и Садко позвал всех пить чай, который уже разливали из внушительного самовара. Не было решительно никакой возможности спросить о чем-либо Коровина, который на другом конце стола оживленно переговаривался с дюжим усачом, похожим на давешнего охранника, но в гораздо более убедительной черкеске. Моя подруга, наклонив голову, благосклонно слушала молодого, слегка косящего мужчину, который пылко шептал ей что-то на ухо.

На овальном блюде резали румяный пирог, выпускавший смородиновую начинку. Я потянулась за салфеткой, чтобы избавиться от смущавшей меня красной помады.

– Берите-берите, не робейте, пекут у нас отменно! – по-своему истолковав мое движение, поощрила меня сидевшая напротив женщина-паж, затянулась, сощурилась: – Вы ведь не здешняя? Что-то не припомню, чтобы встречала вас прежде.

Я запаниковала, не зная, как ответить. Но в разговор вмешался сосед:

– Мы вот чаи распиваем, о вечности рассуждаем, – обратился он к нам, – а времени-то почти и не осталось, нас в самые ближайшие годы ждут серьезные испытания, в ближайшие! Серьезные, уж можете мне поверить! – он строго поблестел на нас металлической оправой очков и взял кусок пирога.

Вынесли и засветили лампы, мошкара словно этого и ждала, налетела и стала биться о стекла.

Чаепитие происходило шумно и беспорядочно, его участники менялись местами, ходили по двору, там и здесь под акациями образовывались и распадались маленькие группы. Некоторые люди казались мне смутно знакомыми, но вспомнить, где я могла их встречать, не удавалось.

Из дома принесли складной столик, разложили и покрыли черной скатертью с длинной бахромой. К нему вышла закутанная в шаль с такой же бахромой женщина, которую я до того не видела, с гладкой кожей, смуглой от природы, а не от загара. Она достала из вышитой сумочки и принялась раскладывать крупные карты с яркими картинками. К ней немедленно подсел тот, кто читал про береговую линию, за ним выстроилась небольшая очередь.

– Таро, – объяснила подошедшая Лиза, – это колдунья здешняя, она и стихи пишет, но здесь все пишут, а главное, гадает! Мне, представь, выпало замужество. Зовут ее...

Но не успела она договорить, а я спросить, когда это она ухитрилась получить свое предсказание, как Андрей, тоже вдруг очутившийся поблизости, махнул на Лизу веточкой акации:

– Тише! Не называй имен. А ты не запоминай, – перевел взгляд на меня и рассмеялся, так что непонятно было, всерьез он говорит или шутит.

Ночь сгустилась до египетской тьмы, самовар унесли, блюда опустели, по скатерти катались вишни и виноградины. Кто-то закричал:

– Купаться!

– На всех купальных костюмов не хватит, – возразил другой голос.

– А мы как в Элладе, – ответили ему, – будем плавать обнаженными.

– Как в Элладе! Как в Эдеме! – подхватили другие. И вся компания снялась с места. Мы с Лизой тоже побежали по прохладному, затрудняющему бег песку. Я с непривычки наступила на юбку и чуть не упала, потом догадалась подобрать ее.

Добежавшие до прибоя первыми женщины проворно скинули с себя одежду и, сахарно светясь телами против черного небосво-

да, вошли в волны, постепенно в них растворяясь. Мужчины немного потоптались и последовали их примеру. А тот строгий, что предвещал испытания, уселся на песок, старательно расшнуровал ботинки и поставил их рядом, но в воду так и не пошел, вместо этого запрокинул голову и стал смотреть вверх.

– Пора назад, – объявил Андрей, подходя ко мне, – а то на метро не успеете.

Откуда тут метро? – подумала я ровно с тем же удивлением, как раньше думала о море. Но послушно повернула. Лиза последовала за нами, немного отстав.

Дом стоял одиноко среди длинного побережья, словно подставляя лицо ветру. Над ним мигали мохнатые звезды.

Ни души не встретилось нам ни во дворе, ни на веранде. Мы подошли к двери. Андрей подергал за ручку, потом достал из кармана ключ и вставил в скважину. Ключ поворачивался, но дверь не открывалась. Акации качнулись, потянуло прохладой, посыпались сухие листья.

– Девочки, – обратился к нам Андрей, – я же вас спрашивал, вы в Булгаковском были первый раз?

Я испуганно кивнула. А Лиза у меня за спиной чихнула, шмыгнула носом и объявила:

– Да ну вас, я лучше купаться пойду. – И, развернувшись, быстро пошла прочь.

– Вот, значит, как, – протянул Андрей. И тут ключ повернулся.

– Ну, давай сама тогда, мне надо здесь разобраться, – он сунул мне в руку стекляшку на цепочке, – на место положи, средняя полка слева, не перепутай, – и не успела я возразить, как он подтолкнул меня вперед и захлопнул дверь у меня за спиной.

Без десяти час я входила в метро. Голова непрерывно кружилась, хотя ничего крепче чая я не пила. Приехав домой, я поскорей легла и крепко заснула.

А дальше все пошло своим чередом, за одним исключением: моя подруга Лиза начисто пропала. Я снова и снова звонила ей – безрезультатно. Когда я выбрала день, чтобы съездить к ней, мне открыла незнакомая тетка, ничуть не похожая на Лизину маму, и злобно прошипела: «Таких нет». Я исхитрилась заглянуть ей за спину – интерьер был чужой.

Я обзвонила тех одноклассников, чьи номера у меня сохранились. Они не могли сообразить, о ком это я спрашиваю. Хуже всего то, что и в школьных альбомах я больше не находила Лизы. Фотографии сомкнули строй, не оставив даже пустоты на том месте, где раньше была моя подруга.

Пробовала я выпытать хоть что-то у Коровина, но он лишь пожимал плечами:

– Олечка, меня не было на твоем вечере, я же предупредил, что буду в отъезде, помнишь? – и на все дальнейшие расспросы только улыбался своей фирменной улыбкой и таял в воздухе.

Рассказывать об этом было без толку – никто из знакомых Лизы не помнил, а незнакомым... что ж, я делала это, и каждый раз слышала то же предложение: «Занятный сюжет, запиши!»

Шли годы, воспоминания о том давнем вечере вытеснялись другими, более насущными, вопросами. Но недавно с незнакомого номера пришло СМС. Стиль был узнаваемый, не ошибешься, Львова всегда так общалась – постоянно чего-то не договаривая и предполагая, что друзья просто обязаны быть в курсе всех событий ее жизни.

Не волнуйся. Мы в Стамбуле. Свадьба завтра.

Допустим, я могу предположить, почему в Стамбуле, но кто такие «мы», чья свадьба завтра, и, если уж на то пошло, какое «завтра» имеется в виду?

Конечно же, я попыталась перезвонить, хотя заранее знала, что номер окажется заблокирован.

ДМИТРИЙ ГАСИН

С КНИГАМИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВРЕМЯ»

Литературный салон Андрея Коровина в Булгаковском Доме – явление уникальное даже по меркам двухтысячных, богатых на разные формы и стили существования поэтических площадок и проектов. Я познакомился с Булгаковским Домом и его поэтической жизнью «заочно», еще до того, как первый раз пришел послушать стихи и посмотреть экспозицию Музея-театра. (Надо сказать, что формально музеев два: музей-театр – тот, где выступают поэты, приглашенные Андреем Коровиным, и музей-квартира, где директором была Инна Омаровна Мишина, сестра прекрасной Мариэтты Омаровны Чудаковой (1937–2021), специалиста-булгаковеда, с которой мы дружили и которая многие годы издавалась в родном мне издательстве «Время». Сосуществование и перипетии отношений всех этих дорогих мне людей на протяжении двух десятилетий – до того, как мы познакомились, и во время нашего общения – это очень долгая и подчас мучительная история, для которой нужен отдельный рассказ). «Заочное» знакомство с Булгаковским Домом состоялось через стихи Алексея Дидурова (1948–2006) и участников его литературного «Рок-кабаре». Самого Алексея я не застал, как и его присутствия в Нехорошей квартире, но в 2008 году во «Времени» вышло его большое избранное «Райские песни» с компакт-диском аудиозаписи цикла «Райские песни nonstop» в исполнении автора. С тех пор всегда, когда я поднимаюсь по знаменитой лестнице, я мысленно слышу голос Дидурова и вспоминаю, что здесь могли курить и смотреть на бесчисленные граффити Цой, Науменко, Шевчук, Башлачев, Окуджава... Это было незадолго до того, как я впервые пришел к Андрею Коровину слушать поэтов, приносить их книги на вечера, а позднее – записывать видео выступлений.

Окончив Литературный институт имени Горького и окончательно перебравшись в Москву, на рубеже столетий на несколько лет я с головой ушел в работу, недолго побыл директором книжного магазина, попытался «добить»

аспирантуру, мне было не до выступлений... Но тогда я продолжал писать стихи и, наконец, совершенно закономерно, оказался в Литературном салоне Андрея Коровина в Булгаковском Доме. Родное издательство «Время» прославилось своей серией «Поэтическая библиотека», существующей с 1993 года (серия «старше» самой марки издательства). В серии вышло более 150 книг, и многим из выступавших поэтов я приносил пачки свежеизданных книг не только в «Проект О.Г.И.» или «Билингву», но и в Булгаковский. Перечислить всех выступавших и все представленные в Булгаковском книги нет никакой возможности: это сотни имен и названий. Проделанная Андреем Коровиным работа колоссальна. Отмечу лишь, что несколько десятков видеозаписей есть в плейлисте «Мероприятия» моего блога gasindm на youtube, который я веду с 2012 года. (Сейчас я постепенно, по понятным причинам, переношу архив видео во Вконтакт и на mail.ru, но пока почти все записи только на youtube). Там – поэты и прозаики, знакомые и далекие, много друзей и много совершенно невероятных импровизаций, диалогов, шуток и бесценных часов видеозаписей авторского чтения.

С самим Андреем Коровиным мы познакомились так. Я уже лет пять довольно часто бывал в Булгаковском, время от времени привозил туда книги. Можно сказать, что мы с Андреем были наслышаны друг о друге. Однажды после поэтического вечера мы, наконец, разговорились за рюмкой чая, купленного на Садовой. Андрей расспрашивал об издательстве, я делился литинститутовскими байками. Мы спустились в метро и доехали до станции Царицыно, сели в электричку до Подольска, – дорога с таким попутчиком пролетела незаметно, и только садясь на остановке в один и тот же троллейбус, мы случайно выяснили, что все эти годы живем в соседних домах. Что взять с поэтов! Забавный факт: даже когда я переехал в другую квартиру, она оказалась всё равно в соседнем доме. Сама судьба заставила нас подружиться. Какое-то время спустя, знакомая, живущая на той же заводской окраине, как-то раз позвонила моей жене со словами: «Я только что с работы, кстати, сейчас в твой домой придет, видела их с Коровиным по дороге». Зима, редкие фонари не разгоняют тьму, как узнала-то, что это мы бредем после вечера в Булгаковском? «А кто еще, – говорит, – у нас на районе гуляет в час ночи, обсуждая Рахманинова? Только эти».

Просто сказать, что в Булгаковском у Андрея Коровина особая атмосфера, – это значит, ничего не сказать. Конечно, сама Великая и Ужасная Нехорошая квартира в доме № 302-бис накладывает свой отпечаток на все, что происходит в салоне, в музее, во дворе и на близлежащих «Патриках». Но это только часть феномена. На самом деле, интереснейшая, несколько «театрализованная» экспозиция музея и коллекция арт-объектов, связанных с творчеством Булгакова, создает плодотворный фон, но атмосфера зависит не столько от образов «Мастера и Маргариты», сколько от людей, приходящих в салон. Булгаковский Андрея Коровина никогда не был жестко привязан к одному какому-либо кругу поэтов или литературному сообществу. Среди выступавших много имен, которые немыслимо представить на одной афише, в одном «благородном собрании», но дело не только в этом. Любое «околопоэтическое» начинание почти всегда сопровождает лихорадочная и нездоровая атмосфера легкой скандальности, взаимного недоверия и тихой сплетни. Ущемленные амбиции, несовместимые темпераменты, дележ несчастных копеек, достающихся при коммерческом раскладе, амурные дела, – всегда найдется что-то, что создаст духоту, неловкость и назойливую суету. Вот как раз этого на вечерах у Андрея Коровина практически нет. Причем, как на камерных «сходках» друзей, так и на «больших» выступлениях, с юбилейными фуршетами и длинными очередями за автографами. Поэты, при других, неудачных, обстоятельствах, готовые вцепиться друг в друга, – слушают чужие стихи и выглядят вполне вменяемыми. Публика, способная «освистать» кого угодно, не только ведет себя прилично, но словно прибыла на машине времени из другой эпохи, когда стихи были священнодействием, а люди раскланивались, встречаясь. Впрочем, справедливости ради, надо отметить, что всё вышеописанное именно так, только пока народ трезвый... А как иначе?

Говоря о Булгаковском, я не могу не вспомнить добрым словом двух знакомых, которых очень не хватает, – и в темном зальчике музея, и на обжигающем коньячном ветродуе в арке дома на Садовой, и в душах всех, кто их знал. Это Лёша Ефимов (Алексей Игоревич Ефимов, 1963–2020), чья книга вышла во «Времени» в 2008 году. И это Листик (Елена Владимировна Семёнова, 1975–2024), которую мы все помним. Многих, очень многих уже нет с нами, остались только стихи и благодарность за веселье и молодость. И книги. У скольких поэтов, выступавших в Булгаковском, в родном «Времени» выходили книги! Татьяна Бек, Кирилл Ковальджи, Анна Саед-Шах, Александр Тимофеевский... – светлая благодарная память! Ныне живущих перечислять не возьмусь – это полкаталога издательства надо цитировать. В разные годы, по разным поводам с книгами «Времени», или других издателей, десятки самых талантливых поэтов выступали у Коровина. В сущности, в Москве только Булгаковский и «Культурная инициатива» Юрия Цветкова и Даниила Файзова собрали столько «меда поэзии» в первой четверти XXI века. Это что касается хронологии. География же Булгаковского такова, что ее хватило на толстый том «Поэтического атласа России», где представлены, пожалуй, абсолютно все регионы страны, и не только ее (тут нужно передать сердечный привет и низкий поклон Павлу Крючкову).

За рамками рассказа остаются другие имена и проекты, которые

не менее интересны и заслуживают воспоминаний. Это, конечно, Валерий Прокошин, на вечере памяти которого я однажды читал стихи. Это Поэтическая премия его имени. Это Волошинский фестиваль, на котором я познакомился с Александром Кабановым. Это документальный спектакль «Любовь без парашюта» – одно из самых сильных театрально-поэтических высказываний о любви, которое мне доводилось видеть. Всё это вдохновляется, движется, исполняется и организуется Андреем Коровиным. Как у него на всё хватает сил? Большая загадка. Я, впрочем, полагаю, что об этом не худо бы спросить у Бегемота... Будете в Булгаковском – сами спросите, если живой экспонат соизволит выйти к гостям.

ЕВГЕНИЯ ДОБРОВА

В ДИКОВИННЫЕ МИРЫ

Зима на Бисах

Зимой 1995–1996 годов в квартире номер 11 на пятом этаже булгаковского дома на Большой Садовой, 10, снимали кино. Фильм был про хиппарей, которые сами себя и играли, то есть, по сути, жили коммуной в этой принадлежащей неведомо кому квартире. Она была огромная и, населенная актерами, осветителями, гримерами, статистами, нищими, бездомными и просто сочувствующими, которые приводили на съемочную площадку – потусить и погреться – друзей, знакомых, знакомых знакомых, кого угодно, – гулкая и загадочная эта квартира превратилась в сквот наподобие берлинского Тахелеса. По сути, это были почти руины, со стен и потолка свисала дранка, обои – клочьями, паркет – дыбом, но – лепнина и этот совершенно дворянский объем. Мебели в квартире особо не было, разве что какие-то стол-стулья на кухне, матрацы на полу, она была вообще до неприличия разбитая, скорее всего, расселенная аварийная коммуналка. Между собой этот сквот называли «на Бисах», потому что во времена Булгакова номер у этого дома был 302-бис.

Меня привел туда поглазеть однокурсник по Литинституту Егор Зубарчук – в этом фильме у него была одна из ролей. А я могла сгодиться в массовке. Массовщикам не платили, но можно было погреться, посидеть с народом где-то посреди зимы, попить чая, профессионально загримироваться. Это был какой-то диковинный мир посреди Москвы. Мы с Зубарчуком уже и просто так туда захаживали, даже в те дни, когда съемки в квартире не велись. По сюжету, наравне с мужчинами и женщинами, молодыми девушками и парнями, в коммуне присутствуют дети и животные, калеки и старики. Они едят похлебку из бумаги, готовят крыс, а детей кормят клеем. Это был эстетический вызов режиссера. При мне крыс не готовили, но я верю краткому описанию фильма в соответствующих справочниках.

У Зубарчука была девушка Милена, которая жила неподалеку, на Маяковке. Помню деталь – ее родители изучали морских млекопитающих, и в холодильнике у них хранился мозг дельфина. Несколько месяцев они встречались, а потом Милена к нему охладела и ушла. Егор забрался на крышу и отрубил себе мизинец. Рубить ему помогал один из насельников сквота. Он сказал, что у японцев это значит «я прошу прощения».

Егор положил палец в пакет и понес отдавать Милене. Дверь открыла ее мама (или бабушка), он передал пакетик и ушел. Они не сразу поняли, что в пакете, а когда поняли, мама бросилась искать Егора, чтобы пришить палец. Он жил в общаге Литинститута, туда можно было позвонить на вахту. Может, были еще какие-то способы с ним связаться, но он ускользал. Ситуация осложнялась тем, что у Милены дома сломался холодильник. Поскольку стояли морозы, палец вывесили за окно. Вернуть его так и не смогли – всё кончилось тем, что палец съела кошка. Возможно, Милена потом сделала из косточки амулет.

Всё это Егор рассказывал мне за чаем, сидя на кухне квартиры-коммуны. К слову, отрубил он только половину пальца и ходил теперь с перебинтованной оставшейся половинкой, никоим образом не срывая съемочный процесс. Потом полпальца зажило, как-то утолщилось, и это вообще, кажется, мало кто заметил. Вскоре Зубарчук ушел из Литинститута и исчез в какой-то другой своей жизни. Съемки были завершены, фильм вышел, режиссер получил Премию Свободы на фестивале в Карловых Варах. Квартиру-коммуну кому-то продали. В прошлом году, то есть через двадцать семь лет после описанных событий, Егор прислал весточку из Армении, где он обосновался в арт-комьюнити, созданном на заброшенной фабрике в Туманяне. Он приглашал в гости.

Кладбище любовей

На сцене большого зала Булгаковского Дома стоял Анатолий Ким с книжкой в руках. Держал он коллективный сборник рассказов «Путешествия любви», с акварельным волошинским пейзажем на обложке, посвященный любовным историям, случившимся в путешествиях. Или просто любовным делам, в которые герои погрузились, даже и не пребывая в движении. Или просто путешествиям. Составитель, главный по Булгаковскому дому и Волошинскому фестивалю, Андрей Коровин брал и такие. Объединяло авторов то, что все они были членами жюри, лауреатами или дипломантами Волошинского конкурса. В Булгаковском Доме решили провести презентацию сборника.

Ким переждал приветственные аплодисменты, поправил микрофон и приподнял книгу, демонстрируя ее публике.

– Вот. Вышла книга. Красивая. Называется «Путешествия любви». Всё, что я знаю о путешествиях любви, – они все ведут в никуда.

И ему, конечно же, сразу захлопали – согласились.

Своего рассказа Ким со сцены не читал – текст длинный и слож-

ный, а остальных присутствующих авторов ведущие попросили огласить хотя бы отрывки из своих произведений. В книгу входило 30 рассказов от 29 прозаиков. Pdf-макет всем рассылали раньше, чтобы авторы могли найти и исправить опечатки. Так что часть рассказов я прочла. Но не все. Может, половину или треть. Те, что я прочла, хорошо не заканчивались. Думаю, Ким тоже читал не все. Он просто сказал то, что и так знал об этой жизни. На тот момент ему было 84 года.

После Кима – полностью или частично – прозвучало несколько рассказов. Их сюжеты тоже не увенчивались маршем Мендельсона. Я слушала выступающих и размышляла над остротой Кима.

Когда вечер завершился и зрители поднялись с кресел, в дверном проеме на выходе возникла фигура Виктора Коллегорского.

– «Белка», – объявил он. – Купите «Белку» и возьмите у Кима автограф.

Я заняла у Вадима Месяца триста рублей и отдала Коллегорскому. «Белка» была у него в единственном экземпляре, и я обещала Месяцу дать почитать, когда прочитаю сама.

Я пришла домой и стала читать оставшиеся недочитанные рассказы.

Любовные сюжеты опять приводили к расставанию, или проигрышу, или разочарованию в избраннике, или смерти. А какая нежная буколическая акварель на обложке. Может, стоило назвать этот сборник «Врата рая» – по рассказу Ильи Одегова, где героя сожрало волшебное озеро?

Я читала. Ожидая, что вообще все герои сборника сгинут, умрут, разойдутся, рассорятся, сбегут к другому. И пока все выглядело именно так. По страницам бесприютно мыкались «странники без притяжения земли», «цветки на космическом сквозняке». «Куда-то все бегут, думая, что когда добегут, станет легче». Затевают внебрачные отношения или курортный роман, а потом расходятся по своим мирам или расхлебывают. Смысл путешествия в чем? В посещении другого мира. Другой мир – как и мир другого – это чужой мир. А надо возвращаться в свой. «Дело вышло так, как выходит оно всегда». «Не происходило там ничего по-особенному». Оттого что мы желаем кого-то присвоить (тщетно) или желаем не присвоиться (успешно) и чувствуем потом вину – мы огорчаемся. Сразу боль, грусть, скорбь, депрессия.

Любовь? «Одеть ее в смирительную рубаху, чтобы она умерла внутри нее, отмучилась, сдохла».

Да это просто кладбище любовий.

Неужели никто не вышел за этот шаблон тоски?

Но – нет! Обнаружен хэппиэнд в рассказе Саши Николаенко «Стена». Однако там герою для сохранения семейного благополучия пришлось воспользоваться техникой Гантенбайна. И еще один, и еще. Вот, вот они, диссиденты, тексты с безусловно счастливым концом: два про беглецов («Аквариум» Александра Грановского и «Лихой рейс» Ахмедхана Зирихгерана); «Последняя станция» Светланы Михеевой, «Пистолет Ярыгина» Игоря Кузнецова, ужастик Любавы Горницкой «Ничейные дети», рассказ Милович-Шералиевой про радость веры «Место сердца. Франко». На этом – все. Семь из тридцати. А точнее из двадцати восьми, потому пара сюрреалистических рассказов про мамонтов и гусей совсем не из той оперы.

Что мы имеем в сухом остатке. Леонид Юзефович, Светлана Василенко, Вадим Месяц, Арина Обух, Андрей Коровин, Александр Барбух, Ольга Сульчинская, Илья Одегов, Денис Кожев, Иван Жердев, Евгений Касимов, Мария Косовская, Женя Декина, Александр Феденко, Ольга Аникина, Наталья Мелехина, Вячеслав Харченко, Алиса Поникаровская – два десятка авторов под этой пастельно-голубой обложкой с киммерийскими небесами сказали примерно одно. А Ким обобщил: «Все на свете подробности и частности межчеловеческих отношений совершенно одинаковы, и всегда повторяются, и являясь лишь необходимыми заполнителями времени, никакого значения в любовных историях не имеют. А имеет значение лишь сама идея любви – ну что она такое, эта любовь?» – «Любовь-идея, которая жива и трогает мягкой кошачьей лапой новую добычу». Это из его рассказа «Гнев ангела», шаманического, про подселенные души. Им заканчиваются «Путешествия любви». А рассказ завершается фразой: «Смерть – это путешественница, и любовь – тоже путешественница, они приходят и уходят дальше, а мы прорастаем одуванчиками на лугу».

Поляк приехал

Итак, Анатолий Ким на презентации сборника рассказов «Путешествия любви» в Булгаковском Доме сказал: «Всё, что я знаю о путешествиях любви, – они все ведут в никуда».

На Волошинском фестивале мне открылось приглашение к путешествию иного свойства. Мне попался поляк. Живой поляк, поэт, который добрался туда своими ногами по зову отчаянного авантюризма (в Крым-то), обычно полякам не свойственного. Россию они боятся – по их представлениям, сразу при пересечении границы за Гжехотками начинаются девяностые, бандитизм и происки люберецкой шпаны. «Как? На своей машине?! Отнимут!»

– К нам поляк приехал, – сказал Андрей Коровин, поравнявшись со мной на дорожке, ведущей от Дома творчества писателей. – Кшиштоф Шатравский. Вон стоит.

Опускались сумерки. У калитки одного из коттеджей я разглядела немолодого коренастого мужичка, окруженного молодыми поэтами. Все были навеселе, расходились спать, но никак не могли оборвать беседу. Точнее, выглядело это так, что поляка не отпускают. Недолго думая, я свернула с дорожки и, поправ газон, отправилась знакомиться. И успела к

нему подойти. И сказать что-то вроде:

– Так пан из Польши? Какое совпадение. Я польскую поэзию перевожу.

Это, наверное, было единственное, что я сказала ему на польском, потому что он желал говорить по-русски и только по-русски, и даже через много лет, когда я, гостя у него в Ольштыне, попыталась устроить бунт, он сказал:

– Важнее, чтобы я тренировал русский, чем ты – польский.

Я уступила.

Он тоже переводил.

И он был старше. Уважаемый профессор.

Однажды мы задумали издать в России книгу его стихов «Новый век», где было около сорока верлибров и одноименная поэма, посвященная метафорическому переживанию ужаса бомбардировок Белграда. Хотя впрямую там об этом ни слова, и никакие детали не намекают. Парад всадников Апокалипсиса, галопирующие легионеры, мерцание и коловращение ада на земле. Довольно сложная поэма, и, надо сказать, что автор авантюрист вдвойне, ибо, понимая ее сложность, там же, прямо у калитки, и заявил своей новой и тоже, с большой вероятностью, не вполне трезвой знакомой, то есть мне:

– О! Давай переведем к послезавтрему первую часть, у меня как раз выступление.

И выдал книгу.

Наутро пришел помогать, объяснять смыслы – часто непривычные, диковинные. Сели мы с ним на солнечной террасе и за несколько часов перевели. Оба оказались терпеливыми, пить крымские вина и купаться не сорвались.

На выступлении Шатравский благополучно прочел свежеиспеченный перевод первой части – по сути, пролога. Мне казалось, не надо бы, рано, для чего голову от тела отрывать, или даже нос от головы, непонятно же ничего. Но похлопали.

Через два года книга была переведена полностью. Больше всего времени заняла поэма.

– Ни с одним поэтом я не провела столько часов жизни, как с тобой, – сказала я Кшиштофу. – И видимо, не проведу.

Теперь нужно было написать заявку на грант, и писали мы ее в варшавский Институт книги. Я измучила издателей Савкиных. Я заполняла анкеты, мы заключили предварительные договоры между автором, издательством и переводчиком. Через два месяца Институт книги вывесил списки отобранных проектов, и нас там не было.

Как жаль.

Но Шатравский все-таки везучий трубадур, потому что ровно через две недели грант на издание «Нового века» был выписан конкурентами, а точнее, политическими оппонентами Института книги – краковским Институтом литературы, и вот почему. Тем летом Институт литературы, при котором была организована русскоязычная редакция, заказал переводы избранных стихотворений Бродского Збигневу Дмитроце, а это супермастер, виртуоз, которого, однако, не побоюсь аттестовать словом «капризный», то есть способный возмущаться по очевидным для него, но не всегда предсказуемым для партнеров поводам. Короче, что-то ему не понравилось, и он отказался. А Бродский уже в плане стоял. Кто переведет? Как-то через Месяца вышли на Шатравского, он сел и сделал. Сделал хорошо.

– Чем отблагодарить переводчика? – спросил директор Дома литературы Юзеф Мария Рушар у заведующего русскоязычной редакцией Никиты Кузнецова.

– У него книга стихов в русском переводе готова.

Заплатили нам больше, чем мы просили у варшавян. Мы обрадовались. Чтобы подчеркнуть описанные ужасы бытия и небытия, Шатравский проиллюстрировал «Новый век» гравюрами Брейгеля. Нам разрешили напечатать их на тонированной бумаге – деньги нашлись и на это. Книга вышла в январе 2022 года, а в начале марта русскоязычная редакция была расформирована как подразделение, существование которого в новых геополитических реалиях в Польше невозможно.

ЕВГЕНИЙ БУНИМОВИЧ

ЛИНИЯ ОТРЫВА

2009 год. Три срока отмотал, три думских созыва.

Направляюсь в свой кабинет. Выметаться пора, освобождать место для нового избранника. По коридорам власти с вещами на выход.

У дверей увидел мешки в человеческий рост, штук пять, и на каждом одинаковая принтерная распечатка большими буквами: «БУНИМОВИЧ. АКТ К УНИЧТОЖЕНИЮ».

Именно так и написано.

Нет, не пугайтесь, это не маленький московский освенцим на скорую руку, это язык такой у них канцелярский – простой, как мычание.

Даже проще.

Только начал упаковывать книги и бумаги, звонок с молодежного радио.

В трубке полные истерического оптимизма голоса молодых полных сил идиотов:

– Здравствуйте, мы звоним вам прямо из эфира!

– Здравствуйте.

– Вот тут по лентам новостей идет информация, что вам предлагают крупный федеральный пост. Это правда?

– Правда, – отвечаю, не моргнув глазом.

– Круто, а какой именно? Можете открыть нам тайну прямо здесь? Сейчас? В прямом эфире? Или не рискнете?

– Почему же нет? Могу.

– Класс!!! Вниманию слушателей: эксклюзив! Итак, какой же пост вам предложили?

– Мне предложили быть президентом Российской Федерации. Но я отказался – больно хлопотно...

Пауза. Короткие гудки.

Отключились крутые пацаны...

После того, как я довольно резко изменил свою жизнь двенадцать лет назад, после дней и

лет, выстроенных по жесткому ежедневному графику, заполненному людьми, планами и обязательствами, я совсем не знал, что буду делать дальше, завтра, послезавтра, через год, и с этим смутным чувством растерянности и свободы я пришел в Булгаковский Дом на Большой Садовой, где мне предстояло представить свою новую книгу стихов «Линия отрыва».

Читал стихи, что-то попутно рассказывал, на вопросы отвечал. И с некоторым удивлением чувствовал, как размывается, теряется из виду всё то, что еще утром казалось довольно серьезным, что смущало и беспокоило.

Вечер завершился неким перформансом.

Как давний то очевидец, то участник акций московского андеграунда, знаю, что вообще-то перформансы готовятся заранее, все роли расписываются, все детали тщательно прорабатываются. Тут случилось иначе. Этот вечер, пространство Булгаковского Дома, только что вышедшая книга – сами всё определили.

Андрей Бондаренко, уникальный книжный художник, задумав деметафоризировать название книги и возвратить линии отрыва буквальный смысл, сделал иллюстрации так, что написанные от руки строки стихов заполнили специальные страницы с перфорацией на корешке, как это делают обычно на справках, чеках, документах, когда предполагается эту страницу заполнить, а затем реально оторвать. При этом вдоль перфорации обычно так и пишут: линия отрыва.

Заканчивая презентацию, я пошел по залу, отрывая страницы со стихами одну за другой и раздавая их пришедшим, тем самым реализуя и метафору названия, и бондаренковскую деметафоризацию, и что-то большее. Тот памятный вечер сам становился для меня линией отрыва от всего, что осталось в прошлом.

Когда всё закончилось, я не стал, как обычно, дарить книгу друзьям, знакомым и почитателям. Напомнил, что теперь я безработный, – и предложил жене продавать привезенные пачки.

Было весело, легко и свободно на душе. Наташа успешно всё распродала, пока я усердно подписывал экземпляры.

Вырученные средства были немедленно промотаны с верными друзьями в ближайшем кабаке. В том, который на Патриках, ближе к Бронной.

ПРИМЕЧАНИЕ: Это черновик эпилога (в опубликованном варианте текст сокращен) моей книги «Выбор. Записки внезапного депутата». Конечно, как и многие другие, я не раз выступал у Андрея Коровина в Булгаковском Доме, но этот вечер, похоже, самый для меня памятный.

АСЯ АКСЕНОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

Андрей Коровин попросил меня написать что-нибудь легкое к юбилею литсалона Булгаковского Дома. Я не знала, в каком жанре написать, и решила написать во всех.

1. Одностишие

...За двадцать лет везде
мы поседели...

2. Хокку

Осень приходит.
Поэтам пятки кусать
Готов Бегемот.

3. Лимерик

Нам Андрюша один, что из Тулы,
Все читал вечерами Катулла.
Иногда же, хмелея,
он читал Апулея,
И почти что не падал со стула.

4. Верлибр

Однажды, переступив порог
такой страшной, такой
нехорошей квартиры,
ты навсегда поселишься тут –
даже если уйдешь.
Даже если будешь уходить
и возвращаться,
много-много лет,
будешь помнить о Вечном
Возвращении.
Много лет подряд,
когда ты будешь приходить сюда,
неизбежен момент,
когда ты дернешь старинную
массивную цепочку
в туалете Булгаковского дома.
Никто, кроме тебя, не догадается,
что эта цепь похожа на те цепи,
которые необходимо
пристегивать к веслам
в лодке Харона,
цепляя их поближе к уключинам,
чтобы они не соскальзывали
в Вечность.
Каждый раз, дергая за эту цепь,
ты будешь понимать, что слышишь
обрушившиеся на тебя
воды Стикса.
Их будешь слышать только ты –
и еще тот, кто, находясь
в соседней кабинке,
дернет такую же цепь.
Но кто это, ты никогда не узнаешь,
замешкавшись перед зеркалом,
уводящим тебя в загробный мир...

5. Силлабо-тоническое традиционное стихотворение

Вы куда? В Булгаковский? Неужели?
Что забыли там? Вы хоть пили? Ели?
Тили-тили там вам и трали-вали,
Пели, пили, что-то там забывали,
Что-то, впрочем, вовсе не вспоминали.
В свистопляске, празднике, карнавале,
Двадцать лет пролетело –
как не бывало.
Это очень много – и очень мало?
И большое облако наползало
На меня, пока я это всё писала.

6. Частушки

1.
В нехорошей-то квартире,
Ой да ёк да макарёк,
Выступал какой-то сирый,
Да споткнулся о пенек.

2.
Эт какой еще пенек?
Он ведь в доме у Толстого –
У Алешки шебутного –
Буратинка там без ног.

3.
А в булгаковском, эхма,
Ты споткнешься о кота
Ты запнешься, первернешься,
И отступит маета.

7. Проза бытовая

Ему очень понравилась эта девушка. Красивая, фигуристая, одетая и накрашенная чуть чрезмерно, не как москвички, а как приезжие из городов-миллионников, она вышла из станции метро Маяковская и пошла в сторону Патриарших прудов. Правда, она не сразу пошла, сначала немного покачалась на широких качелях, установленных почти что под памятником великому поэту, но потом как-то подобралась и быстро зашагала. Он шел за ней следом, умилившись, что романтичная провинциалка пошла в Москве не по магазинам, не в клуб, не на попсовый концерт, а по булгаковским местам. Не то чтобы он так любил Булгакова – он его даже и не читал, но про то, что здесь рядом Патрики, нехорошая квартира и прочее – знал прекрасно – недаром же жил в этом районе уже давно. Не будучи интеллигентом и интеллектуалом, он обожал интеллигенток – они как-то чище, мягче и нежнее. Девушка ему понравилась, и он купил у сидевшей у метро бабушки желтые цветочки, как делал уже не раз, и вручил их девушке с давно заученными словами: «Будьте сегодня как Маргарита, тем более, в таком месте, оно же все пропитано Булгаковым!» Девушка улыбнулась и взяла цветы. Он предложил ей прогуляться, но красавица ответила, что она торопится на литературный вечер в Булгаковский Дом и максимум, что может ему предложить, – это взять его туда с собой. Он ни стихов, ни литературных вечеров не любил, но уж больно хороша была его новая знакомая – и он согласился составить ей компанию.

Они вошли в подворотню и зашли во двор дома, где им приветливо поклонился казак с шашкой, что немного его напрягло, затем спустились по лестнице в подвальное помещение, оказавшееся большой театральной комнатой, и сели на красные бархатные кресла, как в настоящем театре. Вскорости на сцене показался мужчина в красивой цветной рубахе, наверное, главный, и что-то стал говорить про юбилей. Он покрутил головой в поисках юбиляра, которому исполнилось двадцать лет, не нашел никого такого молодого, и решил не ломать голову. У него была очень заманчивая цель, и не надо было отвлекаться. После мужчины на сцену начали выходить поэты и читать стихи. Он не очень понял, о чем стихи, но ритм его укачивал, и в теплой осенней духоте он задремал.

Очнулся он от ощущения железных наручников на запястьях. Его так быстро и тихо выволокли вбок под бархатную штору, что читавший поэт, привыкший во время своей литературной карьеры ко всякому, даже не прервался.

Он давно был в розыске, но его никак не могли поймать. Он жил неподалеку, и орудовал здесь же. Он был маньяком-людоедом, подлавливал, расчленял и ел приезжих провинциальных девушек с аппетитными формами. Девушка, с которой он пришел на вечер в Булгаковский Дом, была лейтенантом полиции и выступала в качестве живца. По почерку преступлений его психотип был хорошо разработан и изучен, и психологи сказали, что он должен входить в транс и засыпать от монотонного чтения стихов, что и произошло.

8. Проза фантастическая

ИМ нужно изучить вот этот смешной биологический вид на очередной попавшейся на их пути планете, чтобы понять, что делать – выкорчевать население, как сорняки, и вырастить здесь свои виды, или оставить все как есть до какого-нибудь следующего раза. Эти существа кажутся менее разумными и организованными, нежели те маленькие коллективные существа, создавшие сложные конструкции жилищ, которые встречались им на этой планете. Те, многоногие и крылатые, действовали слаженно, разумно, общались телепатически, а эти большие и двуногие казались очень глупыми, и ни о каком коллективном разуме и телепатии речи не шло. Хотя – вот в этом месте этого города какие-то странные искажения – приборы дают сбой, и как-то по-другому сжимается пространство – здесь может быть интересная форма жизни, надо попробовать изучить.

ОНИ умеют мимикрировать под население тех планет, которые исследуют. Вот и в этот раз – их посланец приобрел очертания местного существа и вошел в странное помещение. Находящиеся там смешные персонажи издавали звуки, но не бессмысленные, которые ОН слышал на улице города, а звучащие странно и очень красиво. ОН заинтересованно просидел в тесном помещении довольно долгое время и послал представителям своего вида телепатический сигнал о том, что эти существа не достойны уничтожения, так как издают своими ротовыми отверстиями волшебные ритмические звуки, и значит, скорее всего, разумны.

ОНИ подождали своего посланца, придали ему изначальный вид и покинули планету, зафиксировав у себя, что жителей этой планеты не стоит уничтожать, так как среди них попадаются разумные экземпляры, способные к роевому ритмичному слиянию со Вселенной.

...В Булгаковском доме продолжался поэтический вечер.

9. Пьеса

Действующие лица

Коровин. Организатор. Мужчина в самом расцвете сил. Вальяжен и добр, что парадокс для руководителя.

Нина. Его помощница. Красавица, при этом ответственная, как не бывает.

Сцена 1

Коровин: Юбилей! Кошмар какой! Двадцать лет, как одна копеечка! Что делать? Как отмечать? Ничего не готово! Совсем ничего!

А уже ведь через две недели!

Нина: Попроси авторов что-нибудь написать тематическое, и выступить – вот и программа будет.

К.: Как написать? А как же «Никогда ничего не просите»? Может, они сами догадаются и напишут?

Н.: Не догадаются. Они поэты, считать не умеют, дат не помнят. Им что двадцать лет назад, что вчера.

К.: Ну, Нина, договорись с ними, что ли? С теми, кто у нас постоянно выступает, им же будет приятно? Ты же учительница, умеешь с трудными подростками, вот и их уговори.

Сцена 2
(через три дня)

Н.: Я обзвонила всех. Один пьет, у другой творческий кризис, третья выходит замуж, четвертый разводится, пятая рыдает, так как разводятся с ней, шестой послал меня в пень без объяснений, седьмая хочет, чтобы ей в тот самый день сделали творческий вечер, восьмой в Израиле, девятый в психушке, десятый будет в походе, одиннадцатый на бардовском слете, двенадцатая путешествует по Европе, тринадцатый сказал, что не хочет быть тринадцатым, четырнадцатый готов прочитать часовую филологическую лекцию, пятнадцатая сказала, что юбилей – это слишком скучно, шестнадцатая заявила, что не время веселиться, когда..., семнадцатый спросил, сколько ему заплатят, восемнадцатая сказала, что как раз в это время будет рожать, девятнадцатый предупредил, что в это время осени у него всегда депрессия, про двадцатого я и так знаю, что у него всегда с сентября осеннее обострение, двадцать первый стал вдруг меня грубо клеить, двадцать вторая сказала, что у нее много работы, двадцать третий – что в этот день выступает в другом месте...

К.: Сколько человек ты обзвонила?

Н.: 144

К.: И никто не согласился выступить?

Н.: Никто, кроме того, кто готов читать часовую филологическую лекцию о синтагмо-парадигматическом аспекте в прозе позднего Дмитрия Мережковского.

К.: (вздрагивая): На это я не готов!

Сцена 3
(еще через неделю)

К.: Как у нас дела обстоят?

Н.: Первый вышел из запоя, вторая ночью написала верлибр, третья сказала, что перенесет дату свадьбы, четвертый помирился с пятой, шестой извинился и сказал, что был пьян, седьмая готова прочесть только одно стихотворение, восьмой поменял билеты, у девятого ремиссия, и его выписали, десятый решил не ходить в поход, одиннадцатого отпустят со слета раньше, двенадцатая готова выступить по зуму, тринадцатый сказал, что наплюет на предрассудки, четырнадцатый заболел и не будет читать лекцию, пятнадцатая и шестнадцатая поменяли свои мнения, семнадцатый согласился бесплатно, восемнадцатая родила раньше срока, девятнадцатый вышел из депрессии, двадцатому прописали очень хорошие таблетки, и он в норме, двадцать первый извинился, так как пил с шестым, и тоже был пьян, двадцать вторую уволили, двадцать третий сказал, что быстро выступит и прибежит к нам...

К.: И сколько согласилось?

Н.: 143, филолог отпал!

К.: (хватаясь за голову): Но это слишком много! Сделай что-нибудь!

Сцена 4
(утром в день юбилея)

К.: Ну что?

Н.: Я всех обзвонила. Первый опять бухает, второй не нравится ее верлибр, и у нее новый творческий кризис, третьей отказали в загсе в переносе свадьбы, четвертый вновь поссорился с пятой, шестой опять меня послал, седьмая сказала, что подумала и решила, что с ее дарованием меньше пятнадцати стихотворений читать несолидно, у восьмого задерживают рейс на пять дней, девятого увезли на скорой в дурдом, десятого уговорили все же идти в поход дети, так как он им давно это обещал, одиннадцатого попросили выступить на слете еще на трех сценах, у двенадцатой украли ноутбук, и зума не будет, тринадцатому перебежала дорогу черная кошка, и он решил, что на предрассудки ему не плевать, а вот четырнадцатый выздоровел, пятнадцатая и шестнадцатая подумали и каждая заявила, что не может поступиться принципами, семнадцатый же запросил хотя бы сорок тысяч за выступление, пояснив, что это практически бесплатно, восемнадцатая не хочет бросать новорожденного, девятнадцатый и двадцатый снова в психушке, двадцать первый опять пьет с шестым, двадцать вторая нашла работу мечты, и у нее испытательный срок, а двадцать третьему запретили сбегать раньше с выступления, так как на нем держится вечер...

К.: Сколько в итоге народу сегодня выступает?

Н.: 1 – филолог с синтагмо-парадигматическим аспектом.

К.: АААААААААА! (закрывает лицо руками)

(занавес)

АНТОН ВАСЕЦКИЙ

В ВЕРХНЕМ ЗАЛЕ БУЛГАКОВСКОГО

Спустя без малого двадцать лет ты прочувствуешь это сполна: время – не только лучший лекарь, но и безжалостный стендапер. Что там казалось вечным и незыблемым в далеком 2006 году: Живой журнал, сообщество lit_afisha, Билингва и ПирОГИ, журналы «Арион» и «Октябрь...»?

Было и сплыло. По усам стекло, во рту не осталось.

Бесспорно, Булгаковский дом с его бессменным куратором Андреем Коровиным – в том же ряду. Как показали годы – в виде

удивительного исключения. Тяжело не задуматься здесь о мистике. Удержаться от подозрений, что у Андрея Коровина в чулане не хранится стареющий портрет – сразу же за ванной, наполненной кровью юных поэтесс.

А чем еще объяснить, что с того далекого мая его внешность не претерпела никаких изменений? Это ты набрал по килограмму на каждый год, поседел и стремительно движешься навстречу возрасту Михаила Афанасьевича. А куратор Булгаковского дома успел выпустить больше 10 книг стихов, провел дискуссионный баттл с Дмитрием Воденниковым и по-прежнему иронично усмехается, объявляя о выступлении неофитов. Так же, как и в том далеком мае, 13 числа.

Это было твое первое выступление на московской площадке после переезда из Екатеринбурга. Недолгое расследование по недрам интернета позволяет восстановить тот дебют с документальной точностью.

«Формат чтений – по 7 минут от каждого автора. Стихи не обязательно должны быть связаны с булгаковской темой», – написано в объявлении о поэтическом марафоне. Ты отправил свою подборку на почту с замиранием сердца. И, не веря своему счастью, прочел утвердительный ответ за пару часов до начала.

Неверие счастью – не фигура речи, ведь за последний год ты уже успел обить пороги московских литературных журналов, узнав кое-что о столичной литературной среде, а кое-что – о своих текстах. О бесплодных надеждах попасть в лонг «Дебюта» умолчим. Да, тебе всего 23, и ты еще не в курсе о целебных свойствах времени, но твоей внутренней боли от непризнанности это не умаляет.

А тут такое событие!

Среди выступавших были: Леша Ефимов, Евгений Мякишев, Даниэль Орлов, Михаил Болдуман, Ника Батхен, Алена Кириллина, Андрей Воркунов, Юрий Ракита, Дмитрий Плахов, Ольга Сорокина, Андрей Травин, Елена Новожилова, Татьяна Луговская и ваш покорный.

Перечисляя эти имена, поневоле грустнеешь. Потому что загибаешь пальцы, отмечая ушедших навсегда людей. Это на старых снимках из интернета они весело улыбаются, глядя в зал. А на новом вечере в Булгаковском многих из них не встретишь уже никогда.

Минор идет под руку с мажором – все, как в жизни.

Дальше попробуем пунктиром. Энергичность Ники Батхен. Темперамент Алены Кириллиной. Медитативность Андрея Воркунова. «Поэты должны влюбляться в своем кругу» Юрия Ракиты. Целомудренность Дмитрия Плахова. Легкость Ольги Сорокиной. Внимательность Андрея Травина...

По законам жанра ты должен украсить описание марафона символической финтифлюшкой, которая придаст глубокий смысл происходящему. Провидческие слова Андрея Коровина: «Антон, я вижу, что ваш путь только начался». Обломок карандаша Пастернака, который тебе подарил растроганный слушатель. Предложение занести подборку от редактора литературного журнала.

Но ничего такого не было. Ты даже не пообщался с самим Андреем, на которого был подписан в ЖЖ и которому хотел подарить свой сборник «Стежки». Он убежал за полчаса до твоего выступления, передав ведение вечера Леше Ефимову.

Память сохранила лишь нетипичную для площадки конфигурацию выступления. Поэты читали лицом к выходу, а стульев и столиков в зале не было. Все стояли кругом.

И ты тоже вошел в этот круг.

Многое из того, что будет дальше, подспудно связано с тем днем.

Победа на нижегородском фестивале «Литературра» с жюри под руководством Андрея Коровина осенью 2007-го.

Выступление на летней веранде Булгаковского в кругу московских поэтов, чьи имена настолько легендарны, что произносить их вслух – бахвальство.

Участие в проекте Андрея Коровина «Встречи с редакторами толстых литературных журналов для молодежи».

Выход в финал Волошинского фестиваля в номинации «Видеопоэзия».

Ведение марафона молодых поэтов вместе с Женей Барановой в 2017 году.

Победа на Турнире поэтов Волошинского фестиваля в Казани (ей нет ни единого официального подтверждения, так пусть им станет хотя бы этот очерк).

И тот вечер, когда ты занял у Андрея Коровина 300 рублей, чтобы купить коньяк в Нижнем.

И тот день, когда столкнулся с ним в рабочий перерыв в вагоне метро и не мог вымолвить и слова от неожиданности.

И это – не считая десятков других встреч, сотен улыбок и тысяч выбросов окситоцина, которые ты пережил на знаменитой площадке.

Не говоря уже о шедевральной гаврилиаде про Николая Ивановича, «Растении-женщине», «Снебападе», «Кымбер бымбере» и «Калимэре».

В финальной сцене «Титаника» пожилая Роуз закрывает глаза и вновь оказывается на главной палубе лайнера – с другими пассажирами и членами экипажа. Как знать, возможно есть такой укромный закуток и у мироздания.

В нем пьют кофе Алена Кириллина с Лешей Ефимовым, острят Михаил Болдуман и Евгений Мякишев. А бравый завсегдатай в царской воинской форме подкручивает свой лихой ус, наблюдая за происходящим.

Я даже знаю, где должен находиться этот закуток – в верхнем зале Булгаковского. Сейчас звук шагов по скрипучему полу смолкнет, и в дверь заглянет кто-то еще.

АННА ГЕДЫМИН

ЭТОТ ЛЮБИМЫЙ, СУМАСШЕДШИЙ БУЛГАКОВСКИЙ ДОМ

Мое общение с Булгаковским Домом началось 16 мая 2012-го

года – в этот день там, в полуподвальном помещении арт-фойе, произошла презентация только что вышедшего сборника моих избранных стихов «Осенние праздники». На презентацию собралось неожиданно много народу. В том числе очень любимые мной писатели и старшие друзья, многих из которых уже нет в живых. Тогда я еще не была знакома с замечательными фотохудожниками Булгаковского, фотки получились непрофессиональные и нечеткие, да и темно было. Но то, что наснимали участники вечера на свои «мыльницы», – это уникальные исторические свидетельства и огромная ценность.

Итак.

Вел вечер знаменитый критик Лев Аннинский, автор предисловия к моему избранному.

Среди выступавших были:

Кирилл Ковальджи, поэт, редактор, литературный педагог, когда-то давший мне одну из трех положенных рекомендаций в СП СССР;

Сергей Мнацаканян, поэт, редактор отдела поэзии «Литературной газеты»;

Валентин Резник, поэт, родившийся в Карлаге, всю жизнь проработавший слесарем, библиофил, эрудит, собравший уникальную домашнюю библиотеку;

Александр Смогул, знаменитый автор-исполнитель, член бардовского объединения «Первый круг», поэт, импровизатор.

А в зрительном зале, среди многих других узнаваемых лиц, можно разглядеть:

Сергея Сатина, юмориста, поэта, редактора 16-й полосы «Литературной газеты», которого я помню еще как Сергея Орлова, сотрудника химического института;

Викторию Полищук, изумительно тонкую, светлую художницу и поэтессу;

Вячеслава Васина, поэта, с которым мы познакомились еще в прошлом тысячелетии, на известном московском литобъединении «Весы»...

Никого из перечисленных людей больше нет на свете. Но та немного странная, можно сказать – пробная презентация в незнакомом зале знаменательна не только тем, что все мы еще вместе, обнимаемся, хохочем. Она обозначила передачу эстафеты от прежних знаковых литературных площадок (ЦДЛ, Политехнический музей, ВТО, Домжур) – новым, прежде всего, Булгаковскому Дому.

С тех пор, вот уже 12 лет, моя жизнь непредставима без Булгаковского, ставшего для многих писателей без преувеличения вторым домом. Здесь мы собираемся, когда нам радостно и когда грустно, здесь находим новых друзей, здесь проводим авторские вечера и участвуем в общих выступлениях. Именно сюда приезжают выступить лучшие русские поэты со всего мира. И теперь уже гораздо чаще встретишь в Москве человека, который не знает, где находится ЦДЛ, чем который не побывал бы в Булгаковском, у Андрея Коровина.

Конечно, 99% успеха литературному салону обеспечил он, этот неутомимый, безумно талантливый, красивый человек. Это он сумел собрать ядро единомышленников, которые готовы работать, поддерживать его замыслы, не жалея сил и увлекая своей радостной энергией многих и многих поэтов, прозаиков, музыкантов, журналистов, фотографов, художников, вообще хороших людей. И вот уже на всю Москву гремит слава о фантасмагорических новогодних капустниках в Булгаковском, о Всемирном дне поэзии в Булгаковском, о праздновании юбилея Победы в Булгаковском... Лично для меня был поистине эпохален вечер, посвященный столетию Бориса Слуцкого, поэзию и жизнь которого Андрей Коровин принимает очень близко к сердцу. Дополнительным весенним праздником стали авторские вечера поэзии самого Андрея, проводимые в день его рождения, 3 апреля. А несколько лет назад в театральном зале Булгаковского Дома вновь был аншлаг: все мы, затаив дыхание и не сдерживая слез, смотрели премьеру невероятного поэтического спектакля «Любовь без парашюта», поставленного по стихам Ольги Подъёмщиковой, Сергея Белозёрова и Андрея Коровина и основанного на реальных трагических событиях их жизни. В ролях – Андрей Коровин, играющий самого себя, профессиональный актер Сергей Куликов и блистательная Нина Дунаева, она же автор инсценировки (позднее я имела возможность наблюдать, с каким оглушительным успехом этот спектакль шел и в других городах России).

Так Андрей Коровин постепенно открывал нам разные стороны своей личности: Коровин-поэт, Коровин-организатор, Коровин-актер, Коровин-страстный любитель и популяризатор поэзии. Коровин-преданный друг, не забывающий ни живых, ни умерших...

Всё это – к вопросу о том, что нужно сделать, чтобы за несколько лет практически с нуля организовать в избалованной Москве литературный салон, который бы затмил гораздо более известные и «навороченные» площадки. Да вот что: взять свою единственную талантливую молодую жизнь и целиком, до капельки, посвятить решению этой невыполнимой, в общем-то, задачи. И своим примером увлечь множество других ярких, творческих, энергичных людей. И всегда улыбаться, всем сочувствовать, никого не забывать...

Нет, конечно, в столице хватает и других литературных клубов. Но такого места – не ограниченного узким кругом «своих», всегда открытого для самых дурацких, на первый взгляд, предложений, где можно встретить очень разных по возрасту, взглядам и художественным ориентирам писателей, не говоря уж о зрителях, – такого места я в нашем городе больше не знаю.

И поэтому вот уже 12 лет первые презентации своих книг я провожу именно здесь. И в общих выступлениях всегда соглашаюсь участвовать, если зовут. И гостей из других городов обязательно сюда привожу – чтобы увидели, какая она, настоящая литературная Москва во всем ее многообра-

зии. А на память об этих встречах теперь остаются не какие-то там самодеятельные, а самые что ни на есть профессиональные и гениальные фотосвидетельства – в Булгаковском Доме работают мастера высшего класса: Анатолий Степаненко, Андрей Тарасов и другие. Они умеют поймать то самое мгновение: уморительную жанровую сценку, миг бесшабашного веселья, задумчивости, нежности... Замечательные фотохудожники и друзья, встреченные здесь же, в этих добрых стенах.

Но вернемся, так сказать, к репертуару. В легендарном уже Салоне Андрея Коровина «отметились» своими выступлениями многие прекрасные поэты. Никогда не забуду, какое бурлящее многолюдье царило несколько лет назад на юбилейном вечере Геннадия Калашникова. Или как тепло и горько было на вечере памяти любимого всеми нами короля поэтов Александра Ерёменко...

Но что я всё про поэтов? В Булгаковском вполне уютно чувствуют себя и прозаики: презентуют сборники, проводят чтения, на которые и я сама нередко заглядываю.

Меняются лица, появляются новые солисты, которые когда-то пришли сюда совсем начинающими. Но главное, что не иссякает щедрая, завораживающая, сумасшедшая творческая атмосфера Булгаковского Дома. Это по-прежнему место силы, место, где всегда встретишь друзей и понимание. Спасибо, что это есть, и, надеюсь, еще долго будет в моей жизни!

СВЕТЛАНА МАКСИМОВА

ПОРТАЛ В ИЗМЕРЕНИЕ ВСЕХ МУЗ

Я помню, как начинался Литературный салон в Булгаковском Доме. И – да! – это было двадцать лет назад...

Так случилось, что в этот год все совпало – знакомство с Андреем Коровиным и с его только что открывшимся литературным салоном в Булгаковском Доме, и моя встреча с любимым моим инструментом диджериду. Тогда я еще только осваивала австралийскую трубу, поэтому в первый свой творческий вечер в этом салоне, конечно же, не могла не включить и ее звучание.

Это был парный вечер с замечательным поэтом Ириной Суглобовой, моей подругой и однокурсницей по Литературному институту, вернее по семинару Евгения Винокурова. Звучали стихи – наши и наших друзей – и еще мое диджериду. А нужно заметить, что диджериду – это трансовый инструмент австралийских аборигенов, изменяющий сознание необратимо, да еще... в Булгаковском Доме, и без того преисполненном мистических персонажей и легенд. Ну, вы понимаете, что это не могло пройти бесследно...

Пусть дальше последует театральная пауза, которую каждый заполнит по-своему – собственной интонацией – кто-то с иронией, юмором... а кто-то с доверием к сказанному – ну, а вдруг, и вправду, всё взаимосвязано и неспроста в этом мире. И мистическая ось творчества Михаила Булгакова вдруг сливается с осью древнейшего магического инструмента на земле – а говорят, этой австралийской трубе более 30 тысяч лет – и соответственно происходят чудеса. Потому что каждый литературный вечер в этом салоне был для меня чудом.

Вот так всё это и переплелось – и литературный салон в Булгаковском Доме стал для меня неким порталом в иное измерение, наполненное поэзией, музыкой и общением с друзьями. Особенно мне нравилось, когда вечера проходили в маленьком кафе Булгаковского Дома, там была особая атмосфера и обстановка, и запах кофе, и кот Бегемот, величественно обходящий свои владения. Поэтому, когда у меня вышла юбилейная книга «Царица Радости», презентация ее прошла именно в этом кафе. К тому моменту мое увлечение диджериду переросло в музыкально-поэтический проект «Этно-Миф», и на презентацию «Царицы Радости» мы нагрянули всей этно-джаз-бандой – где на тот момент были уже не только диджериду, но и тибетские трубы, и поющие чаши, и перкуссии всех видов, и даже старинная шотландская волынка присутствовала на празднике. Так это всё и осталось на фотографиях вместе с котом Бегемотом, сидящим рядом с моим диджериду – как будто два родственных существа нашли друг друга.

И потом было еще много замечательных вечеров и праздников, в которых принимали участие и я, и мои друзья, и даже Волошинский фестиваль мне казался расширенной версией литературного салона в Булгаковском Доме. Более всего вспоминаются красочные театрализованные представления, где поэты превращались в актеров, и спектакль рождался на глазах из остроумных поэтических импровизаций.

В общем, для меня этот салон в Булгаковском Доме занимал значительное место в жизни, и мне кажется, я не одинока в такой оценке этого уникального явления культурной жизни Москвы.

И всё это благодаря его организатору и многолетнему ведущему Андрею Коровину. Какой же любовью к поэзии и к поэтам нужно обладать, чтобы поднять такую махину! И нести на своих плечах целых двадцать лет. А потому огромная благодарность и Андрею Коровину, и всем поэтам и гостям литературного салона в Булгаковском Доме.

СВЕТЛАНА ХРОМОВА

ПУТЕШЕСТВИЯ В БУЛГАКОВСКОМ

На Большой Садовой стоит дом, где поселился Михаил Булгаков, впервые приехав в Москву – сейчас в нем сразу два музея писателя. Впрочем, современные писатели, выступающие здесь, не воспринимают это место как музей, ведь музей – это о прошлом, а здесь, в Литературном салоне Андрея Коровина, творится настоящее, здесь встречаются и читают

свои произведения ныне живущие авторы.

Рядом с летящими автомобилями и спешащими пешеходами, но – стоит только зайти в арку, во двор дома, и гул Вселенной стихает, каждый входящий попадает в мир слова.

Говорят, если приложить ухо к раковине можно услышать океан. Если в Булгаковском Доме закрыть глаза, можно услышать голос ветра возле могилы Волошина и шум коктебельского моря. Более двадцати лет благодаря Андрею Коровину и его единомышленникам проходит Волошинский фестиваль, и совершенно неожиданно в заснеженный Москве где-то посередине зимы вдруг вспоминаешь море, слепящее солнце, беззаботных и радостных писателей, запах трав, глубокое темное небо, полное звезд...

Дом Булгакова не просто так называется домом – благодаря поэту, руководителю Литературного салона в Булгаковском доме, организатору Международного культурного проекта «Волошинский сентябрь» Андрею Коровину – на любом мероприятии, будь то поэтический вечер, презентация книги, встреча с классиками или вручение наград, любой участник или зритель чувствует себя попавшим в далекий дом детства, где все тебя любят и радуются твоему приезду.

Мероприятия проходят в двух залах – верхнем, с портретом Булгакова на стене, с крашеным темно-зеленым деревянным полом, куда частенько, может быть, послушать стихи и посмотреть на литераторов приходит черный кот. Или в нижнем, театральном зале, где на сцене читают стихи, а в коридорах встречаются и беседуют поэты. Словно две маленькие параллельные вселенные Булгаковского Дома. И у кого-то непременно отыщется бутылка коньяка, кто-то подарит свою книгу. Здесь можно и обдумать грядущие вечера. В коридорах Булгаковского происходит бесконечное движение, в зал заходят новые гости, зрители выходят, чтобы поприветствовать старых знакомых, обсудить последние новости и вернуться обратно.

Первым вечером в наступившем 2020 году в Булгаковском Доме был вечер Travel-поэзии, на котором поэты читали стихи о путешествиях по России и миру. На том вечере мы еще не знали, какое «путешествие» готовит нам Вселенная – через несколько месяцев зазвучит непривычное слово COVID, и мир изменится навсегда. Но тогда никто этого не знал. Вечер вели Андрей Коровин и Евгения Джен Баранова, вместе с ведущими мы путешествовали в Калининград, Минск, Пермь, Грецию – с Андреем Коровиным, в Коктебель, Манитобу, Венецию, Петроград, Мангуп-Кале – с Евгенией Джен Барановой, на Кипр. Потом снова в Венецию, в Париж – с Яной-Марией Курмангалиной, из Москвы в Иерусалим, в Ленинград, Венецию – с Михаилом Квадратовым, на Ладожское озеро, в Коктебель, Феодосию, Венецию, Прагу, Страсбург – с Еленой Семеновой.

И во множество других уголков земного шара с другими авторами.

Я же пригласила слушателей в Африку, Доминиканскую республику, Филиппины, Мальдивы и прокатиться на поезде из Санкт-Петербурга в Москву.

Мир казался большим, знакомым и близким. И неважно, был ли ты в этом городе, или читал о нем стихи.

Дом Булгакова всегда соединял людей, города, страны, континенты. И надеюсь, так будет всегда.

НАТАЛЬЯ ПОПОВА

В АРКУ НАЛЕВО

Однажды мы до чертиков замерзли на Патриарших, смешная шайка-лейка студентов-заочников Литературного. Замерзли, а до вечера в Булгаковском оставалась еще пара часов. Импульсивное решение, чуть по диагонали от входа в музей тогда располагалось театральное кафе: короткие ступени, подвальное помещение, зеркала и шикарные скатерти. Мы шумно скатились по ступеням, чуть не сбив с ног Римму Казакову, чуть не свалились на нее и дружно замерли у входа. Римма Федоровна близоруко вглядывалась в раскрасневшиеся лица:

– Вы же на мой вечер, ребята, – это знаменитая поэтесса почти пропела, – Боже, вы настолько заранее?

Упс, никто из нас ничего не знал про вечер Казаковой, а если бы и знал, мы ждали программы в Булгаковском.

– Конечно, – закивали мы, – заранее! Просто поесть хотели, чаю выпить.

Казакова смутилась, захлопотала, заобнимала кого-то за плечи, тогда мало кто так много делал для молодых, просто был добр к юным начинающим оборотам. Через час мы бессовестно удрали, а через пару месяцев великого матриарха не стало. Долго упрекала себя, что не осталась тогда послушать, что даже не засомневалась, а мы тогда не сомневались, что выбирать. Казакова или Булгаковский? Самое грустное, что совершенно не помню, ради кого мы не остались с Риммой Федоровной. Это было тогда не так уж и важно, на кого спешить в Булгаковский, мы же шли в Булгаковский.

Как-то там же на встрече пожаловалась на себя Кириллу Владимировичу Ковальджи, а он лишь рассмеялся и поведал длинную притчу, как когда-то они, будущие выпускники Лита, слили свою встречу с Пастернаком. Когда мотались по писательскому Переделкино, собирали с классиков литературы деньги на празднование крутого выпускного в послевоенной легендарной «Праге», ну в хитрой надежде, что денег классики подкинут, а пойти, конечно, не захотят. Уже в сумерках студенты столкнулись с Борисом Леонидовичем у дачной калитки – молодые, крепкие, в кепках и одинаковых кожаных куртках, угрюмой маленькой толпой сгруппировавшиеся прямо перед ним. Борис Леонидович побелел, тихим голосом уточнил, чего именно хотели бы молодые люди, а когда по сбивчивому рассказу что-то осознал, сослался на занятость и пред-

ложил встретиться и обсудить всё на следующий день.

Вот только завтра они не пошли, почти половину вожделенной суммы им отвалил, кажется, Симонов, и никогда уже к нему не приходили, а скоро его не стало. Кирилл Владимирович считал, что это здоровый дар молодости не осознавать авторитеты. Лукавил? Не думаю.

Литсалон открылся в год моего поступления, и для упрямой провинциальной Наташки быстро стал своеобразным поэтическим ликбезом. Именно здесь впервые слушала потрясающего сказочника Евгения Клюева, увидела Андрея Битова, Бахыта Кенжеева, Алексея Цветкова, всего один раз в жизни разговаривала с Равилем Бухараевым, брала для мамы моей автограф у Дмитрия Сухарева – надо же было как-то родителям доказать, что не просто так балду столичную гоняю. Мать охала:

– Вечер Сухарева! Он же написал твою любимую колыбельную, ты помнишь?

Помню Валерия Прокошина, хотя всего раз и пересеклись. Тогда еще ничего у него не читала, а помню и голос, и как его немного смущало обращенное на него внимание. Он показался мне одновременно и открытым, и очень насмешливым. Это потом вчиталась и полюбила прокошинские стихи, а тогда удивленно разглядывала человека, заложившего страницы собственной книги разодранным тетрадным листком.

Здесь в Булгаковском решилась заговорить с Екатериной Горбовской, знатно рассмешила ее своими восторгами. Я притащила с собой на вечер далекую от литературы коллегу и без устали трещала всю дорогу, как сильно любила стихи Екатерины в юности, как переписывала в заветные тетрадки, старательно заучивала наизусть. Про помидоры, сайру, безумное лето, молодого попутчика и то, что резать вены еще не способ.

– Она же еще молодая, – удивилась коллега, – когда она это всё понаписать успела?

На моем первом авторском вечере Рейна друзья усадили меня прямо в первый ряд, почти под самые очи могучего поэта. Евгений Борисович по традиции очень подробно перечислял разные обстоятельства своей легендарной дружбы, а меня изводил жуткий насморк. В душном помещении было ужасно трудно держать лицо, и я всё время ерзала на неудобном стуле. Рейн вращал-вращал в меня бровями, сдвигал их тяжелые волны к переносице, а затем вдруг коротким баском взял и выдал:

– Обычно я рассказываю не только о Бродском.

Было ужасно неловко, и если Андрей Коровин и покойный Леша Ефимов думают, что я забыла, кто меня так подставил, то зря. Зал безнаказанно ржал над моей лиловой физиономией почти полчаса.

У нас были свои смешные традиции и приметы, вот как, например, определить, успешным ли вышел литературный вечер? Если местный патлатый Бегемот проявился из мягкого воздуха, если уж растянулся вальяжно на полу или поверх пианино за спиной выступавшего, то точно стоящий. Бегемот определенно обладал знатным литературным вкусом, откровенно игнорировал любые подкупы, сам приходил, сам иногда обходил зал, выбирал себе любимцев, пару раз даже подавал голос и ... обязательно исчезал еще до того, как люди начинали прощаться.

– Был Бегемот, приходил? – спрашивали прозаики и поэты, – вы видели Бегемота?

Прощались и здоровались в Булгаковском очень долго, старались приехать пораньше, застолбить место на однажды появившейся скамейке или просто у стенки во дворике. Курили, спорили, ждали друг друга и «хозяина салона», который всегда приезжал ровно к началу вечера. Вот как приедет, так вечер и начинался. Спокойный, улыбчивый Андрей, абсолютно доброжелательный к любой поэтической суете, временами раздражал небольшие бури в писательских сообществах, однако «дружить» с ним и приезжать на вечера предпочитали все. Ни разу не видела человека, который бы удивился самому факту, почему литературным салоном в Булгаковском Доме заведует Коровин.

– А кто еще, – шептались при мне две юные фанатки писателя, – свой Бегемот и свой Коровин!

– Подожди, мне кажется, у Булгакова в романе Коровьев, – вдруг усомнилась старшая.

– Коровьев – Коровин, – цыкнула на нее вторая, – это такая игра слов!

Разговор тот состоялся за полчаса до начала заявленного вечера «Коровин и Фагот: Музыка со смыслом» поэтической программы Андрея с легендарным фаготистом Александром Александровым. Но барышни на него не пошли, исчезли в нехорошей квартире по соседству.

Внутри посетителей салона ждала небольшая крутая лестница, и первым встречал загадочный усатый Мика, очень немолодой сказочный персонаж, зимой и летом застегнутый в форму офицера царской армии времен примерно Первой мировой. Чем занимался Мика и за что отвечал, никто не знал. Возможно, знали сотрудники музея, но они на подобные расспросы лишь загадочно улыбались. Микой персонаж был не для всех, обычно подчеркнуто вежливый Михаил Георгиевич даже далеко не всем дамам бросался целовать руки и доверительно комментировать происходящее. В нем было нечто заставляющее мгновенно усомниться в театральности момента, да и в самой реальности. Почти как Бегемот, Мика стремительно объявлялся, громко высказывался или наоборот тихо-тихо рассыпался в весьма невероятных историях. За полчаса разговоров с ним в любой голове смешивались Москва, Санкт-Петербург, Рига, кадеты, шпионы КГБ, красивые дамы, далекие бои и кровавые драмы прошлого века. Какие про него ходили легенды! Про поэта N, которого Мика вызвал на дуэль или сбросил с лестницы, про пере-

мещения во времени, о том, что до поры и времени жил и спал Михаил прямо в музее.

Булгаковский тогда не только принимал, но и невольно придавал некий статус его завсегдатаям. Однажды студентов Лита отправили на бенефис Кушнера в ЦДЛ, где в кулуарах меня стремительно познакомили с «великим тольяттинским поэтом». Имя, к сожалению, не вспомню, что ничего не говорит обо мне или моем земляке, не все тольяттинцы знают друг друга. Великий поэт тогда вяло кивнул мне и отвернулся, а через пару дней мы снова столкнулись уже в Булгаковском, и парень сам подошел знакомиться заново. Тот факт, что меня здесь узнавали и звали по имени, вдруг придал мне больший вес. Так и не смогла убедить человека, что мир московский очень маленький, извините, что здесь просто внимательны ко всем посетителям, даже бестолковым студентам и случайным гостям. Всем тем, кто раз в неделю шел сюда слушать, слышать, сплетничать и ждать, пока Андрей Коровин наговорится со всеми. Долгое время мы со Славой Харченко, и тогда, и сейчас большим русским писателем, мрачно шутили, что на могиле Андрея укажут дату рождения и через тире напишут «сейчас приду».

Завидую всем тем, кому до сих пор с ним по дороге до метро. Кто всё еще поворачивает в заветную арку, выглядывает в толпе незнакомцев друзей и поднимается или спускается в зал. В Булгаковском было, будет и всегда найдется место театру, музыке, спорам, стихам и прозе, а еще неудобный стул или удобное кресло в зале, весьма неплохой кофе в буфете и что-то личное. Это же Булгаковский!

НАТАЛЬЯ НИКУЛИНА

МЕЖДУ БУЛГАКОВЫМ И КОРОВИНЫМ

Булгаковский Дом – место моих душевных грез. Не сразу, но однажды я это поняла, будучи уже состоявшейся мамой, журналистом и начинающим поэтом, пишущим странные стихи, называемые не менее странным для моего «тюркоязычного» уха словом – верлибр.

Москва огромна, но это место, вкупе с площадью Маяковского и Садовым кольцом, создают особую топонимическую закольцованность во времени, которую сразу сложно оценить во всей полноте. Бывала здесь не раз и как поклонница творчества М.А.Булгакова, и как поэт, и как редактор литературного журнала. Возможно, это моя личная точка роста, вектор ее движения и одновременно – ее активатор.

Еще в юности до одури читала «Мастера и Маргариту», непонятным образом, дошедшего ко мне, купленного как-то друзьями с «черного хода» в бакинской китабхане*, и эта книга потом еще долго пребывала в статусе моей «настольной». С тех пор моя любовь к М.А.Булгакову распространялась на всё, к нему относящееся. И когда много лет назад в турпоездке оказалась в Киеве, то, разумеется, в музей Булгакова из всей группы записалась первой.

Музей, конечно, оказался в духе начала начал, когда для Булгакова всё только зарождалось – этакий светлый окоём будущих сложных судьбоносных событий. Врач – профессия животворящая, впрочем, как и хорошая литература.

И всё же Москва. Садовая, 10. Именно здесь, так кажется мне теперь, и находится невидимый глазу тот самый узел, связующий русских литературных мистиков, с «данной нам в ощущении» реальностью – то с «нехорошей квартирой», а то и с самим Мастером. А проводником, как водится в таких местах, является черный кот по кличке, конечно же, Бегемот, который мало того, что позволил себя погладить, но и сопроводил от одной экспозиции к другой и далее. Потом, через много лет, появился другой Бегемот, который тоже давался в руки, но это был Бегемот уже больше светский, чем литературный. А может, мне всё это лишь показалось.

Здесь всегда так. И мистика, и метафизика, и волшебство преображения темного/хаотичного/начала в светлое/структурированное. И наоборот... Поэтому всегда стоит помнить, что дом этот раскрывается не сразу и не «всяк в него входящему».

Как-то раз, пока раздевалась в прихожей под любопытным взором охранника и приводила себя в порядок у старинного зеркала с серебряным внимательным и веселым ответным взглядом, краем уха выхватила отрывок из разговора, что, мол, народу что-то не много. Вошла в зал, осмотрелась и внутренне пожала плечами. Вон сколько людей пришло и вовсе не мало, а так прилично уже. И еще придет. Начало еще только через полчаса. Это я из Обнинска на подходящей электричке немного раньше прибыла. И как прекрасно организаторы расставили кресла в два блока. Будем сидеть не только спинами друг к другу, но и лицами. Пока я размышляла, перед внутренним взором вдруг всплыл знакомый, но не узнанный силуэт. Подняла голову, сконцентрировалась и всмотрелась своими близорукими глазами в ряды, сидящих напротив меня людей, отыскала тот самый силуэт. Минуты две или три смотрела на него, пытаясь узнать. И вдруг с ужасом поняла, что я пристально смотрю в огромное, большое, больше высоченных старинных дверей, зеркало. Дрожь пробрала всё тело. И мысль молнией пробила: это же я! Я не узнала себя! Я сама для себя чужой человек. Любой, кого знаю, хотя бы недолго, знаком мне более, чем я сама себе. Не помню, поднялись ли волосы на голове дыбом, но то, что зашевелились, я отчетливо почувствовала. И такие, казалось бы, неявные и не заметные чужому взгляду истории с мистическим привкусом и потусторонним оттенком случались здесь нередко.

Однако всё же главным волшебником и чудотворцем этого места был Андрей Коровин. Его мощные лучи достигали самых отдаленных провинциальных российских улочек и домишек и са-

* Китабхана – азерб. яз. – книжный магазин.

мых глубинных слоев наших душ. Но он, казалось, этого феномена просто не замечал, с легкостью неся увесистое бремя и куратора литературного салона «Булгаковский Дом», и основателя и организатора Волошинского литературного фестиваля, и человека громадных энциклопедических знаний, и литературоведа, знакомого почти со всеми заметными фигурами современной литературной России, прекрасного аналитика и поэта невероятного редкостного солнечного дара и много еще всего, о чем обычно пишут в официальных источниках. Но нам всего этого было не нужно, нам было достаточно просто самого Андрея.

* * *

...И еще Валера Прокошин. Думаю, не один лишь Андрей увидел и осознал «величину» прокошинского таланта, но именно ему удалось об этом заявить на весь литературный свет!

Валерий Прокошин. Большой русский поэт, певец русской провинции, тогда еще только начинающий открываться во всей своей литературной полноте миру, был замечен Андреем Коровиным. С его легкой и доброй руки о Валере узнали московские писатели, все, кто так же, как и я, полюбили Булгакоский Дом и, как мне показалось, неожиданно для себя осознали реальную величину прокошинской поэзии. А далее – Коктебель, куда, уже будучи не очень здоровым, Валера отправлял свои стихи и стал дважды дипломантом Волошинского конкурса и финалистом первой Волошинской Премии.

И именно он, Валера, вот такой вот гениальный, возился с нами порой как с малыми детьми. Он старался стать для нас, обнинских литераторов, проводником в иные круги «литературного рая». И во многом им был. Потому что до Валеры я не была так тесно знакома с литсалоном Дома Булгакова.

В 2009 году, 17 февраля, промучившись несколько лет, как раз после Сретения (словно библейский Симеон Богоприимец, увидев Спасителя) он и ушел. И я, будто почувствовала, всё же вырвалась пораньше с работы из другого города, чтобы пообщаться. А вышло, что успела попрощаться.

Слава Черников, художник от Бога и удивительный прозаик – еще один близкий по духу, силе восприятия мира и отдаче – друг, сотворец, первый помощник в творчестве и жизни. Буквально несколько месяцев назад презентовал в Переделкино новую книгу «Русское кладбище» Валерия Прокошина, которую сам нарисовал, создал и издал.

После всего случившегося Булгаковский Дом стал для обнинских поэтов, друзей Валеры*, местом светлой памяти и встречи с ним и его словом. А Андрей, вновь удивительный Андрей Коровин – посредником между нами. Все вечера памяти, Прокошинские чтения, издание многих посмертных книг были представлены здесь, в литературном салоне Андрея Коровина.

И небольшой элегантный сборник стихов «Ворованный воздух» от Коровина, вышедший в 2012 году и дополнительный тираж издания «Между «Пушкиным и Бродским» в 2014 – тоже от Коровина, который был выложен абсолютно бесплатно на столах в Булгаковском, в связи с такими же абсолютно невероятными событиями!..

Далее, в 2019, свет увидел юбилейный поэтический «томик» «Тяжелей чернозема», вышедший сразу и к 60-летию со дня рождения Валеры, и к 10-летию его ухода, также презентованный дважды – и в Булгаковском, и в Обнинске, вышедший при участии не только Андрея Коровина и Вячеслава Черникова, но и еще одного замечательно человека – руководителя литературной гостиной в музее К.И.Чуковского в Переделкино Максима Крайнова, выступившего спонсором этого «томика».

И обнинская книга взаимных посвящений «Память. Собака. Безвременье. Точка. Ру», составителями и спонсорами которой выступили друзья Валеры, а художником – знакомый всем калужским поэтам – безотказный Вячеслав Черников. Книга редчайшая, если не сказать больше, ибо с фотографиями, автографами и документами из частных архивов друзей и тоже – к сдвоенному юбилейному году – в 2019, также презентованная в Литературном салоне Андрея Коровина и обнинской центральной библиотеке.

И книга стихов «Не кружилась листва...» (из раннего и неизданного); «Искушение» и «Атомный Angel», 2011. Обнинск. Две последние – книги прозы, были определены как неподцензурные и находятся в данное время только в частных библиотеках, составленные и изданные благодаря обнинским и боровским друзьям Валеры.

И вновь Андрей позвал на вечер в свой салон – центр притяжения сердец и света. И народ пришел и приехал из других городов. Гости, многие из которых и сами чудесные и давно известные и маститые писатели, слушали, затаив дыхание. Вспоминаю многих и люблю, но более всего сейчас вспоминаю Володю Пимонова, который в своей книге мемуаров почти дословно запротоколировал этот вечер о Валере, чем поразил невероятно. Каким надо обладать чутким сердцем и сознанием, чтобы так скрупулезно подходить к тому, что происходит вокруг?.. Владимир Пимонов – «Что еще добавить? События. Люди. Книги», которая попала ко мне через Вячеслава Черникова и вышла в очень сложное для всех нас время – в 2020 году. Пандемийном и ковидном. Фактографическая книга. Редкая и очень нужная, веселая и добрая.

А еще – усилиями Андрея Коровина в 2014 году была учреждена Премия. Всероссийская литературная премия им.

---

* «Друзья Валеры» – в данном контексте – это обнинские и боровские писатели и художники: Вячеслав Черников, Людмила Киселёва, Николай Милов, Эльвира Частикова, Вера Чижевская, Галина Ушакова, Надежда Коллегова, Людмила Штерн, Вера Абалакова, Наталья Никулина. В случае же с изданием книги «Память. Собака. Безвременье. Точка. Ру» к ним присоединились Ольга Галактионова из Жукова и Ольга Шилова из Мещовска.

В.И.Прокошина (Прокошинская премия). Невероятное, беспрецедентное событие! То самое – из ряда вон выходящее! Никак не стыкующееся в моей голове с тем, что всё это происходит в моем времени, в моей жизни, и я тоже участница этих событий! Разве такое бывает?! А вот бывает!

Первыми лауреатами премии стали калужская поэтесса из Мещовска Ольга Шилова, саратовская поэтесса Марина Бирюкова и руководитель Дома-музея им. М.А.Волошина в Коктебеле Наталия Мирошниченко. И всё это, после торжественного награждения лауреатов и финалистов в московском Государственном музее А.С.Пушкина во главе с председателем жюри премии, легендарным Вениамином Смеховым, мы вновь праздновали и в Булгаковском Доме, а потом и в обнинском ДК ФЭИ. Память о поэтическом концерте, который прошел в переполненном зале дома культуры первого наукограда России, до сих пор живет в наших сердцах. А еще в них трепещет надежда. Надежда на возобновление работы Прокошинской премии в литературной жизни писателей России. Ведь в вечности никогда ничего не поздно – разве что придется учитывать и нашу прожитую жизнь.

СЕРГЕЙ АРУТЮНОВ

КОРОВИН И К°

Воспоминания
в рыцарском селе

Боже мой, как давно. Будто б не меньше столетия миновало с тех пор, как я переступил порог Булгаковского Дома.

Летом, ровно в середине «нулевых», зовут выступить с Кабановым и Остудиным. Жаркий, припекающий к самому асфальту московский август, норовящий в одночасье сделаться пустынным, редкие ларьки с водой – та самая атмосфера. Каменный двор без единого деревца, лестничный пролет вверх мимо напольного зеркала, и – зал с деревянными крашеными полами и допотопным фортепьяно, а может быть, еще без него, и тогда еще просто со стульями, а не столиками с маленькими лампами под милыми абажурами – ужели это было со мной?

Тот летний день был долог, в окна еще били закатные лучи, и я еще не знал, но чувствовал, что дом может стать отчасти и моим. Представление тощих моих сборничков случались там трижды, если не четырежды, но главным было вовсе не представление себя, а само хождение в Дом. Кажется, именно в нем родилась единственная поэтическая группа, в которую я входил, «Дети Ампира», произошло множество микроскопических для истории современной русской поэзии, но таких определяющих событий, и по сути важнее места для меня в целой Москве, кроме Литинститута, так и не нашлось.

Никакого сравнения с «ОГИ-ПИРОГИ», где бывало столько людей, что поэзия невольно терялась и стояла за колонной, а выступление было возможно лишь исходя из особенно доверительного знакомства с надменными и исключительно снобистски настроенными управителями...

Здесь непременно нужно говорить об Андрее.

Коровин – вовсе не отвлеченная «фигура» литературной жизни столицы, но прежде всего поэт и солнечная безоглядная натура, человек мужественный в несокрушимом стремлении отдать кесарю кесарево, а Господу Господне. Безоглядная доброта, смешливость, но не насмешливость, чуть заметная язвительность, неизменная находчивость в летучих фразах и отходчивость от уязвлений – свидетельство максимальной светскости (открытости всем и каждому), за которой неизменен прошедший самый серьезные искусы дух человеческий.

Он уже потерял Ольгу (Подъемщикову – прим. С.А.) и уже внутренне метался, не находя ответа на самый простой и внятный вопрос – почему. За ним неизбежно вставал и вопрос номер два – всегда ли поэтическое дерзание должно влечь как можно более жестокий исход расставания с жизнью, или с некоторыми концовками судьба медлит, а если медлит, насколько. Возможно ли успеть сказаться, и какую цену следует за высказанность заплатить.

Вопросы калибром поменьше – о камертоне эпохи, о строках, что определят ее, как некогда был определен хлыстиком и перчатками, забытыми на столе, Серебряный век. Что за пленительный жираф должен быть запущен в поэтическое пространство, чтобы сделаться эмблемой десятилетия, а может статься, и столетия... Так далеко вряд ли кто-то тогда заглядывал – впереди был только начавшийся век, но времени по-настоящему не было. Булгаковский приостанавливал его, алхимически возгонял и сгущал, ложился под него одиноким протестантом с Тянь-Ань-Меня, но дни летели, и рассылка доходила не всегда, а на каком-нибудь вечере Файзова и Давыдова я внезапно оказывался чуть ли не в одиночестве.

Лучшим чувством тех месяцев было дружество.

* * *

В середине «нулевых» мы были склонны любоваться друг другом, но – отличие от «ОГИ-ПИРОГИ» – без «тифлисской» насквозь лживой экзальтации. Радовались друг другу, слушали друг друга, не перебивая, стремясь осознать нечто большее, нежели сообщество. Речь тогда шла о чем-то большем, чем поэтическое дружество и вообще столичное поэтическое сообщество – речь шла о братстве. Приезжал из дальнего Подмосковья Валера Прокошин, и Москва встречала его, обнимала, восторженно приветствовала. Он был несомненным братом всех нас. Однодневный визит собрата, его вечер – событие. Вот уж точно «нельзя не прийти» – настолько нельзя, что извинить может болезнь или страшное горе. Вечная московская занятость, проблема «пробок» вынуждены были уступить обаянию Дома впервые на моей памяти.

Братство (и сестринство) со-

стояло в том, что советская эпоха более чем десять лет назад закончилась, и всем нам внезапно выпал уникальный шанс настоять на новом слове и новом сознании. Не знаю, следует ли говорить о стиле Булгаковского Дома, но почему бы и нет, если когда-нибудь подобная антология выйдет. Никто, кажется, озлобленным на всё живое революционером стиля в нашем сообществе не был. Новый год в Булгаковском с Дедом Морозом Коровиным и Снегурочкой Логвиновой представлял собой разброс не слишком полярный – вот Ивантер, поющий свои строфы, а вот, например, какой-нибудь ностальгический верлибр Сваровского, но в общем и целом – не взлом словесности, а синтез прошедших трех столетий, отклик им. Каждый булгаковец был уже отформован сломом эпох так, что строка воспринималась личным письмом в будущее, напоминающим вложения в капсулы под губернскими монументами.

Меня спасло то, что я не был влюблен. Если бы стены Дома впитали бы мои вожделения, то время никогда бы не вспомнилось наполненным какой-то особенной чистотой. Читали по вечерам, а ощущалось – утро. Если бы был завзятым энтузиастом и оптимистом в духе 1930-х гг., непременно бы сказал – «заря нового дня».

Так настал он, тот новый день, или нет?

* * *

Ядро «Коровин-Ракита-Новиков» – журнал «Современная поэзия» (ранее – «Сетевая»), Володя Пимонов (журнал «Родомысл»), тогда уже переехавший из Енакиево в Москву, Лёша Ефимов – те люди, которых было невозможно не встретить в Доме, что бы ни было. Ходил по тем коридорам и бодрый Юра Юрченко, мелькнула даже Нина Корниенко, с которой я мальчиком снимался на ЦТ СССР в «Будильнике». А сестра Андрея Тарковского, выговорившая мне за неприличное словцо в одном из стихотворений? А... припоминать всех не хватит и десяти страниц.

«Рукомосы», «Термитник поэзии», «Вечерний гондольер» – порталы, на которые накручивалась тогдашняя эпоха. Интернет-поэзия виделась не просто «неподцензурной», но самой разумной и назревшей альтернативой олигополии толстых журналов. В Дом, чувствуя его стремительное движение, ходили, к слову, все редакторы отделов поэзии, кроме, кажется, Барметовой из «Октября». Слушали, делали пометки.

Мне казалось, что этот интерес «генеральных менеджеров», как их можно теперь называть, и нанес чувствительный удар братству. Мы не должны были конкурировать между собой даже в мыслях, но ревнивые взгляды на сидящих в зале управителей, желание, чтобы к тебе обратились, предложили прислать подборку, снижало градус бескорыстия. Торговцы во храме, вот кто они были...

Я витал тогда не просто в неких «восходящих» струях, а готов был трудиться во имя всех причастных, огорчаясь лишь скепсису, которым иные были склонны встречать мои попытки. В Андрее не было скепсиса. Совсем. Когда бы я ни явился, в какой слякотный муторный вечер ни переступил бы порога Булгаковского, он простирал мне обе руки. И я бросался к нему: улыбка его освежала, пленяла сама пластика движений. Было в нем тогда и осталось навсегда с тех лет нечто от священника крупного странноприимного собора – литургия, исповедь, причастие, благословение.

Религия наша сделалась куда величавее, чем в «Билингве» или «Чеховке»: пусть не в Булгаковском, но прошел вскоре и Первый (и единственный) чемпионат Москвы по поэзии, цикл вечеров «Критический минимум».

Только долгие месяцы спустя сообщество начало раскалываться, сохранив при себе тех, что действительно без него не мог. Что же до отколовшихся (до меня, в частности) – неосторожная фраза, и даже не сама она, а проклятущая возможность увидеть ее запечатленной в ЖЖ или FB, придавали ей все признаки «печатного слова». «Затертые» спустя день или месяц неприязненные оценки и откровенные (часто анонимные) ругательства, низкие и подлые выкрики, «сетевой трёп» завистников и откровенных лжецов сделали свое дело: во мне открылся процесс накопления обид, и я, повинный, разумеется, в некоторых собственных оценках, не мог остаться в стороне от их коллекционирования. Что сеял, то и жал. В зале с деревянными полами или на летней площадке Булгаковского со шпалерами среди десятков глаз я уже склонен был видеть несколько пар глаз если не ненавидящих, то презрительных. Так свои права начал предъявлять «свет» – тот самый вид отношений между образованными людьми, которые так искренне ненавидели и Пушкин, и Лермонтов, погибшие как раз вследствие светских нравов.

Московская поэзия никогда, кажется, не цвела столь ровно пламенея, как в середине «нулевых» – три-четыре вечера в неделю. Неведомо как перезимовавшие Советскую власть вольнодумцы приходили в Булгаковский точно так же привычно, как и привлеченное светом зеленых настольных ламп зеленое же студенчество. За окнами неусыпно грохотала площадь Маяковского, беспощадно лился резкий, позимнему безнадежный фонарный свет, но на пару часов было возможно изойти из ветхого себя, человека, обреченного в миру офисному, гарнизонному или иному, но всё же бессмысленному тлению, и унестись в блаженные обители, из которых струился куда более реальный для тогдашних нас поток не слов – лучей. И это было счастье принадлежности ордену скитальцев.

В 2007-м два Андрея, Коровин и Новиков, были особенно настоятельны с моим приходом – мне было выписано от них «Отличие журнала «Современная поэзия» за серию критических статей. Меня вообще больше ценили за рефлексию о других, нежели за собственные попытки говорения,

и я не протестовал: общее дело виделось гораздо более важным делом, в котором и можно было бы спустя многие годы различить, кто был более ярок и достоин памяти.

За два года до отличия на старом Арбате первых новогодних дней 2005-го мы были впятером – два Андрея, я, Кабанов и Володя. Сидели на улице под неубранными тентами в дурацких лучах скоморошьих фонарей. За кружкой портера обсуждались какие-то наполеоновские инициативы. Я, только начавший преподавать в Литинституте, кого только ни приглашал на семинар, и в основном людей именно Булгаковского Дома. Нисколько не преувеличу, если скажу, что атмосфера семинара и Дома была единой – веселой, распахнутой, но не фальшивой, не экзальтированной ради экзальтации, хотя спустя двадцать лет найдутся охотники предъявить счета и ко мне. Куда ж у нас без этого.

Сообщества мастеров искусств еще недавно было принято называть не иначе, как «токсичными» в духе вульгарной психологии, и я бы мог довольно долго рассуждать на эту противную тему, но – избегну. Не время и не место. Важно сказать иное – нас на челне действительно было много, и не все могли полноценно грести, и были те, кто хотел бы перейти из гребцов прямо в надсмотрщики. Скажем так, выбор «генеральных менеджеров» для русской поэзии не впечатляет.

* * *

...Прошло года три-четыре, и мне пришлось ухнуть в семью. Умерла мать, и круглое сиротство наряду с ворвавшейся в жизнь безработицей выковали из меня совершенно иного человека – затравленного, озирающегося, больше всего боящегося выдать свою несостоятельность в статусе кормильца семьи. Только к 2016-му году, я, может быть, задышал чуть вольнее, но лишь к 2018-му уравновесилось как-то и с работой, и до сих пор не представляю, что было бы, если б не институтские вторники, в которые отменялись, выносились прочь за скобки жизни и мои сокращения, и увольнения, и вообще неудачи любого рода.

У человека в состоянии шторма и качки должны были быть маяки. Так вот и для меня неизменным во все эти неурядицы был один Андрей Коровин. Его отношение ко мне никогда не менялось.

Когда не стало его верного друга Андрея Новикова, потеря погнала меня в Булгаковский. Читал его стихи, и спустя сутки с омерзением увидел в ряду отзывов неприязненные реплики, мол, и читал не то, и читал как-то не так... В который раз убедился, что к старому ладу возврата нет. Люди Волошинского фестиваля, люди вообще фестивального склада, да не обидится на меня Андрей, были мне практически поголовно чужды, кроме самого Андрея.

Я так и не смог постичь, какую работу надо было иметь, чтобы срываться в любой момент и на Волошинский, и на «Киевские Лавры», скоро сделавшиеся приютом самого завзятого либерализма, и на какое-нибудь кенигсбергское «Слowwwo», и на питерский «Заблудившийся трамвай» имени Гумилёва, и в Казань (фестиваль, кажется, имени Лобачевского), и вообще всюду, где что-то затевалось. Вероятно, тут повинно мое режимное происхождение и элементарная невозможность получить увольнительную.

Сегодня вечный Андрей – прежний. В нем ничего не поменялось, ни тон речи, ни образ мыслей, ни приязненность. Изменился я, и образом не столько коренным, сколько бытийным. Утренний сад мечтаний и надежды сменился куда более суровым пейзажем. Он еще не походит на выжженное поле, но приближается к нему: та форма, в котором оно сбылось мое поколение, кажется мне неполноценной именно из-за того, что «признание», которого так жаждешь в неполные тридцать, явилось мутным и заляпанным совершенно не теми вожделениями, с которыми ты начинал служить в священном храме. Есть в этом что-то глубоко унизительное.

Никто не ушел в цинический «официоз», но лишь потому, что официозу давным-давно плевать и на поэзию, и на самих поэтов. Мы, декларировал Булгаковский сто лет назад, отныне сами для себя, и не собираемся горевать из-за того, что какой-то очередной цезарь плюнул в нашу сторону. Мы будем гладиаторами загородных пустырей, – объявили мы, и сделались ими. За двадцать лет никто из цезарей из толстых журналов не ушел, не поступившись ни единым волоском своего советского еще вкуса. Иметь с ними дело и означает уход в «официоз». Лично мне там давно не с кем говорить.

Если нам остается минимум двадцать пять лет активности, первые две трети среднестатистической жизни Андрей Коровин прожил исключительно как поэт лишь потому, что хотел жить именно так. Стилистические наши споры о том, возможен ли русский верлибр, давно поросли быльем. Ничто невозможно, если нет шедевров, и ни один шедевр не возможен, если уничтожено само понятие шедевра. Что же касается славы, и тем более такой пошлой, как придворная, пусть о ней рассуждают новые претенденты на воображаемый «престол». Мы видели, что его, как это часто и бывает с дорогой натуральной мебелью, «съел жучок».

* * *

«Вечер в Булгаковском» сделался для меня единственным образом поэтического вечера. Да, был и «Кафемакс» на Новослободской, и «Чеховка», и «Боголюбовка», и какие-то уж совсем эстетские или, напротив, паскудные места вроде кабаков, но эталон, камертон вечера – именно Садовая, в чем, разумеется, первейшая заслуга Андрея. Канон: вступление, смущенное представление, анонс вечеров на неделю вперед, само выступление, непринужденные реплики с мест, пауза, второе отделение, завершение, тихое вставание с мест, продолжение вопросов, подпись книг – я так и вижу, и чувствую, что ничего другого поэзия никогда и не хотела.

К любому делу обязано быть приложено сердце. Без его живительных «тук-туков» мертвящие струи окутывают любое творение. Мне просто кажется, что дело, открывшееся в начале века, воспитывает и по сей день. Московский поэтический вечер есть жанр, которому нельзя противопоставить ничего более проникновенного. Театр? Есть некая в нем выспренность, и даже с женой, отдавшей свою жизнь «Сфере» в саду Эрмитаж, я до сих пор спорю о том, что условно, а что исключает условности.

Еще мне кажется, что Булгаковскому дому следовало бы ставить поэтические спектакли, пробуя здесь работать, как я любил некогда выражаться, с «корпусом поэзии», созданным в первую четверть нового века. Мы все дети именно первой четверти – вторая вряд ли даст нам какую-то особенную волю и уж тем более вознесет, и некоторых и точно физически умертвит. Поэтому то, что мы делали – памятник весьма неординарный вкупе с манифестами, а также всеми нашими коллективными и исключительно индивидуальными сборниками.

Мне часто мыслился Музей современной поэзии, энциклопедия ее людей, увековечивание того, что было и сбылось. А новое слово – что с ним? Было ли новым настолько, чтобы запомниться? Мне кажется, отчасти сбылось и оно, хотя его еще собирать и собирать по не самым лучшим в полиграфическом отношении журналам, книжкам, изданным смехотворными тиражами, высказываниям в «литературной прессе» и соцсетях.

Старые рабы у таверны ведут и ведут меланхолические разговоры, но всплывают и всплывают лица с фотографий – Андрей, какие-то женщины, и знакомые, и незнакомые лица. Сотни, а может, и тысячи свидетелей совершаемого.

ВЯЧЕСЛАВ ХАРЧЕНКО

Я НИЧЕГО НЕ ПОМНЮ…

Булгаковский салон Андрея Коровина существует очень давно, поэтому я ничего не помню. Дат не помню, кто был, кто не был – не помню, знаю только, сколько я пишу, столько он и существует. Перед глазами один бесконечный поэтическо-прозаический вечер, который длится, уже не прекращаясь, лет двадцать. Когда-то туда пришли юные и веселые, потом юные и веселые повзрослели, потом юные и веселые постарели, на смену им пришли новые юные и веселые, которые тоже повзрослели и постарели, а потом, видимо, придут еще одни юные и веселые, которые тоже повзрослеют и постареют.

От всего этого фестиваля лиц у меня в мозгу только какие-то яркие вспышки, как будто я долго-долго хотел увидеть полярное сияние и вот ехал, ехал, брел, брел по арктической тундре, и вдруг всё небо среди вечной тьмы и мерзлоты озарилось невиданным дотоле светом.

Многих, кто участвовал в этом карнавале, уже нет, кто-то уехал или затих, но все равно их живые лица, их голоса никак не уйдут из моей памяти, потому что человеческая память имеет странное свойство: запоминать все хорошее и прекрасное, пусть даже даты и числа стерлись и померкли.

Иногда я понимаю, что постоянно слышу какие-то разговоры за кулисами, какое звяканье бокалов с шампанским, меня кто-то куда-то тащит, меня кто-то зачем-то целует, потом обнимает, потом читает новый свой стих, или стих какого-нибудь классика, например, Мандельштама или Багрицкого, или стих не классика, но очень хорошего, потом мы обязательно спорим, потом мы обязательно миримся, потом снова звон бокалов, и мы уже какой-то неимоверной толпой оказываемся во дворе у памятника героям Булгакова или в каком-то кафе или, прости господи, в ресторане. Кто-то поет, кто-то танцует, мне опять читают стихи, потом яркий, яркий свет – это я на сцене – я тоже что-то читаю, мне хлопают, потом свистят, я тоже хлопаю и свищу. Снова звон бокалов, но теперь уже почему-то всплывают Тредиаковский, Гандлевский, Кублановский, Слуцкий, Гандельсман и Параджанов. За Параджановым я узнаю Моне или Мане, кто их там разберет. Потом Эйнштейн, Эпштейн и Эйзенштейн.

Потом мы все куда-то едем. На метро. Нет, на такси. Нет! Мы летим на тройках! Удалой ямщик поет что-то нечленораздельное, но долгое, справа прижимается очаровательная красотка, слева прижимается очаровательная красотка, вокруг вопят друзья, метет знаменитая русская поземка, и где-то в глубине, в самой душе царит какая-то невыразимая легкость, счастье рвется наружу, словно это всё и есть счастье (тут кто-то цитирует Рубцова и кого-то ругает, мы тоже что-то цитируем, возможно, Ерофеева, и кого-то ругаем, потом целуемся и снова читаем стихи, теперь уже свои), словно мы там в вечной России и нам вечные 18, и мы только что познали настоящий русский дзен.

И это то ли безобразие, то ли просветление длится так долго, что ты уже и не замечаешь, как новое безобразие перетекает в следующее просветление, а самое главное – ты и не хочешь иной жизни, потому что, оказывается, что настоящая жизнь состоит не из работы, семьи и выхода на пенсию, а вот из этих цитат, из этих стихов, из этой прозы, из этих строчечек, из этих лиц, из этой сцены, из этого вечно меняющегося кота, который из поколения в поколение получает одну и ту же кличку Бегемот, и тебе уже непонятно – эта раздвоенность жизни – это нормально, или ты живешь именно там, а не здесь, и именно в этих поэтических строках, в этих поэтических вечерах, среди этих зыбких, но таких реальных и нужных друзей.

И ты вдруг начинаешь понимать: что бы ни произошло, что бы ни случилось, какие бы кони Апокалипсиса ни застучали своими чудовищными копытами, какие бы ни случились войны и конфликты, как бы ты ни переругался и ни перемирился, куда бы тебя ни забросило, ты все равно останешься

частью этой маленькой замкнутой вселенной, куда тебя занесло по своей (по своей ли?) воле или же по воле Провидения.

А затем вдруг ты отчетливо и как-то всеобъемлюще начинаешь принимать и понимать всех литературных героев прошлого, весь этот Золотой век, весь этот Серебряный век, Политехнический, Московское время, понимать, что они чувствовали, как жили, чем дышали, к чему стремились и к чему пришли.

И вот это вот понимание, к чему пришли прошлые, и дает тебе то ли мудрость, то ли силу ценить этот замкнутый и чудаковатый мир дома Булгакова, потому что на самом деле ничто не ушло, никто не умер, все живы, все целы, просто перешли в совсем иное измерение, заглянуть в тайны которого тебе позволили судьба и эти зыбкие, тонкие, нежные и вечные литературные материи.

P.S. За написание настоящего эссе автор благодарит:

Коровина А., Новикова А., Василенко С.В., Власова Г., Барбуха А., Лебедеву В., Орлова Д., Сулеса Е., Шевченко А., Никитина Е., Кенжеева Б., Сульчинскую О., Аркатову А., Рафиева А., Панкина Б., Анашкина А., Ватутину М., Газизову Л., Гончарову Е., Демичеву Н., Левину Е., Гедымин А., Артиса Д., Семёнову-Листик Е., Баранову Е., Маркину А., Месяца В., Остудина А., Леленкова И., Костюкова Л.В., Кузнецову Е., Квадратова М., Ефимова Лёшу, Янышева С., Бершина Е., Дунаеву Н. и многих-многих других, которых автор хорошо помнит и безгранично любит, просто память у автора дырявая, а в мозги стучится старуха-старость.

АЛИСА ПОНИКАРОВСКАЯ

Место силы

Булгаковский Дом на Большой Садовой – культовое место для тех, кто любит роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Первый раз я попала в этот дом много лет назад, приехав из далекого Омска в Москву на три дня. И первое место, куда мы отправились с моей подругой, – был, конечно, он, Дом Булгакова. Мы вошли тогда еще в открытый подъезд и поднялись по лестнице. Все стены и потолки были разрисованы сценками и расписаны цитатами из романа. Я помню, как меня тогда поразила надпись: «Воланд, ты же вернешься, ты обещал...» Мы сели на ступеньки лестницы, мы курили и смотрели в потолок, по которому летала Маргарита, танцевал кот Бегемот, корчил рожи Азазелло, хохотал Коровьев, с которого пронизал нас глазами Иешуа и раскрывал свои объятья Воланд. А над всем этим летал Мастер – Мастер-творец, Мастер-безумец, Мастер-гений...

Прошло несколько лет, и я поступила на Высшие литературные курсы в Литературный институт имени Горького. Моим однокурсником, по счастливому стечению обстоятельств, был Андрей Коровин. Мы жили в общаге, получали крохотную стипендию, которой едва ли хватало на еду. Но, боже мой, как мы любили гулять тогда по прекрасным московским улочкам и мечтать о том, что будет, когда мы покорим Москву или... ну, в общем – о нашем счастливом будущем! Мы могли гулять так часами и, если оказывались на Большой Садовой, обязательно заходили во двор Булгаковского Дома. Над колодцем этого двора всегда парила какая-то невидимая птица-тень Мастера, в какой бы момент мы туда не зашли.

Мы даже представить себе не могли тогда, что в этом доме в 2004-м году откроется Музей «Булгаковский Дом», и именно Андрей Коровин станет основателем литературного салона в этом самом доме. И уж тем более, я даже не думала, что буду стоять на этой сцене, читать свои стихи и прозу, обниматься с друзьями, которые тоже выходят на эту сцену уже 20 лет.

Я знаю, я верю, что Михаил Булгаков слышит всех нас. Это место для меня лично – одно из самых сильных мест Москвы. Хотя Москва огромна, многогранна и великолепна.

С юбилеем, Литературный салон Андрея Коровина! С юбилеем, Дом Мастера! Пусть юбилеев будет еще много! И пусть на эту сцену выходят Мастера-творцы, Мастера-безумцы, Мастера-гении...

ИГОРЬ КУЗНЕЦОВ

ОТ БУЛГАКОВСКОГО – ДО ПАТРИАРШИХ

Как-то не очень сразу я стал бывать на литературных вечерах в Булгаковском у Андрея Коровина. Кажется, вначале мы с Андреем и знакомы-то не были, хотя теперь это кажется немного странным: ведь и тогда была уйма общих друзей и знакомых. Впрочем, с кем-то, если не ошибаюсь, мы познакомились именно здесь – всё оно давно и радостно запуталось. Зато теперь приходить можно даже на вечер с неизвестным финалом – понравится или не понравится – приятных тебе людей всё равно в каком-то количестве встретишь.

И сам я несколько раз тут выступал, не будучи большим любителем говорить речи, но всё же приходилось, когда случались презентации изданий Союза российских писателей, к которым я имел обязывающее к публичности редакторское отношение.

Пытаюсь сосредоточить мысль воспоминаний ради, а возникают в мерцающем сознании всё равно лишь отдельные фрагменты. Например, поэтические вечера прозаиков: свои стихи однажды читал Анатолий Ким, в другой раз – Леонид Юзефович. Юзефович мне именно после такого своего вечера подписал «Самодержца пустыни», а я ему отдал авторский экземпляр «Обретения пространств», составленного мною сборника про путешествия и «тонкие» открытия. И ещё хорошо помню юбилейный вечер Геннадия Калашникова в битком набитом театральном зале, где меня не было по причине незапланированной болезни.

Вспоминаются и многолюдные веселые дни рождения Андрея

Коровина, и также не обиженные вниманием публики и участников презентации «Волошинских сборников», где я уж точно присутствовал хотя бы в роли автора.

Вечера и прочие празднества частенько продолжались (и продолжаются – не люблю «прошедшее» время) в театральной гримерке, во дворе Булгаковского дома, а иногда и вовсе на Патриарших прудах.

Однажды мы оказались на Патриарших, странное дело, исключительно в мужской немногочисленной компании. Расположились на привычной скамейке левого берега, если смотреть со стороны окон Александра Ерёменко. Скамейка на самом деле была уже занята двумя симпатичными девушками, но мы, испросив у них разрешения побыть рядом, с обязательством им не мешать, любезное позволение получили.

Девушки оказались из самого города Киева и вскоре без особого кокетства согласились выпить с нами коньяка.

В разгар нашего милого знакомства по дорожке к нам начала приближаться конная полиция, нами поначалу не сразу замеченная. «Оба» полицейских на мощных статных конях вечерней масти – было уже темно – тоже оказались девушками, что не помешало им остановиться и начальственно глянуть на нас с высоты своего положения.

– Так, – строго поинтересовалась одна из них, – нарушаем?

– Мы же – тихо... – ответил вроде бы я, прикрывая пакетом нашу незатейливую «трапезу».

Полицейские переглянулись и поехали себе дальше.

Киевские девушки оказались из сфер, близких к искусству: одна работала на телевидении (с ней мы потом даже какое-то время переписывались).

Так всё и продолжалось тихо и мирно под хороший разговор и ненавязчивые ухаживания.

Но примерно через полчаса, видимо, совершив свой патрульный круг, рядом с нами вновь остановились уже знакомые полицейские. Теперь переглянулись и даже как будто пожали плечами их кони.

– Так, – сказала теперь вторая из них, – и долго мы будет тут сидеть?!

– Примерно с полчаса еще побудем, наверное, если вы, конечно, не очень против...

Против они не были и медленно, словно нехотя, последовали дальше.

Хочется думать, что они просто хотели к нам чуть позже присоединиться...

Казалось бы, не так давно, после очередного вечера, мы стояли во дворе булгаковского дома и расспрашивали Петю Образцова о здоровье Бахыта Кенжеева. Здоровье было неважно.

А вот уже в конце июля прошел вечер памяти Бахыта, на моей памяти – один из лучших в Булгаковском.

В том же дворе мы продолжали поминать Бахыта из его рюмочек, заботливо принесенных по такому случаю Пашей Крючковым...

В любом случае – всё в Булгаковском продолжается.

И всем нам – здоровья, сил, любви и удачи!

ЛЮБОВЬ ДИКУРА (ТАРАЙКЕВИЧ)

МЫ ШЛИ НА ДЖАЗ, А ПОПАЛИ В БУЛГАКОВСКИЙ

Это случилось в 2009-м году 21-го марта. Года три как я жила в Москве в гордом одиночестве. Прошлая жизнь осталась в Минске, в Москве была работа. Впрочем, работа была и в Риме. Я жила между странами, и очень не хватало друзей. Хотя лукавлю: друзья были. Но вот так, чтобы босиком по мостовой под дождем или, гурьбой ввалившись в любое пространство, заполнить его смехом, кидаясь друг в друга рифмами, как снежками... Таких друзей в Москве у меня не было...

Случайно наткнувшись на объявление о праздновании Всемирного дня поэзии в ЦДЛ, в этот мартовский солнечный день я направилась по адресу, указанному в объявлении. Уж там я точно была должна встретить своих собратьев (даже когда ты занимаешься серьезным делом в должности генерального директора, но «болен» поэзией, то рано или поздно кровь сумасбродного рифмоплета даст о себе знать и поведет на поиски своих).

В ЦДЛ было многолюдно, суетно и скучновато. В фойе толпились жаждущие прочитать свои стихи у «живого» микрофона, в актовом зале собирался народ, на пустой сцене стоял стол для «важных гостей». Каждый из важных гостей, когда их стали приглашать занять свои места, казалось, стеснялся своей важности. Особенно среди убеленных жизнью поэтов выделялся молодой человек в яркой рубашке. Кирилл Ковальджи, Константин Кедров, Елена Кацюба – эти имена тогда впервые прозвучали для меня.

В зале я познакомилась со смешливым поэтом из Ростова-на-Дону Вильгельмом Параноем и дальше путешествие по дню мы продолжили вдвоем. Как положено заядлым «двоечникам», с официальной части мы сперва сбежали в буфет. Там нам быстро надоело. Вильгельм предложил переместиться в какой-то старинный особняк, где тоже должны были быть поэты. В особняке было полно людей. Мы с трудом пробрались на последний ряд и оказались по соседству с тем самым молодым человеком со сцены. «Андрей Коровин», – представился он, когда Вильгельм предложил познакомиться. «Коровьев? Ничего себе. Не хватает теперь встретить Маргариту...» – заметил Вильгельм, не расслышав толком фамилии. Андрей не успел ответить, как его позвали опять на сцену к микрофону.

– Ничего не происходит, а у меня утром поезд... – с досадой заметил Вильгельм, – а пошли на джаз? Я видел объявление. Тут недалеко должен быть концерт.

– Пошли! Чужих стихов, пожалуй, для одного дня достаточно, – согласилась я.

Мы вышли, по дороге подхва-

тив с собой двух поэтесс, которым тоже не хватало праздника. Джазовый концерт был в баре, куда можно было попасть, преодолев большую очередь из желающих. Терять полвечера на очередь не хотелось, и мы пошли просто гулять по городу, куда глаза глядят.

«Музей Булгаковский Дом» – гласила вывеска, зазывая в глубину московского дворика. Мы переглянулись.

– Коровьев уже сегодня был, – задумчиво отметил Вильгельм, – нам, пожалуй, сюда.

– Коровин... – поправила я.

– Это уже не важно! Нам точно сюда! Судьба не любит шутить дважды! – многозначительно заявил Параной и...

И в нашу жизнь безапелляционно ворвался мир Булгаковского Дома, а после и его литературного салона. Сходу мы попали на удивительный спектакль, нас водили по лестничным лабиринтам старого дома, в каждой комнате ждало действо. Книга «Мастер и Маргарита» оживала вокруг нас в загадочной квартире. После спектакля в книге отзывов мы оставили запись: «...Мы шли на джаз, а попали к вам...»

Уже в сентябре я опять попаду в Булгаковский Дом на открытие 5-го литературного сезона, познакомлюсь заново с Андреем Коровиным и другими поэтами. Для меня станут открытием новые имена. Я заболею мечтой о Волошинском фестивале, но каждый год будет отодвигать мою поездку в Коктебель. Александр Шишкин именно в литературном салоне впервые расскажет мне о загадочном клубе детских писателей «Черная Курица», когда я спрошу его, как издать детскую сказку. Однажды Литературный салон Булгаковского Дома выйдет за рамки музея, и я окажусь вместе с другими поэтами на праздновании города Москвы в 2010-м, где Андрей Коровин у подножия памятнику Владимиру Высоцкому вдруг вытолкнет меня к микрофону прочитать стихи. Куда бы я потом не пошла в Москве, я буду встречать своих новых друзей, которых до этого мне так не хватало!.. И даже когда буду пропадать на годы, все равно мысленно с ними, точно зная, что можно вот так запросто зайти в Булгаковский Дом и послушать стихи в Литературном салоне Андрея Коровина.

МАРИЯ ПОПОВА

СВЕТЛАЯ МИСТИКА БУЛГАКОВСКОГО ДОМА

Этот дом всегда был для меня особым, мистическим, живым. Всегда испытывала особый трепет, заходя сюда. Имя Булгакова стало известно мне чуть ли не с детства, с подростковости, а его роман «Мастер и Маргарита» был «проглочен» одним махом, перечитан несчетное количество раз, и – не побоюсь этих слов – задал жизненные приоритеты.

Коварная память вовсе не торопится подсказывать, когда я побывала в Булгаковском впервые, хотя по московским литературным местам я путешествую уже лет семнадцать. Проявляю в памяти интерьер зала, аналогов которому не видела нигде – темно-бордовые занавеси, мягкие стулья с изогнутыми спинками, круглые столики в задней части салона, оригинальное оформление сцены... Но главное украшение Булгаковского Дома – люди.

Все-таки вспомнила. В 2011 году тут был вечер литературной студии «Место встречи» журнала «Студенческий меридиан». Случилось так, что я выступила тут вместе с другими поэтами, а потом ведущая студии Света Рахманова возложила на меня почетную обязанность написать об этом факте репортаж в «НГ-Экслибрис». Я и написала. Называлась статья ««Место встречи» в Булгаковском доме». Так что для меня Булгаковский Дом – это еще и дебют в любимом литературном издании. Мое представление о его значимости не смогло поколебать ничто.

Тут я участвовала в турнире поэтов «Живые поэты в городе», который вели остроязычные Женя Коробкова и Дана Курская. Тут прошел вечер протяжно читающего-шаманящего Амарсаны Улзытуева. Тут я была на вечере книги Андрея Коровина «Снебапад».

Что еще помню? Вечер Ирины Чудновой, вечер Ирины Евсы, презентацию книг издательства СТиХи, на которой Лена Фролова познакомила меня с главным редактором Аллой Поспеловой, издавшей позже мою вторую книгу. Здесь был вечер памяти важного для меня человека и поэта Лёши Ефимова, на котором я выступила с воспоминаниями. Здесь был вечер памяти Юрия Влодова, который организовала его вдова Людмила Осокина (так случилось, что мне первой привелось опубликовать ее воспоминания о причудах покойного мужа в интернет-журнале Плюмбум.пресс). И как бы мне ни хотелось, рассказать обо всем этом в хронологическом порядке не получится. Всё смешалось в вихре событий, в радостно-трагичном литературном театрокалейдоскопе. Я помню просто множество важных для меня лиц в этих стенах: Андрея Таврова, Александра Переверзина, Геннадия Калашникова, Нину Дунаеву, Анну Гедымин, Ольгу Сульчинскую, Асю Аксёнову, Евгения Лесина, Елену Семёнову, Анну Маркину, Евгению Баранову, Бориса Кутенкова, Людмилу Вязмитинову, Алису Орлову, Марину Лощенко... всех и не вспомнить. Нарочно не пишу я имена в алфавитном порядке. Кто-то еще среди нас, живых, а некоторых уже нет.

Но объединял такой небольшой, но особенный зал всех этих умнейших и остроумнейших, талантливейших, выдающихся людей. Причем, в этом салоне на моей памяти обычно было довольно мирно, в отличие от других литературных мест. Или так мне казалось, я так «удачно заходила»? Намеренно упомянула в предыдущем абзаце людей разных, даже враждующих между собой, чтобы подчеркнуть, как демократичен и непостоянен всегда был состав этого творческого улья. Хотя и определенный «костяк» постоянных посетителей тоже можно выделить.

Помню сетевой (и всеобщий) переполох, когда вдруг в 2018-м году исчез огромный черный кот Бегемот. Потом так же загадочно появился со снятым ошейником. Кот этот вообще всегда был (и есть!) украшением и всех здешних вечеров, и Булгаковского Дома вообще.

Помню «Вечер мистической поэзии» осенью 2023 года, куда меня пригласила Ирина Шлионская. Состав был очень пестрым, выступления в тот вечер – долгими и безумно интересными, я читала из недавно вышедшей в нашем Московском союзе литераторов «Антологии мистической поэзии» и еще что-то из коктебельских верлибров с огромным воодушевлением. Помню, еще, когда пришла, мест не было, и любезнейший Андрей Коровин посадил меня прямо сбоку в пространстве сцены, и я сидела во вполне себе иммерсивном пространстве, наблюдая и за читающими, и за их отражениями в зеркале напротив, и за залом, конечно.

Помню, конечно, и Андрея Коровина, который долгие годы всегда очень интересно, оригинально, с большим теплом вел вечера в литературном салоне Булгаковского дома. Помню его персональные выступления, например, яркое весеннее «Любвитворение» 2024-го года. Внизу, в театральном пространстве, на большой сцене были чтения текстов из новой книги «Кузнечики счастья» им с Ниной Дунаевой. Вроде и тема, как несложно догадаться, вполне традиционная. Но подача была какой-то совсем нетривиальной, головокружительной. Помню бордовый коридор этого пространства, ассоциативно – индийский. Взгляд Булгакова с портрета, роящихся под ним людей, ощущение портала в какой-то тайный мир из неприглядной реальности.

Была, слышала, видела, помню... Всегда это место стимулировало сознание к какой-то новой ступеньке – в писательстве, в восприятии, в доброте. В моем сознании «писательское» и «доброе» всё же связаны, хотя часто и дух современной литературы, и циничный век наш заставляют избегать морализаторства.

И даже сам дух Булгакова както мне помог. Есть памятник внутри музея. Ему приносят записки с пожеланиями. В один критический момент я написала и оставила – и сбылось.

У меня нет сомнений, что я не раз еще приду сюда. И увижу, и услышу, и вспомню, и почувствую. И, даст Бог, выступлю. Поздравляю с круглой датой! Здесь было и происходит много всего – эмоций, встреч, поэтических и других чтений, надежд, событий – пусть так будет и дальше.

ЖЕНЯ ДЕКИНА

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ЛЮБВИ И РОСТА

Для каждого из нас Литературный салон Андрея Коровина стал настоящим домом. Андрею и Нине Дунаевой удалось создать такое уникальное творческое пространство, само пребывание в котором позволяет тебе расти и развиваться, чувствовать, что рядом с тобой открытые, тонкие и искренние люди, принимающие тебя и отдающие свою любовь и энергию. Здесь я наслаждалась проникновенными спектаклями самих Андрея и Нины, яркими концертами Андрея с Фаготом, творческими вечерами любимых авторов, фотовыставками, литературными батлами, замечательными экспериментальными концертами, а Новый год у Коровина – это по праву главная литературная елка страны. Но об этом будут говорить и вспоминать многие, а я хочу рассказать о том, о чем не расскажет никто.

О наставничестве и помощи совсем юным ребятам, моим ученикам, которые, благодаря литсалону получили крепкий старт в карьере. Я руководила детским театром, и Андрей с Ниной предложили моим ребятам выступить на сцене Булгаковского с небольшим спектаклем, который связал бы между собой выступления крупных современных поэтов. Для ребят это было не просто большой честью, но и полезным опытом. А когда спектакль повторили на Красной площади, счастью их не было предела. Оба юных актера с легкостью поступили в театральный, они не тушевались и чувствовали себя профессионалами благодаря литсалону. Эта поразительная атмосфера принятия и творчества помогла раскрыться не только литераторам, стоявшим на этой сцене, но даже творческим детям, получившим заряд любви и радости. Спасибо за этот огромный труд, за 20 лет любви и роста.

ТАТЬЯНА КАЛУГИНА

САМЫЙ ПОЭТСКИЙ ДОМ

Если бы меня спросили, какое место в Москве самое московское, самое поэтское и самое мистическое, я нашлась бы с ответом очень быстро: разумеется, это музей «Булгаковский Дом»! Тот самый, на Большой Садовой, 10 (в измерении романа – 302 бис). Я не была там добрый десяток лет, а сегодня вот съездила – и убедилась, что всё осталось по-прежнему. И кованые ворота на входе в арочку, и пушистый черный талисман, прошедший кастинг на Бегемота (сейчас это шестилетний красавец мейн-кун), и до боли знакомые, нарядно подсвеченные временем артефакты, под стеклами и без оных.

Кое-что добавилось: экспозиция «Трамвай отрезает голову Берлиозу», с испуганной «комсомолкой» за рулем и с жутковатой бронзовой башкой на рельсах. Появилась отдельная мини-комната с интерактивной Головой Берлиоза: проходишь мимо, а взгляд Головы неотступно следует за тобой. В буфете можно теперь купить пирожное-конвертик с предсказанием судьбы.

Нашей группе достался очень артистичный, харизматичный гид Филипп, явно работающий под Коровьева, легко и непринужденно, с обращениями «любезнейший» и «гражданочка», прогулявший нас по Москве Булгакова. Закончили в зале с зеленым полом и старинным зеркалом. Филипп

рассказал пару баек про этот зал и про вещи, собранные в нем, и торжественно раскланялся, завершая программу. Я не утерпела и обратилась к нему с вопросом: «Филипп, а почему вы ничего не сказали о поэтах, которые здесь читают, на этой площадке? Некоторые уже классиками стали, за 20 лет!»

Филипп ловко выкрутился: мол, я прекрасно знаю и о поэтах, и много о ком еще, просто если начну обо всех рассказывать – мы с вами не выйдем отсюда до самой ночи.

А я вспомнила, как мы выходили отсюда если и не ночью, то поздним вечером, толпились во внутреннем дворике, курили, обсуждали что бог на душу положит, в том числе и услышанные стихи. Поздравляли автора с выходом книжки, или там с получением израильского гражданства; решали, где продолжить банкет. И дружною гурьбой вываливались из арочки на Большую Садовую.

У меня есть тетрадь, в которой собраны коротенькие экспромты современных поэтов, записанные ими собственноручно. В этой тетради, например, стихи одного крутого московского поэта соседствуют со стихами одного крутого киевского поэта. Оба они выступали в зале с зеленым полом, и не раз, а потом курили в «булгаковском дворике» и подписывали желающим свои книжки... Мир изменился, новая реальность выдавливает старую, а в Булгаковском Доме поэты всё так же собираются и читают стихи. Да, другие поэты, другие стихи, но зеленый пол с выщербинами всё тот же, и кота всё так же нельзя кормить и гладить.

Во мне всегда жило убеждение, что если есть у тебя «место силы» – береги его, не части с визитами. Только в самых крайних случаях... Сегодня случай был не крайний, но звезды сложились так, что я приехала и повидала его. Дневной, воскресный, полный экскурсионно-туристической публики, он совсем не такой как «в часы поэтов». Однажды я использую и эту опцию, нагряну в Булгаковский Дом на авторский вечер, допустим, Андрея Коровина или Михаила Свищева, Германа Власова или Ганны Шевченко... и снова будет мне счастье!

ЮЛИЯ ШЕРАЛИЕВА

САМОЕ ЯРКОЕ ЛЕТО

Ефимову Лёше
и Булгаковскому Дому

Это было почти 20 лет назад. Мне тем летом очень хотелось в Молдавию. Помню, на вокзале ищешь свой поезд на Киев или Одессу – стоит синенький на «Кишинеу». Ну, думаешь – пустите к вам!

И вот – пожалуйста. Еду. Не в нее, в Молдавию, а уже – в ней. Этот поезд до молдавской столицы идет 38 часов, и это на день дольше, чем до места моей высадки в судьбоносной точке на карте, бывшем порту Хаджибей, в Жемчужине у моря, в Южной Пальмире. Короче, в Одессе! В городе, словно побратим, связанном, как Лёша Ефимов с Коктебелем, как он же с Домом Булгакова в Москве; с одесситом Мишей Жилиным, с моим будущим бывшим мужем и настоящим сыном, которых без Одессы не было бы. Горение сердца, мечты о странствиях, открытый мир накрепко соединяют ее и счастливый мир искусства, литературы, памяти о чем-то большем. Вот и богатая палитра местных литературных красок была представлена в Доме Булгакова. Пишущие по-русски прозаики, поэты, критики, драматурги и переводчики, как толпы сошедших с кораблей в одесском порту, смешивались в этом литературном Вавилоне. То лучезарно и дружно творя, то напоминая булгаковский бал у Воланда...

А тогда я просто поехала на прогулку к морю. На выезде из Москвы – надписи на заборе «Православие или смерть», «Апокалипсис уже идет» и так далее. И откуда они все это знали?..

Еду. «Мой» поезд тащится нехотя, но я и рада. Поезд – это же всегда не такое кино, которое ты быстренько смотришь, а которое показывают вокруг тебя, или даже нет, такое, которое само тебя смотрит. Здесь торопиться не требуется, сеанс все равно не окончится раньше достижения пункта назначения.

...Проводники отстреливаются черными очами, изумляясь, что я не «своя», хлопают ресницами, улыбаются, испытывая на прочность. Ну, извините. Зато с первых мгновений меня опекает весь вагон. Два часа как отошли от Москвы, а он ходуном: играет музыка, хохочут бабенки, льется вкусное вино из подозрительно выглядящих бутылей.

Я смотрю в окно и мечтаю. Бессарабия! Привет, Вертинский и Остап Бендер и вообще – все любовники жизни начала века.

Не берут с меня денег за чай, постоянно чем-то угощают, укрывают одеялом, ругаясь: «Ну нельзя же так спать! Простынешь! И вообще – поворачивай до Кишинева – серьезно, мы договоримся со своими!» Господи, с кем?

Ближе к ночи показалось, что я понимаю молдавский. Читаю все 32 страницы паспортов моих шумных соседей, надписи на книжках и пакетах от сахара, и все смеются. Всё понимаю, когда говорю с продавцами, и никто даже не замечает, что у меня есть акцент. Но он же должен быть. Но его нет.

И тишины в вагонах тоже нет – каждую секунду по вагонам ходят продавцы – предлагают конфеты «Ё-моё», почему-то хрусталь, набор для бадминтона и барбарис «Веселые ночи». Вечереет, и ночь действительно становится веселой – тут и там шумят как в последний раз, жутко раскачиваются и кричат со станции Сухиничи огромные меховые игрушки, словно соглашаясь с тем, что они – такие страшные. Мигают пластиковые лампы, звенят бокалы (шесть штук сто рублей). Бабушка рядом со мной не устает ворчать: «Шо вы ходите, вечер уже, ползаете, ползаете! Мне эти ваши конфеты и бадминтон сниться будут. Ну кому тут нужен в поезде ваш бадминтон?!» Пробует избавиться от назойливых продавцов отговор-

ками, что все уже купила. Проходит время, и к бабусе уже тянется целое паломничество – прошли слухи, «шо та баба из 9-го вагона все скупае!»

А еще я никогда прежде не видела так много бедных людей разом. В пути первые пару часов читала журнальные истории о великих – кто убивал, а кто продавался, передаваясь, как игрушка, из рук адмиралов в руки генералов. Один в детстве грыз с голодухи печку, другой батрачил в плену, пока не бежал, с цингой и ностальгией по дому. Отрываюсь от статей и вижу в вагоне живые продолжения своих рассказов. Среди пассажиров – приезжавшие на заработки молдавские работяги, экономящие на всем, чтобы только довезти свои сокровища до семей, до дома. Едущие навестить родных, оставшихся после 90-х на Родине.

Я еду и думаю, как расскажу обо всем по приезде в Одессу – Лёше Ефимову. Что мне кажется, мир так жалок – и оттого должен быть только сильнее любим. И что я, как никогда, хочу в Кишинёв к этим хитрованам, к цветам, вину и улыбчивым людям с необыкновенно красивой речью.

Из Одессы я, конечно же, ездила в Кишинёв, через Приднестровье, через шумные нарядные деревни, под звуки цимбалов, под танцы в парках. В Кишинёве повсюду небывало занятная речь и взаправду много вина, и это один из самых зеленых городов из всех, что я видела. Однажды я просидела полдня в абсолютно пустом кишинёвском костеле – с витражами и розами. И не было совсем никого: я и эти стекла, ну, и ангелы, конечно, по 10 штук на кончиках пальцев. Из здания оперы по соседству лилась музыка, вторя старинным и мрачным прекрасным витражам. На въезде в город сиял Днестр, позади были Бендеры. В синагоге поблизости спал под газетой смотритель. Перед отъездом купила на барахолке «Гулливера» на румынском за 1968 год. Зачем? Или меня привлекло слово «Возвращение» на обложке?

А тогда я приехала в Одессу, где меня ожидало самое яркое лето нулевых. Выходные я и трепетный жених, которого позже я вероломно променяла на балканского торговца картинами и оружием, проводили за городом, в приморской деревне. Мы ставили палатку у пещер из ракушняка, резвились, ловили рыбу, ели ягоды, шашлык и пили вино. Искристых цветов пиратский платок выдавал ассоциации с раковиной, превращая мою голову в странную оконечность морского существа. Я сливалась с этим пещерным доисторическим миром, теряя ощущение времени и пространства, его границ, как границ жизни и смерти. Всё всегда живо и все всегда живы – настойчиво напоминаю я себе, когда мне грустно или я по кому-то скучаю. И возвращаю себя в то открыточно-живописное лето, в ту полоску кварцевого песка и жгутов выныривающих из него змеек, в рыхлый облачный небосвод, к закату, наливающемуся светом, который обычно льется с икон.

Я скучаю по доисторическим пейзажам и изломам с высеченными скитами в глубине, по крабу, которого назвала Макаром, по нитям корней злых колючек, даже по собственному ужасу от сколопендр, гори они огнем ада, из которого вышли.

По Кишинёву, Долине Роз, историям о мумии Котовского, по молдаванам, рассказывающим о тяжести жизни в Москве, по Лёше. В моей памяти всё еще крутится эта лента, где всё повторяется от начала и до конца: я, поезд, много историй, любви, памяти и вина. Там есть место Лёше, а все герои Дома Булгакова, словно гости на той самой вечеринке из его романа, могут свободно пересекаться, не взирая на время и точку планеты, из которых они родом. Это кинолента, вмещающая в себя, как дом поэта Волошина в Коктебеле сто лет назад, как Булгаковский Дом – всех друзей-писателей из разных стран, друзей, живых и ушедших, друзей, которые никогда не станут врагами.

Иногда я думаю, что я все еще там, и ничего нет ни до, ни после того странного счастливого лета, и мы с крабом Макаром прогуливаемся по опустевшему тихому берегу.

АЛЛА ПОСПЕЛОВА

ВО ВСЕМ «ВИНОВАТ» АНДРЕЙ КОРОВИН!

Начать стоит с того, что и Товарищество «Сибирский тракт», и Издательство «СТиХИ», и студия издательства не появились бы без Булгаковского Дома и Андрея Коровина.

Было это в 2007-м или 2008-м году, я точно не помню, слишком много с тех пор воды утекло. Поэтому напишу, как помню, пусть меня поправят те, кто помнит лучше. Основной платформой общения в те времена был «Живой Журнал», в котором все участники описываемых событий имели свои аккаунты под забавными никами. Прелесть «Живого Журнала» состояла в яркости и открытости общения и традиции развернутых интеллектуальных высказываний. После него ни в одной сети я больше никогда так плотно не сидела и долгих знакомств, перераставших в живую дружбу, не заводила.

Видимо, знакомство в ЖЖ или какие-то иные мотивы побудили Андрея Коровина пригласить выступить в Булгаковском Доме Андрея Пермякова и кого-то из нашей семьи (я помню, что Арсения, Арсений утверждает, что меня, но в рамках конкретной мемории это не важно). Приглашение предполагало, что выступаем мы с Пермяковым в разные дни. Из Дегтярска в Пермь и обратно (мы все жили на Урале) в окошечках ICQ летали сообщения, плавно превращаясь из «ух ты!» и «ура!» в «я боюсь» и «никто не придет».

Сперва проблему опасений было задумано решить парными выступлениями: Алла Поспелова и Арсений Ли, Андрей Пермяков и Алексей Евстратов, пока еще в разные дни. Об этом торжественно уведомили Андрея Коровина. Он, посомневавшись в целесообразности этого объединения, постепенно согласился.

Снова замигали «ура-ура» и снова они выдохлись в «да кто придет два дня подряд?» Уныние охватывало ряды гастролеров, и выход пришел по прежней схеме: «А давайте объединяться». И мы радостно сообщили эту новость Андрею Коровину. Теперь, когда мы больше 15 лет постоянно организуем массу мероприятий для всей страны, отсутствие энтузиазма со стороны Андрея в ответ на наше сообщение стало понятно. Но тогда суровость всегда милого организатора несколько обескуражила. И появилась мысль никуда не ехать.

Это сейчас я понимаю, что сама бы была гораздо убедительнее в своем возмущении. А Андрей просто сказал, что ему проще всё отменить, чем менять концепцию раз в пару дней. И вообще, как мы себе представляем эту странную афишу? Ребята с Урала? И если мы все-таки хотим выступить именно в таком формате, то нам нужно придумать, под каким соусом нас представить публике, особенно – на афише.

Мы не были бы успешными маркетологами, пиарщиками и политтехнологами, если бы не придумали. Сперва я сочинила название и концепцию: «Сибирский тракт» – как позвоночник, на котором собрана вся наша страна; как артерия, по которой в обе стороны происходит культурный и экономический обмен. Потом Арсений создал логотип товарищества.

Но всё это было развлечение на один вечер. Мы так планировали! Что Товарищество поэтов «Сибирский тракт» (как и многие предыдущие наши проекты) просуществует несколько дней на афише и часа четыре в зале.

Но Булгаковский Дом обладает особой магией. Или Андрей Коровин слишком убедителен. Пока он вел этот вечер, зрители (а их было слишком много, и они едва поместились во всех комнатах музея) поверили, что «Сибирский тракт» – это серьезное литературное объединение, и число участников товарищества выросло в 5 раз.

Вот так всё началось, и те, кто недоволен существованием наших проектов, помните: во всем «виноват» Андрей Коровин! А те, кто рады, что мы так развернулись, знайте: благодарить за идею собрать нас под одним флагом тоже нужно Андрея Коровина. Он дал «путевку в жизнь» и товариществу поэтов, и издательству, и студии. А еще он – наш большой друг и учитель, наши фестивали тоже организованы по его советам.

Спасибо Булгаковскому Дому, на подмостках которого родилось Товарищество поэтов «Сибирский тракт»!

СЕРГЕЙ ТЕНЯТНИКОВ

КРУПНЫЙ РЕЖИССЕР

В канун нового 2020 года ничто не предвещало. На улице моросил дождь, зима ленилась и не хотела выходить на московские улицы. Я собрался впервые посетить ежегодный новогодний капустник в Булгаковском Доме. Сел в вагон метро. Всё было как обычно. Вышел на Маяковской. И тут – то же самое. Памятник Маяковскому стоял на своем месте. Гитарист под футуристом лабал что-то полузнакомое. На качелях качались люди. Декабрь. Ну и что? На моей малой родине люди мороженое в минус тридцать едят и салом заедают. Подумаешь, качели! По дороге в Булгаковский, благо идти недалеко и всё время по прямой, я выкурил сигарету. Постоял перед входом в дом писателя, с главной книгой которого я, тридцатилетний, неожиданно столкнулся в сибирской деревне. «Здравствуйте, Михаил Афанасьевич! Я готов!», – и открыл дверь. Внутри суетились какие-то люди. «Писатели», – подумал я и улыбнулся. Писатели, видимо, ничего не подумали, потому как не улыбнулись в ответ. Узнав у флегматичной Геллы, где можно найти Андрея Коровина, я прошел в подвальный театр. Кот Бегемот рассматривал примус. Ну Кот, ну Бегемот. В тайге и не такие бегемоты обитают. Коровина нигде не было. «Наверное, готовится к выступлению», – решил я, сел на последний ряд и стал запоминать. В зале прибавлялось народу. Писатели были разные – маленькие и большие, старенькие и не очень. В общем, запоминать было особо нечего. К тому же знакомых лиц в помещении было – раз-два и обчелся. Пришло несколько поэтесс со свитами. Мэтры сидели в первых рядах. За занавесом шебуршали. До начала представления оставалось четверть часа.

«Пойду, перекурю пока», – подумал я и двинулся к выходу. Путь мне преградила Нина Дунаева: «Тенятников, у нас режиссер пропал!» – «Какой режиссер? Зачем пропал? Сережа, кажется, ты попал!», – пробежала бегущая строка по моим извилинам. «Нина, я курить. Коровин где?», – почти шепотом сказал я. «Не знаю, где-то здесь, – отмахнулась Нина, – будешь режиссера сегодня играть». – «Я не могу, я только посмотреть, я стихи пишу, – пытался отмазаться я, – почему я? Вон здесь сколько достойных». Нина посмотрела на меня, потом на собравшихся за моей спиной: «Почему? Потому что ты здесь самый крупный. Лучше будет видно на сцене. Вот текст, учи». Я взял листок и пошел за кулисы. Выучить надо было пару рифмованных предложений.

После выступления я посмотрел в сети фотографии. Я действительно был самый крупный среди коллег по цеху. Нина не обманула. С тех пор у меня вышло еще две книги стихов. Были публикации, награды и премии. Сделал дюжину клипов видеопоэзии. Также в Булгаковском презентовал свою книгу. Даже стихи неуловимого Андрея Коровина перевел на немецкий. Но больше я никем там не подрабатывал. Хотя, как знать, как знать. Ведь во время всей этой чисто булгаковской истории никто так и не заметил подмены режиссера.

АЛЕКСАНДР ЗАКУРЕНКО

ПАМЯТНЫЕ ВЕЧЕРА

С Андреем Коровиным я познакомился в Крыму, в Коктебе-

ле, в Доме-музее М.А.Волошина, куда был приглашен в 2005 году на объявление победителей Международного литературного Волошинского конкурса. Я неожиданно стал победителем в этом поэтическом конкурсе, и уже в Коктебеле встретился с его организатором – им оказался молодой, улыбающийся, очень светлый, легкий и приятный в общении человек. Так мы начали общаться.

А когда я вернулся в Москву, мне пришло на почту тут же предложение от Андрея выступить в Булгаковском Доме в рамках его литературного проекта «Вечера в Булгаковском». Андрей собирался устроить выступление двух поэтов – меня и Сергея Соловьева. Не помню, был ли сам вечер, но с той поры мы подружились, и я стал часто появляться в Булгаковском.

Мне сразу понравилась атмосфера – вне группировок, склок, Андрей был открыт самым разным людям, направлениям, я вообще ни разу не слышал, чтобы он кого-то при мне критиковал. И он внес еще один важный штрих – радость за чужие успехи и таланты. Было видно всегда, что ему как ведущему чрезвычайно нравится, когда приглашенный им гость находит отклик у слушателей.

Из многочисленных моих посещений литературного салона Андрея сложно выделить какое-то одно. Но всё же запомнились встречи с Анатолием Кимом, Тимуром Зульфикаровым, Константином Кравцовым, с прекрасным киевским поэтом Алексеем Зараховичем.

Но всё же расскажу о двух вечерах.

Первый – это вечер поэзии Игоря Меламеда. Когда у Игоря случилось несчастье, и он перестал выходить из дома, я решил поддержать своего друга и провести вечер его поэзии. Поделился своей идеей с Андреем, и оказалось, что он тоже любит стихи Меламеда и готов предоставить площадку и сам участвовать как один из исполнителей стихов Игоря.

Дальше я составил программу и пригласил тех, кто любил Игоря – учился с нами в Литинституте или просто был ценителем его поэзии, как сам Коровин. Каждый из приглашенных прислал мне те стихи, которые хотел бы почитать, я составил программу, чтобы никто никого не дублировал.

Объявление звучало так: «13 июня, вторник 19.00 Вечер поэзии Игоря Меламеда. Произведения И.Меламеда читают Александр Закуренко, Сергей Саканский, Виктор Куллэ, Леонид Костюков, Алексей Кубрик, Андрей Коровин и другие. Ведет Александр Закуренко».

Я вел этот вечер и тоже читал стихи Игоря, рассказывал о нем, о жизни в Литинституте. А после вечера Андрей в «Независимой газете» дал заметку и перечислил тех, кто читал стихи Игоря: «2006. Вечер поэзии Игоря Меламеда состоялся в Булгаковском доме, 13 июня. На предложение участвовать в вечере откликнулись самые разные люди – отец Константин Кравцов, Дмитрий Бак, Виктор Куллэ, Леонид Костюков, Ирина Суглобова, Ирина Ермакова, Максим Амелин и другие. В их исполнении звучали как ранние, так и самые последние стихи Игоря. Павел Крючков привез записи стихов Игоря в авторском исполнении и записал на видео весь вечер, чтобы Игорь тоже мог стать его участником и зрителем. Несмотря на летнее внесезонье, публики было достаточно. Выступавшие вспоминали истории из жизни Игоря, а ведущий вечера Александр Закуренко рассказывал байки, больше похожие на литературные анекдоты».

Сейчас я уже не вспомню, что именно я рассказывал. Но потом Настя, жена Игоря, и он сам сказали, что им вечер очень понравился. И, конечно же, важную роль сыграла теплая и дружеская атмосфера в салоне у Андрея. И его желание провести этот вечер и поддержать прекрасного русского поэта. В этот вечер нас всех, кто пришел и выступал как чтец, объединило желание быть рядом и хоть чем-то полезным Игорю Меламеду, прикованному к своему дому.

И второе событие, особо мне запомнившееся, за которое я тоже благодарен гостеприимству Андрея – творческий вечер на мое 55-летие.

Программа вечера звучала так: «2017 УЖЕ ЗАВТРА 11 ОКТЯБРЯ В 20.00 В БУЛГАКОВСКОМ ДОМЕ! ЮБИЛЕЙНЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР АЛЕКСАНДРА ЗАКУРЕНКО! В программе: чтение в лицах финала пьесы «Суд»; стихи, проза, переводы в исполнении автора».

Событие состоялось в подвальном арт-фойе за сценой – в неком полуготическом и загадочном месте, где до того мы периодически праздновали после каких-то особо знатных вечеров с приглашенными чтецами, музыкантами, авторами. Людей пришло немного.

Второе действие моей пьесы «Суд», второй части трилогии о власти (первая, «Реквием по Елизавете», уже несколько раз исполнялась ранее), было премьерой. Ни до, ни после вторая часть не игралась. В качестве актеров я пригласил тот же состав, что играл в первой части, и обновил его одним школьником, Денисом Лазаревым, и моей выпускницей, на тот момент уже студенткой Литинститута, Машей Фокеевой. Остальные роли исполнили Миша Калинин, Саша Васильева и я. Играли с чистого листа, без репетиций. К сожалению, эта единственная читка никем тогда не снималась.

АСТЬЕР БАЗИЛИО (БРАЗИЛИЯ)

ПОЭЗИЯ ПО СРЕДАМ

«Милая, не плачь,
сегодня сеанс Чаплина»

Так написал наш великий поэт Карлос Друммонди ди Андради. Я взял этот отрывок как свой амулет. Неважно, насколько тяжелой будет моя неделя в Москве – по средам я мог себе повторить: милая, не плачь, сегодня сеанс поэзии.

Если бы мои воспоминания были фильмом, то первая сцена

начиналась бы около четырех. Надо подумать, что надеть. Этот пиджак? Нет, неделю назад я его уже надевал. Неужели? Дай-ка посмотрю на страницы альбома Литературного салона Андрея Коровина. Да. Слышу мамин голос за плечом: «Подумают, что у тебя только одна одежда». Беру новый – в смысле, тот, что еще не был сфотографирован – и, как у Маяковского: «Иду – красивый, двадцатидвухлетний», выхожу из вагона прямо на Маяковской.

В России, даже когда не хочу, всё равно думаю о своей судьбе, о будущем – и о надписях на крыше станции, как будто это старые будущие. Мое время – это прямо сейчас!

На улице смотрю на гранитную фигуру Владимира Владимировича – того, кто бросал камень в молодежь, а сам остался каменным навсегда. Там, где Андрей Вознесенский читает: «Судьба, как ракета, летит по параболе...» – в кадрах фильма «Москва слезам не верит», я ищу Люду, которая ничего не поняла.

А дальше – концертный зал имени Чайковского. На афишах – фотографии музыкантов. Гляжу и сам себе обещаю: когда-нибудь обязательно куплю билет. Но пока – просто постоянное желание.

Затем – театр. Если прихожу пораньше, всегда захожу туда. Смотрю на людей. Сижу. Однажды я подумал: вдруг ко мне подойдет какой-нибудь призрак? В Бразилии у каждого театра есть свое привидение – вроде нашего домового. Но нет. Это я сам и есть свой призрак.

Осталось немного пройти. «Ориентир – "Шоколадница", потом в арку и налево, 1-й подъезд, 1-й этаж...» – вспоминаю, что написал мне Андрей Коровин после того, как поспорил со мной. Объясню. На своей странице он поделился новостью о книге «Антология советского андеграунда», которую я составил и перевел в формате самиздата в Бразилии. В комментариях только один человек сказал: «Хорошо, но многих имен не хватает». Это был Андрей. Я сначала не послушал, но потом несколько из этих поэтов включил в список для большого проекта антологии.

Но Андрей Юрьевич не просто меня критиковал, он пригласил меня в свой салон. Всё началось 9 марта 2023 года.

Хотя я окончил магистратуру в Пушкинском институте, где был курс по современной русской литературе, и сейчас учусь в аспирантуре Литературного института, встречи с поэтами, разговоры с ними, их воспоминания и, главное, их голоса стали для меня чем-то вроде параллельного образования.

Но в салоне Андрея Коровина я не только учусь. Мы весело сидим, много шутим, а на скамейках у Патриарших прудов даже болтаем с Воландом.

Сейчас я сижу в далекой Бразилии и про себя повторяю:

«Милая, не плачь,
осенью у тебя снова будет поэзия по средам»

ЕВГЕНИЯ КИСЕЛЕВА

У ФОНТАНА

В Литературном салоне Андрея Коровина в музее-театре «Булгаковский дом» я впервые оказалась осенью 2023 года.

Незадолго до того я по воле некоего духа авантюризма и многих стечений обстоятельств проехала сквозь Калининградскую область в компании Волошинского фестиваля, ставшего для меня поворотной точкой во многих смыслах. Та неделя была удивительной, и я с благодарностью вспоминаю каждый день! Но сейчас не об этом.

Не следует мне углубляться и в сложный антураж самого музея-театра «Булгаковский Дом», который, безусловно, достоин отдельных восхвалений, с его картинами, зеркалами и потайными комнатами.

Я хочу говорить о поэтах (и не только), читающих вслух стихи (но не всегда), и о тех, кто приходит их услышать.

А от музея-театра «Булгаковский Дом» возьмем в этот чисто прозаический текст витающий в его стенах запах из смеси ароматов старой деревянной мебели, множества парфюмерных композиций и многослойное коньячное послевкусие. И еще прихватим чудесный сумрак, идеально подчёркивающий мизансцену.

Я люблю сидеть позади всех – у барной стойки, которая, увы, совсем не та, какой представляется. Но от её крепкого бока открывается наилучший обзор на сцену, потому что сцена – не только пара квадратов пустоты вокруг автора и грустное пианино за его спиной, но сцена – весь зрительный зал, в котором непрестанно разыгрываются действа из мира, где люди взаимодействуют с данными им словами, принимают и отрицают их, удивляются, улыбаются или же, напротив, хмурят брови, и даже редкая брань может сорваться с уст.

Я и сама смеялась, плакала и негодовала вместе с ними – да, бывало и такое.

Зачастую зрительный зал напоминает старинные итальянские фонтаны, где вокруг свежего прохладного источника выстраиваются в разных позах фигуры людей и богов, или же и вовсе мифических существ.

Вот кто-то высокий и худой вытягивает свои длинные ноги в узком проходе и складывается почти что вдвое, склоняясь головой к коленям. Другой, напротив, откидывается назад на скрипучую спинку стула и запрокидывает голову вверх, вперив взор в потолок, будто слова льются именно оттуда.

Это вообще исключительная черта литературных вечеров. Ищет автор поддержки взглядом или нет – большинство взглядов его слушателей станут блуждать где угодно – по стенам, по полу, по упитанному чёрному коту – частому гостю сумрака. И только уши слышащих останутся напряжены.

Многие то и дело что-то записывают. В этом мне видится добрый знак. Почти как в «русском

бильярде» – «биток», читающий с крошечного островка пустоты у пианино, придает движение мыслям и чувствам сидящих в зале «шаров», и более того, движение это оказывается столь весомо и ценно, что непременно должно быть как можно скорее сохранено на бумаге.

В исторической ретроспективе иммерсивный, контактный театр, кажется, не так давно вошел в моду и, вроде бы, даже уже из нее вышел. Но литературный вечер всегда был, есть и остается именно этой породы – то ли предвестник, то ли прообраз. Потому что здесь возможен контакт любой: слово отзывается и во взгляде услышавшего, и в языке его тела, и в уме, и в сердце. И по тому, как слово отзовется в человеке, человек может обнаружить в себе нечто новое.

Я видела многих таких, которые по завершении вечера, едва смолкнут аплодисменты, тихо выходят за дверь, бубня себе под нос. Заглядывая в их лица, чувствуешь их ошарашенность, а значит – слово достигло своей цели. А какой именно – оставим разбираться услышавшему. В конце концов, на это может потребоваться вечность!

Но именно за это я особенно люблю вечера в Литературном салоне. Люблю, когда слово касается и меня тоже. И со мной в вечности останутся глубокая, истинная мудрость Анатолия Кима и добрые, верные в каждом своем слове истории Игоря Кузнецова, душевная чистота поэтики Елены Фроловой и зажигательные вечера Астьера Базилио, пронзительность Нади Делаланд и меткий, ироничный слог Юрия Татаренко.

И потому я спешу к этому причудливому фонтану, во главе которого – источник (каждую среду – новый), вокруг которого собираются самые разнообразные фигуры – те, что уже давно обрели для меня имена и лица, и другие, что так и остаются словами, но оттого отнюдь не менее дороги.

С благодарностью слышащего я поздравляю Литературный салон Андрея Коровина и его виртуозного Архитектора с Юбилеем!

Светлого будущего в Булгаковском сумраке!

ОЛЬГА СИЧКАРЬ

КАК Я НАЧАЛА ХОДИТЬ В БУЛГАКОВСКИЙ ДОМ И ЧУТЬ НЕ СТАЛА ПОЭТОМ

Так получилось, что знакомство с современной поэзией для меня началось с Булгаковского Дома. В 2023 году я окончила Литературный институт, удачно поучаствовала в первых в своей жизни литературных премиях и поехала на два вручения подряд – в Тамбов и Нижний Новгород. Премии по малой прозе, за рассказы – к поэзии я никакого отношения не имела, кроме, конечно, того, что еще в школе полюбила Пушкина и Лермонтова, Заболоцкого да Гумилёва.

Еще по дороге в Тамбов на вручение премии им. Сергеева-Ценского я познакомилась с двумя первыми в своей жизни поэтами – Анной Гедымин и Геннадием Калашниковым. Уже тогда, начав присматриваться, я стала подозревать, что там, в области современной поэзии, простирается какая-то инопланетная терра инкогнито.

Мы вернулись в Москву, Анна взяла меня под свое белоснежное крыло (есть версия, что Анна – ангел почти в натуральную величину) и начала знакомить с поэтическим миром. Мы ходили на литературные мероприятия туда и сюда, но чаще всего это был Булгаковский Дом.

Прекрасно помню первый увиденный мною поэтический вечер там – презентация книги «Голоса в голове» Нади Делаланд. Я ушла под большим впечатлением и с двумя книгами стихов. Одним из удивлений стало то, что поэты на литературных вечерах свои сборники... дарят. Нет, подумала я, совершенно невероятный и волшебный мир – поэты! Живут по каким-то бескорыстным, нематериальным законам!

Дальше я убедилась, да, так и есть. Всё, что происходит в мире поэзии, – а Литературный салон в Булгаковском для меня стал неким эскизом, отражением этого мира, посильным для восприятия заземленного журналиста и прозаика – происходит по велению души, по вдохновению, вне понятий выгоды и расчета.

Я возвращалась в Булгаковский Дом снова и снова, даже не вспомню все вечера и встречи... В какой-то момент познакомилась с демиургом Салона Андреем Коровиным, который все это делает уже двадцать лет из чистой, нежной, трепетной любви к поэзии. Я, по-прежнему ошеломленная непостижимым миром современной поэзии и его устройством, почти сразу схватила Андрея за руку и выхватила диктофон, чтобы сделать интервью для газеты «Культура». Мне не терпелось поделиться с читателями открытием: представляете, наша современная поэзия живет, рождается, декламируется, издается, презентуется, обсуждается вне, поверх рациональных, земных законов, а какой-то, что ли, благодатью? Интервью под заголовком «Поэта можно встретить везде», где Андрей рассказал о своем пути в поэтический мир, о создании Литсалона и жизни Волошинского фестиваля, вышло в апреле 2024 года.

Помню, на каком-то из литературных мероприятий поэт, которому меня только что представили, спросил: «Где можно почитать ваши стихи?» Я смущенно ответила, что стихов не пишу. «Как, совсем?» Он был изумлен и смотрел на меня, будто на диковинного зверя. «Она совсем не пишет стихов...» – растерянно поделился он с подошедшим к нам еще одним поэтом. Я почувствовала себя почти маргиналом...

И тем не менее, чужой я уже не была. Я ощущала: услышанное на литературных вечерах в Булгаковском Доме (и в 3–4 других местах в Москве, но эпизодически), поэтические сборники, подаренные там и прочитанные мною, общение с поэтами, коим, как я увидела, несть числа, заметно влияют на то, как я пишу. Что-то из части ноосферы, где циркулируют сти-

хи, пролилось в мою прозу. Так я написала рассказ «Сокровенное», и он в 2024 году стал дипломантом Международного литературного Волошинского конкурса. Как будто бы круг замкнулся.

Но еще не совсем: вернувшись с Волошинского фестиваля, я и сама понемногу начала писать стихи. Почти невозможно находиться в этом и не начать – хотя бы понарошку, не всерьез, для себя. Ведь ты уже часть этого мира и небольшой эпизод славной истории Литературного салона Андрея Коровина в Булгаковском.

ВЛАДИМИР БУЕВ

КОРОВИНСКИЕ СРЕДЫ В БУЛГАКОВСКОМ

Примерно год назад я, по счастливой случайности, заглянул в Булгаковский Дом в литературный салон Андрея Коровина, да так там и завис. Случилось это, как не трудно догадаться, в среду. Сейчас я даже не вспомню, что это было за мероприятие и кто у Андрея в тот первый вечер моего появления был виновником торжества. Скорей всего, это было мероприятие с размашистым названием «От Черного моря до Каспийского», где выступали участники Волошинского фестиваля и победители фестивальных конкурсов разных лет. Во всяком случае самый первый репортаж, написанный мной из литсалона и опубликованный в газете «НГ-Экслибрис», был о творческом вечере бразильца Астьера Базилио, который читал свои переводы на португальский язык стихов наших классиков (с упоминанием Бразилии) и современных российских поэтов (ставших друзьями Астьера). Анна Трушкина, Григорий Медведев, Илья Оганджанов озвучивали свои русские оригиналы, а Астьер – их португальские версии. С той пары поэтических часов особенно запомнилось, как Полина Кузнецова прочла «Почту» Самуила Маршака, а бразилец Базилио – свой перевод, в котором зазвучали ненарочитые забавные аллюзии:

Швейцар глядит из-под очков
На имя и фамилию
И говорит: – Борис Житков
Отправился в Бразилию!

Под пальмами Бразилии,
От зноя утомлён,
Шагает дон БАЗИЛИО,
Бразильский почтальон.

Потом последовал второй, третий, четвертый «коровинские вечера» - и я, повторюсь, именно что «завис», другого слова не подберу. С тех пор если не каждая среда, то через одну, стоит в моем графике посещения творческих мероприятий в литсалоне Булгаковского Дома. И вообще слово «среда» лично у меня крепко-накрепко сассоциировалось с литературными «коровинскими средами».

Презентации альманаха «Тула» и тульского выпуска «Роман-газеты»; творческие вечера Александра Закуренко (презентовал книгу «Доброжелатель), двух Александров (поэтов Спарбера и Крупинина), поэтессы Анны Логвиновой; вечер памяти Арсения, Марины и Андрея Тарковских; юбилейный вечер «Нового мира», на котором выступала вся редакция во главе с главным редактором Андреем Василевским – всё это теперь история не только литсалона и литпроцесса, но и литературы как таковой.

О четырех относительно недавних вечерах хочется сказать особо. Все они касаются женщин-поэтесс: трех ныне живущих и одной – трагически и не по своей воле ушедшей в мир иной еще в 2000 году.

О поэзии Варвары Заборцевой на ее творческом вечере лучше, чем если бы я написал сам, сказали большие поэты. Так охарактеризовал творчество Варвары Вадим Месяц: «Это не доклад о травмах, о которых любили писать в последнее время молодые барышни, это музыка бытия». Алексей Алёхин назвал поэзию Варвары «настоящим высказыванием», пусть и не громким, «приглушенным архангельским снегом», где «много северного колорита, уклада, что делает ее привлекательной и очень вещественной»; эта поэзия подсвечена «настоящей незаемной метафизикой, которая делает ее осмысленной и живой». Одно из стихотворений, прочитанных Варварой на вечере, было посвящено «Излучине реки»: «Пересохла река. / Делай с руслом безликим что хочешь, / Осуши берега, перейди ее, переступи, / Походи по воде без воды, что до одури синяя / Приходила в дома — видно, так и осталась в щелях...»

Поэт и прозаик Анна Харланова запомнилась рассказами о своих поездках по миру (прежде всего ее детским желанием обнять пингвинов в Антарктиде — желанием, к сожалению, не исполненным, ибо делать это туристам категорически запрещено) и ее поэтическими строчками из стихотворения «Лоскутки» (из воспоминаний детства): «Наконец-то мороз и его обжигающий запах: / Если крепко вдохнуть, то не холодно, а горячо! / В небе звезды скрипят. И я знаю, что если заплакать, / На ресницах намерзнет, а нос всё равно потечет...»

Поэт Анна Бердичевская запомнилась своей удивительной биографией. Место ее рождения – Соликамск Пермской области (один из сталинских лагерей Усольлага). Маму Бердичевской арестовали беременной, но «это обстоятельство выяснилось в тюрьме» (ее матери даже поневоле пришлось оставить другого ребенка, девятилетнего сына, одного в коммуналке). Малюткой Бердичевская три года прожила «в специальном бараке со штакетничком» в той же женской зоне, где находились все осужденные. И, конечно, вечер еще запомнился этими строками: «“Ад не обходится без рая”, — / Сказала мама как-то раз. / Я буду помнить, умирая, / Ее коротенький рассказ... // А вы не верите. Не верьте. / Как мама знала, верю я: / Вся жизнь – свидетельство бессмертья, / Как луч из дырки от гвоздя».

Самый последний вечер, состоявшийся в октябре этого года, Андрей Коровин посвятил своей пер-

вой жене, трагически погибшей на пожаре. Прошло 25 лет со дня ее смерти, а Андрей так трепетно хранит воспоминания о своей любви и поэзии Ольги Подъёмщиковой и продолжает посвящать ей свои стихи. Особенно пронзительно прозвучало «пророческое стихотворение» Ольги, «предсказывающее ее собственную судьбу». Его Андрей и прочитал в финале вечера. Когда он сам впервые увидел эти строки после смерти поэтессы, то «был в шоке». Не могу не процитировать это стихотворение полностью:

И был у меня муж.
И был у меня друг.
И было родство душ.
И было тепло рук.

И был у меня дом,
а в доме всегда тишь.
И были цветы в нем,
котенок, щенок, чиж.

И в доме жила дочь,
и дом был к ней так добр.
И даже когда ночь,
нестрашным был мой дом.

В том доме всегда свет
и детская воркотня.
В том доме меня нет –
пойди, поищи меня.

И там, где был муж, – мрак,
и там, где был друг, – враг,
и там, где был дом, – дым,
и я улечу с ним.

P.s. Все полные версии видеорепортажей из литсалона Андрея я в свободном доступе размещаю на своем канале в VK «Культурные и творческие мероприятия, на которых был сам», а также на портале Рутуб.

АЛЕКСАНДР КАРПЕНКО

МЕСТО ВСТРЕЧИ: ЛИТСАЛОН АНДРЕЯ КОРОВИНА

Выступить в литсалоне Андрея Коровина с творческим вечером всегда было почетно. Салон держал высокий уровень, и выступление у Коровина становилось для поэта строкой его творческой биографии. Этот старинный дом на Садовом кольце, увековеченный Михаилом Булгаковым, стал постоянным местом проведения писательских вечеров. Аура у него – ничуть не хуже, чем у дома Максимилиана Волошина в Коктебеле. За 20 лет работы литсалона Коровина на его подмостках выступило не одно поколение живых классиков из России и зарубежья. И всегда это были встречи с прекрасным.

Мостиком для выступления поэта в Булгаковским Доме могло быть его участие в Волошинском конкурсе, который также проводил Андрей Коровин. Обратил на себя внимание конкурсными стихами – выступаешь и на Большой Садовой, в компании вальяжного, пушистого кота Бегемота, неторопливого обитателя Булгаковского Дома. Я часто бывал в салоне Коровина и по той причине, что писал рецензии на книги современных поэтов. Авторы книг приглашали меня и мою супругу, художника Елену Краснощёкову, на свои вечера. Я насчитал не менее 75 имен поэтов, выступавших с вечерами в Булгаковском Доме, которых мне посчастливилось отрецензировать.

Музей Булгакова, благодаря организаторской магии Коровина, стал для писателей любимым местом встречи. После мероприятий люди не расходятся. Если есть время, общаются в неформальной обстановке. В салоне у Коровина выступали, без преувеличения, легендарные личности. Однажды я приобрел в букинистическом магазине и с удовольствием прочел книгу стихов Ивана Жданова, о котором много слышал, когда учился в Литинституте. Но увидеть поэта «живьем» долгое время не удавалось. И вот, наконец, в марте 2016 года в литсалоне Коровина состоялся вечер Жданова с Вадимом Месяцем, который пел песни под гитару. Иван был не совсем в форме, но свои стихи хорошо помнил наизусть. Когда он уставал читать, Вадим Месяц брал гитару и начинал петь, а в это время Ефим Бершин отпаивал Жданова крепким чаем.

Особое внимание Андрей Коровин уделяет писателям из глубинки. Выходец из Тулы, он понимает, насколько важно автору из провинции прозвучать на столичной площадке. Вечера памяти поэтов из Тулы и Обнинска – Ольги Подьёмщиковой и Валерия Прокошина стали в литсалоне традиционными и ежегодными. Я впервые о них услышал благодаря Андрею Коровину. А потом – написал песню на стихотворение Прокошина «Волны лижут песок...» и рецензию на его посмертную книгу «Тяжелей чернозема». У Коровина также прошли вечера памяти хорошо известных поэтов – Александра Ерёменко, Юрия Влодова, Александра Сопровского, Андрея Новикова, Алексея Дрыгаса, Бахыта Кенжеева, Евгения Блажеевского, Игоря Меламеда, Андрея Ширяева... Вечера Николая Гумилёва Андрей Коровин, вместе с Ольгой Медведко, ежегодно проводит не только в Булгаковском доме, но и в большом зале ЦДЛ. Много отзывов о вечерах, проведенных в салоне, написала Нина Дунаева, которая давно помогает Андрею. Человек благодарный и увлеченный, она всегда готова прийти на помощь в делах клуба.

Даже простой перечень имен и фамилий поэтов, выступивших в литсалоне Коровина, впечатляет. Что отличает эти встречи от других литературных мероприятий в Москве? Отсутствие на сцене людей непрофессиональных и случайных. Среди большого количества литературных сред у Коровина есть и те, которые запомнились мне особенно. Один из таких вечеров мне посчастливилось провести лично. Это была презентация альманаха «45-я параллель» 14 мая 2013 года. Я снимал этот вечер на видео и вместе с главным редактором альманаха Сергеем Сутуловым-Катериничем был одним из ведущих. Прочитал публике свои стихи. Пришлось много суетиться, перемещаясь вокруг сцены, поскольку видеокамера стояла в трех метрах, выступаю-

щие поэты не стремились попасть в кадр, а нужно было еще время от времени их объявлять. Конечно, я предпочел бы заниматься чем-то одним. Но быстро выяснилось, что с камерой никто обращаться не умеет. И людей с опытом ведения вечеров также в зале не оказалось. Пришлось делать всё самому. Теперь я хорошо знаю, что значит «и швец, и жнец, и на дуде игрец». Но это тоже был ценный опыт.

В основе 20-летней деятельности литсалона Коровина – любовь Андрея к своему детищу. Хочется отметить атмосферу доброжелательности, свойственную этим вечерам. А ещё – это настоящая русская поэзия. Конечно, я посещал не все писательские собрания у Коровина. Чаще я бывал на вечерах своих друзей и на мероприятиях, связанных с именами классиков русской литературы. В литсалоне прошли вечера Афанасия Фета, Николая Гоголя, Бориса Слуцкого, Константина Ваншенкина, Юрия Левитанского, Леонида Губанова, Иосифа Бродского и многих других поэтов. Из особо запомнившихся встреч – два вечера памяти отца, сына и дочери Тарковских. На них присутствовали знаковые люди – актер Лев Прыгунов, дочь Маргариты Тереховой актриса Анна Терехова, преподаватель Литинститута профессор Галина Седых, руководитель Государственного литературного музея Дмитрий Бак, легендарный художник-аниматор и режиссер мультипликационного кино Юрий Норштейн, а также поэт Вячеслав Куприянов и его коллега Михаил Синельников, которые неоднократно общались с Тарковским-старшим. Широко посещаемые мероприятия по средам проходят теперь у Коровина не только наверху, но и внизу, в театральном зале, который вмещает 150 человек. Театральный зал также стал постоянным местом встреч писателей. Но даже он не всегда способен вместить всех желающих. В этом я убедился на собственном опыте – придя вовремя на вечер семьи Тарковских, я не смог найти в зале ни одного свободного места. Пришлось сесть у колонки динамика, на краю сцены.

Через среды Коровина за 20 лет существования салона прошла почти вся современная русская поэзия. Литпроцесс у Андрея освещается не однобоко – свою порцию любви и внимания получают как традиционные поэты, так и авангардисты. Неслучайно сам Коровин входил в авангардное объединение ДООС – Добровольное Общество Охраны Стрекоз, основанное Константином Кедровым. Яркая личность и поэтический энтузиазм помогают Андрею качественно выполнять нелегкую организаторскую работу. При этом он остается талантливым автором, которому культуртрегерство не мешает писать стихи. Память – зеркало души Андрея Коровина. В этом я убедился, посмотрев в театральном зале спектакль «Любовь без парашюта», в котором Андрей выступил не только как чтец, но и как актер.

В клуб Коровина приезжают и гости издалека – Вальдемар Вебер из Германии, Ирина Чуднова из Китая и авторы из других стран. У поэтов, которые постоянно проживают за рубежом, русская культура накладывается на зарубежную, и они начинают писать по-другому. Это уже не эмиграция, а жизнь на две страны, на два языка. Писатели активно участвуют в переводческой деятельности и являются своеобразным мостом между культурами стран проживания и русской культурой. Вальдемар Вебер поразил меня не только собственными стихами, но и переводами немецких поэтов XX века. Изначально их имена никак во мне не резонировали, но переводы Вебера произвели очень сильное впечатление. Так, тексты немецко-французского двуязычного поэта Ивана Голля, показалось, ничем не уступают работам прославленного Пауля Целана, и это стало для меня откровением.

Ирина Чуднова прилетает на московские мероприятия из Пекина, где она живет уже 32 года, будучи замужем за китайцем. Чуднова начала писать и по-китайски, и экзотика Поднебесной вносит в ее тексты разнообразие. Подобно Ивану Жданову, Чуднова делает ставку на сложность. Насыщенные и сложные тексты лучше получаются у тех авторов, которые прекрасно чувствуют язык. Двуязычных поэтов без лингвистической одаренности не бывает. Запомнилась мне и читка пьес Виктора Коркии, который, неожиданно для многих, в 90-х годах открылся как драматург. Прошло совсем немного времени с того памятного вечера, и мы с Виктором крепко подружились.

В салоне Андрея Коровина пульсирует жизнь. Я с волнением прихожу по средам в Булгаковский дом. Кажется, ноги уже сами знают туда дорогу. Здесь завязывается дружба между писателями, которые ранее были друг с другом незнакомы. Кто-то ходит на все вечера подряд, и поэтому зал никогда не пустует. Аншлаги на протяжении 20 лет свидетельствуют о том, что интерес к литературе в России не упал. Мы потеряли за эти годы многих поэтов, так или иначе связанных с литсалоном Коровина – Валерия Прокошина, Игоря Меламеда, Андрея Новикова, Лёшу Ефимова, Кирилла Ковальджи, Евгения Витковского, Елену Кацюбу, Константина Кедрова, Александра Ерёменко, Дмитрия Сухарева, Бахыта Кенжеева… Но жизнь не стоит на месте. Проходят вечера памяти любимых поэтов, звучат стихи. За 20 лет существования литсалона пауза в его деятельности была лишь однажды, когда в мире бушевал ковид. Сейчас все выступления поэтов стали снимать на видео. 20 лет для человека – это только начало. Для поэтического объединения – это уже зрелость. Салон Коровина – сердце Булгаковского Дома, центр притяжения и срез современной литературы. Место встречи, которое изменить нельзя.

«У ГОРЫ ВОЛОШИНА: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ»

из рукописи книги

Вячеслав ХАРЧЕНКО

Поэт, прозаик, критик. Выпускник механико-математического факультета МГУ, окончил аспирантуру Московского государственного университета леса, учился в Литературном институте. Автор десяти книг прозы и стихов. Печатается в журналах «Знамя», «Октябрь», «Волга», «Интерпоэзия». Лауреат Международного литературного Волошинского конкурса, премии журнала «Зинзивер». Рассказы переводились на немецкий, английский, китайский и турецкий языки. Живет в Симферополе.

ВАДИМ ЖУКОВ

Как-то поэт Вадим Жуков влюбился в молодую очаровательную девушку, которая жила в недоступной семнадцатиэтажной башне на семнадцатом этаже в спальном районе города Москвы. Вадим не знал ни как ее зовут, ни откуда она, ни как протекает ее жизнь, но часто встречал ее в рядом стоящем магазине «Магнолия». Вадим, будучи блестящим поэтом, никак не мог с ней познакомиться.

Тогда Вадим снял квартиру на семнадцатом этаже в стоящей напротив башне так, чтобы окна его квартиры выходили на окна квартиры очаровательной девушки.

Он убрал тюль и шторы в снятой квартире, повесил неоновые лампы с мягким сиреневым светом, а на подоконнике создал шатер с театром. Механические шуты и шутихи, слоны и кенгуру, мишки и барашки под мелодичные звуки и светомузыку ночью в сиянии софитов выходили из этого шатра и кружились на подоконнике в необычайно фантастическом танце и выделывали акробатические фортеля.

В первую и вторую ночь ничего не произошло, но на третью ночь очаровательная девушка вышла на балкон своей башни и увидела в ночи в окне противоположной квартиры противоположной башни необычайный венецианский карнавал. Парили шарики и сердечки, дух любви и милосердия витал над этим необычайным карнавалом. И так этой необычайно красивой девушке полюбился этот ночной карнавал, что она на протяжении двух следующих месяцев выходила на балкон и наблюдала за театральным действом, происходящим в квартире Вадима, и Вадим мог в одиночестве наблюдать необычайную красоту этой прекрасной девушки и чувствовать прилив радости и бодрости.

Но, к сожалению, мы не знаем, познакомился ли в итоге Вадим Жуков с этой девушкой, полюбила ли девушка Вадима и ответила ли она на его пылкие чувства. История об этом умалчивает. Точно, что знает история, что Вадим Жуков посвятил этой прекрасной девушке стихи.

Эту грустную, но красивую историю рассказал мне старинный приятель Вадима, когда мы сидели с ним на холме Юнге в Коктебеле и наблюдали, как в теплые, шуршащие и шумящие волны Коктебельской бухты закатывалось алое светило. Нам было грустно, мы пили розовое вино «Монте Руж» и наблюдали, как голый Вадим Жуков плещется в волнах теплого Черного моря.

АЛИСА ПОНИКАРОВСКАЯ

– Ты где, – пишу я Поникаровской в вотсапе.

– В Феодосии.

Вообще-то Алиса должна была час назад быть у меня в гостях в Симферополе.

Пишу через час:

– Ты где, Алиса?

– В Севастополе.

Пишу через час:

– Ты где?

– В Ялте.

Пишу через час:

– Ты где.

– В Алупке.

Пишу через час:

– Ты где?

– В Таиланде.

– Что ты делаешь в Таиланде, ты же обещала заехать ко мне в Симферополь пять часов назад.

– Я ненадолго.

– А сейчас где, – пишу еще через час.

– В Бахчисарае. На Чуфут-Кале.

«Хотя бы в Крыму», – думаю я.

Алиса Поникаровская либо танцует, либо фотографируется, либо пишет, либо сочиняет сценарии, либо куда-то едет. Я ее называю – танцующий Шива. Себя она за бурную рок-н-ролльную молодость называет бабушкой сибирского рока, а хорошо известна как сценарист и прозаик.

Ее роман стоит у меня в библиотеке на почетном месте. Когда я смотрю на роман, то вижу:

«Алабама. Жара. Хайвэй через прерии. Мчит открытый автомобиль Тесла. Из динамика звучит Джим Моррисон, Алабама сонг, за рулем сидит Алиса Поникаровская, черные очки на пол-лица, яркая красная помада, пальцы в серебряных украшениях, красотка, развевается лиловый шарф. Я стою у дороги. Я устал. Я долго шел и взмок. Стою потный, толстый и старый. Седой. Вдруг электромобиль Тесла на всем ходу тормозит возле меня. Алиса, делает глубокую затяжку, снимает черные очки и лениво говорит: «Что парниша, поедем?» И мы едем куда-то вдаль. Не едем, а мчим. Едем и едем».

ЛЕРА МАНОВИЧ

Пишет ли Манович смешно? Да, пишет, но это юмор сродни юмору Олега Григорьева. Пишет ли Манович грустно? Да, пишет, но это грусть пушкинская, светлая, скорее печаль, а не грусть. Пишет ли Манович трагично? Да, пишет, но эти трагедии отстраненные, которые воспринимаются как обыденность, а что обыденно, то может быть сюрреалистично, но не трагично.

Лера Манович пишет скорее кинематографично, и любой ее рассказ можно взять за основу для написания сценария кинофильма. Это не плохо и не хорошо, просто в прозе Манович нерв кино отчетливо присутствует и придает прозе сценическую и драматургическую красоту.

Герои Манович все какие-то дерганные. То ли это специфика большого города, где некогда предаваться идиллическому дзен-буддийскому созерцанию, то ли нервический южный тип ближе Лере, но ее псевдоюжные герои действуют в тисках московского севера и выносят свои внутренние психологические конфликты в область противостояния характеров и обстоятельств.

Первая книга Леры «Первый и другие рассказы» тоненькая, но это ого-го какая тоненькая книга. Добычин тоже тоненький. Это сборник рассказов, который можно перечитывать и перечитывать, что я и делал, когда он попал мне в руки. Я ходил с ним и там, и сям, ездил с ним в метро и электричках и многое помню дословно.

В этих рассказах описан мир, который будет всегда, то есть внешний антураж не имеет большой роли, что позволяет переносить героев в любой временной отрезок и в любые исторические события, как в хорошей чеховской пьесе.

Верлибры же Леры из книги «Стихи для Москвы» мне когда-то не приглянулись, я даже написал о них довольно резкую статью, но сейчас, через десять лет, сам написавший книгу верлибров «Счастливое детство», я понимаю, что был не прав. Мне казалось тогда, что проза – это проза, стихи – это стихи, а верлибр – это верлибр, и смешивать их не стоит, но сейчас, когда Лера кроме прозы стала писать глубокие и пронзительные регулярные стихи, мне кажется, что зря я свое время ей всего наговорил.

Мне кажется, Лере нужна сцена. Хороший театр в какомнибудь закоулке старой Москвы, хорошие благородные аристократические актеры, теплый выставленный свет, шум фойе, суета гардероба, легкое покашливание зала, звон чайных ложечек в буфете, все то, что придаст прозе Леры Манович ее изначальное предназначение – быть не только прочитанной, но и услышанной и увиденной.

САША НИКОЛАЕНКО

Букероносный роман Саши Николаенко «Убить Бобрыкина, или История одного убийства» мне не близок, там мало света, но я очень люблю ее роман «Небесный почтальон Федя Булкин».

Роман «Небесный почтальон Федя Булкин» художника и писателя, лауреата премий «Нонконформизм» и «Русский Букер» Александры Николаенко, проиллюстрированный автором, за один присест не прочтешь, но оторваться от него невозможно, потому что 90-летний старец в образе пятилетнего ребенка завораживает. То, что автор вкладывает в уста ребенка, в устах умудренного опытом человека выглядело бы странно и, возможно, банально. Но, по сути, атеистический и богоборческий порыв, высказанный ребенком, выглядит местами смешно и так неожиданно, что без улыбки это читать невозможно: «Я тогда от обезьяны произошел, а бабушка, раз ей так хочется – от этих голых людей под яблоней, и ребра… Учебник истории сказками не опровергнуть… Каменный век моя бабушка! Доисторическая. От Бога произошла…»

Фактически Федя Булкин – это автор, а его антагонист

– бабушка Феди. Но если за духовным развитием мальчика (от отрицания мира до его принятия через любовь к кошкам, зайцам, мухам, собакам) наблюдать любопытно и легко, то бабушка, несмотря на отсылки к фольклору, временами выглядит неестественно правильной, и только на последних страницах повести мы узнаем о той боли, которую пережила она: «...Это Венечка, Федь, Брусилов, друг Федин. Они к нам, когда школы объединяли вместе, втроем пришли, Волька Ферсман. Так и звали их, три танкиста. В танке Ферсман сгорел. С фронта ни один из трех не вернулся».

Мировосприятие Феди Булкина чем-то напоминает взгляд на мир главного героя повести «Охота на майских жуков» Вечеслава Казакевича: такое же доброжелательное, лиричное и живое всматривание в каждую детальку мира, хотя, конечно, по построению это два абсолютно разных произведения.

«Федя Булкин...» наводит на мысль о предсмертном размышлении, о последнем подарке любимому человеку, не зря же Федя так старательно в последних строках вписывает свое имя в поминальную молитву, но, слава богу, смерть не случается – я все же надеюсь, что автор не ставил цели в конце повести свести счеты с Федей. Его встреча с погибшими родителями – это просто сон или горячечный бред ребенка, болеющего простудой, закутанного в одеяла и замученного антибиотиками.

«Слышу, как скребет уже во дворе снег дворник лопатой, тикают за стеной кухонные часики. Кончится завод в них, остальные дальше пойдут, а я к папе с мамой полечу в Град Небесный. И сквозь сон слышится мне за стенкой, тикают часики... Бог-есть, Бог-есть...»

Хочется верить, что эта встреча на земле, а не в Граде Небесном.

В последнее время стало немодно писать о любви к жизни, кажется, что главный залог успеха – это некоторая ироничная отстраненность вкупе с описанием страданий и мучений.

Федя Булкин, как ребенок 70-х, жизнь любит, хотя живет в нужде без родителей с бабушкой, едва сводя концы с концами. Эта такая странная любовь к миру, которая выражается в том, что постоянно спрашиваешь: «Зачем?» – и в конце концов сам находишь ответ, пусть даже для этого тебе понадобились литературные персонажи: мальчик-старичок Федя Булкин, его религиозная бабушка, кошка Пуня, царь Заяц, пес Шарик и Град Небесный. И бесконечные детали социалистического быта середины 70–х: «Морозом свистит через щелочку форточка, часы тукают, бабушка клеенку кухонную скатертью белой сменила к празднику. Елочка, на ней шарики. В шариках лампочки отражаются, включишь фонарики, они мигают, мигают... и так хорошо становится... очень!»

ВИКТОРИЯ ЛЕБЕДЕВА

– Слава!

– А?

– Почему у тебя кот на третьей странице называется Феник, на 27 – Малыш, на 155 – Мурчалкин, а заглавие «Кот Беня, Лена и окрестности»?

Это Вика Лебедева. Она прекрасный прозаик и редактор. Вика редактировала не одну мою книгу, в том числе про кота Беню.

– Понимаешь, – пишу я, – он призрак, он эпос, он летучий голландец, он, как верховный египетский бог Амон-Ра, имеет два имени Амон и Ра.

– У тебя минимум четыре, ты понимаешь, что это нехорошо?

– Хорошо.

– Что хорошо?

– Нехорошо, говорю.

– Да, нехорошо.

– Хорошо, пусть будет просто Беня.

– А почему у тебя кот летит в Крым, но оказывается на даче в Подмосковье?

– Он прилетел в Крым, походил по побережью, посмотрел на море в Ялте и улетел на дачу в Подмосковье.

– Может, тогда надо написать, что он походил по побережью в Крыму, а потом улетел на дачу в Подмосковье, а не сразу очутился на даче в Подмосковье.

– Хорошо, напишу.

– И еще у Вагнера нет прелюдии «Приезд гостей в Магдебург», – пишет Вика.

– А что есть?

– «Тангейзер» есть, «Нюрнбергские мейстерзингеры», «Фауст» есть.

– Хорошо, пусть кот увертюру «Фауст» напевает.

– Ну, не знаю. Не слишком ли это для кота?

– Ну, пусть «Полет валькирий» напевает тогда.

– Хорошо, пусть напевает полет валькирий.

МИХАИЛ КВАДРАТОВ

Ундины, зайцы, големы, лилипуты, гномы, хряки, эльфы, элементали, волкодлаки, медведики, ангелы, волчья ягода, бересклетик, суккубы, масоны. Что это, Миша? На дворе третье тысячелетие, двадцать первый век. Суровые кирасиры в железных шлемах танковыми колоннами вдавливают цветочки в бетон, смертоносные мухи смердят в небесном голубом пространстве, летят истерично и надсадно воющие ракеты и не дают спокойно спать розовощеким младенцам. Всё трещит, ломается и несется к чертям. Что это, Миша?

И тут среди всего этого действа вдруг возникает костюмер. А-а-а-а-а, мы поняли, Миша. Это маскарад! Средневековый венецианский маскарад. Грим, маски и парики, хохочущая толпа, Дзанни и Пульчинелла – итальянские шуты, благовоспитанные дамы высшего общества

в роли развратных куртизанок, благородные доны, соблазняющие в подворотнях благовоспитанных дам, смех и притворство, радость жизни назло нечистой силе, игра и фантазии, братство и единение, сатиры и муза Эвтерпа.

Тут можно приплести Бахтина с его концепцией карнавальной культуры, но мы не будем вдаваться в литературные дебри.

Первая публикация Михаила Квадратова произошла довольно поздно, ближе к пятидесяти, зато сразу у Ольги Юрьевны Ермолаевой в журнале «Знамя» в 2007 году, а познакомился я со стихами Квадратова на сайте «ТЕРМИтник поэзии» в начале нулевых, где Михаил не только размещал свои стихи, но и был редактором. Редакторскую ношу Михаил несет и до сих пор, сейчас в электронном литературном журнале «Формаслов». Благодаря его стараниям напечатан обширный круг молодых поэтов и прозаиков.

Миша обладает природным даром разруливать нестандартные ситуации. Однажды только его вмешательство помогло не произойти моей ссоре с поэтом Дмитрием Плаховым.

Внешне Михаил Квадратов похож на доброго сказочника. Видимо оттуда истоки всех его волшебных миров. Он как чародей рассказывает нам истории своих героев, которые из мира чудес и превращений благодаря его таланту входят в наш реальный и жестокий мир.

Ожившие, они бродят среди нас и, порой мне кажется, что если бы не было сказочных героев Квадратова, то и не было бы нашего мира, потому что мир реальный держится именно на мире грез и волшебства, только большинство этого не осознает или просто не замечает, замученное повседневной жизнью.

ДМИТРИЙ ТОНКОНОГОВ

Дмитрий Тонконогов – поэт, критик, редактор, а иногда и прозаик, которого, по-видимому, уже давно просто замучили сравнениями с Хармсом и «Столбцами» Заболоцкого, но на прикроватной тумбочке Дмитрия лежат Ахматова, Рейн, Набоков, Байрон, Ронсар, Бодлер, Толстой, Грин, Чухонцев, Дьячков, журнал «Иностранная литература» и т.д. и т.п. Я прям так и вижу, как Дмитрий перед сном берет один из этих уютных томов с тумбочки и погружается в сладкое чтение.

Поэзия Дмитрия – это калейдоскоп миров. Маленькому советскому мальчику папа принес на день рождение трубу, в которую он теперь, запершись в своей детской комнате, приложив глаз к белому окуляру, может рассматривать миллиарды звездных галактик, а если чуть повернуть, то эти звездные галактики-кристаллики начинают вращаться и двигаться, чтобы перейти в новое состояние.

Звездные кристаллики поэтики Дмитрия легко могут нырнуть в городе Вильнюсе, вынырнув в Марианской впадине, по пути посетив Бронную улицу в Москве и деревни Канада и Дедково, а в момент путешествия неожиданно объявятся Каддафи, Патриарх Московский и Галилей – необычное соседство.

То есть, такое странное сближение различных и противоположных миров, видимо, и дает поверхностную оценку стихам Дмитрия как абсурдистским, если бы не та тонкая малозаметная на первый взгляд ниточка культурного кода, которая эти миры и связывает и вопреки абсурдизму вполне логично объясняет и утверждает, отчего эти миры становятся не противоположными, а едиными.

Если старухи Хармса просто выпадают из окна, то старухи и старики Дмитрия Тонконогова с величественными именами Фаина Ионтелевна, Новелла Николаевна, Иван Иваныч Береговой, Белла Исааковна, глухая Анна Павловна – живут русской дореволюционной жизнью с дворянскими ассамблеями и журналами «Нива» и «Вестник Европы» в эпоху не победившего социализма, а в эпоху смешения эпох и культур, отчего калейдоскопичность их жизни считается вполне нормальной, так как культурная связь времен, несмотря на все, казалось бы, жуткие потери, никогда не прерывалась, а была сохранена, пусть и небольшой, но значимой группой хранителей.

Этих стариков скорее интересует вопрос, когда же в России умрет Достоевский (поразительное прозрение Дмитрия – Достоевский умер, но не умер), чем обаятельный кипучий всеобъемлющий мир материального достатка, но когда эти старики и старухи вступают в мир текущей действительности, то становятся необъяснимо смешны, отчего при чтении вслух многие стихи Тонконогова вызывают громкий смех в зале, какой-то закадровый смех эпохи немного кино.

Я помню выступление Дмитрия в полном зале сетевых поэтов, это был год 2003–2004-й, это был не зал «Театральный особняк», какой-то другой зал, может, в Липках, в зале было человек 200 слушателей. Таких оваций я не слышал никогда, это было поразительное принятие публикой стихов Тонконогова. Да и был ли потом подобный успех у Дмитрия?

ХУДОЖНИК И ПОДВИЖНИК ВЯЧЕСЛАВ ЧЕРНИКОВ

Дмитрий ОДИНОКОВ

БЕЗГРАНИЧНАЯ ФАНТАЗИЯ

Вячеслав Алексеевич Черников – человек весьма многогранный. В первую очередь он известен как прекрасный иллюстратор и оформитель печатных изданий. Когда в детстве он брал в руки карандаши и бумагу, не очень задумывался, что это может стать будущей профессией. Ведь, помимо художественного творчества, у юного боровчанина было еще немало увлечений. Успешно осваивал игру на баяне в музыкальной школе, которую окончил с отличием, показывал высокие результаты в лыжной секции ДЮСШ, демонстрировал высокий уровень мастерства на футбольном поле. С успехом участвовал в гремевшем на весь район ВИА «Вега», созданном при одноименном заводе, на котором Вячеслав некоторое время трудился. Всё это очень пригодилось в армии. После нагрузок, которые давал лыжный тренер Евгений Наноев, армейские кроссы казались легкой прогулкой. А узнав про творческие способности Вячеслава, командиры стали активно привлекать его к смотрам самодеятельности, праздничным мероприятиям, оформлению клуба, изданию стенгазет.

И всё же свою будущую профессию Черников связывал с художественным творчеством. Он хотел не просто рисовать, мыслил шире – как оживлять предметы, окружающую среду. Видел себя дизайнером книг, иллюстратором. Еще в детстве при прочтении книг мальчишка не просто вникал в сюжет, но и пытался представить местность, в которой происходили события, образы героев.

РАЗГЛЯДЕТЬ ДАРОВАНИЕ

В одном из столичных художественных учебных заведений Вячеслава даже к вступительным экзаменам не допустили. Когда он привез свои работы на предварительный просмотр, неожиданно услышал: «Молодой человек, а ведь вы это у кого-то срисовали. Талантливо, старательно, но срисовали». Эти слова шокировали Черникова. У него и в мыслях не было что-то перерисовывать, благо, своего мастерства хватает, да и фантазией не обделен. Но все попытки переубедить комиссию оказались тщетными. Ко всему прочему, Вячеслава упрекнули в том, что рисунки свои он привез не в папке, а в тубусе, свернутые в трубочку. А это не приветствовалось.

Возвращаясь домой, чувствовал обиду, но не разочарование. Зато способности Черникова по достоинству оценили в другом учебном заведении. Прочитав объявление, что Калужское училище искусств проводит набор на только открывшееся художественное отделение, Вячеслав решил воспользоваться шансом. И не прогадал. Преподаватели отмечали его тонкий вкус, творческую интуицию. С особой благодарностью вспоминает Бориса Федоровича Циглера, который не загонял учеников в рамки, предоставлял возможность для полета фантазии. Такое отношение еще больше вдохновляло.

РЕЗУЛЬТАТ В ПРИОРИТЕТЕ

Окончил училище в 1980 году с отличием по специальности «художник-оформитель, график, методист технических средств (фото и киносъемка)». В предложениях по трудоустройству недостатка не было. Вячеслав Алексеевич прошел последовательно все стадии художественного и архитектурного проектирования: от художника архитектурно-эстетического сектора до художника-конструктора 1 категории, главного архитектора проекта и руководителя архитектурным сектором. Когда Калужское областное управление архитектуры решило открыть в Боровском районе филиал, Черников возглавил одну из экспериментальных групп. В нее вошли архитекторы, художники, проектировщики.

Было создано немало интересных проектов по благоустройству улиц и скверов, реконструкции зданий, спортивных объектов, планировке новых микрорайонов, созданию памятников,

мемориальных мест. Но неожиданно Вячеслав Алексеевич решил уволиться. Казалось бы, интересная работа в родном районе, хорошие условия, высокая зарплата. Что еще надо? Но Черников только тогда получает полное моральное удовлетворение от работы, когда видит результат. А многие проекты, разработанные Черниковым и его коллегами, одобрялись, утверждались вышестоящими инстанциями, но не воплощались. Иногда денег не было, а иногда мешала неповоротливость бюрократической системы. В итоге интересные идеи оставались на бумаге.

ПО СТОПАМ БУЛГАКОВА

Потом был долгий и насыщенный период работы главным художником в московских издательствах. Везде старался и сам расти в профессиональном плане, и совершенствовать работу редакций. Осваивал смежные специальности. Убедил коллег, что, когда дизайнер сам занимается версткой – это интересно и эффективно. Будучи главным художником одного из старейших российских издательств «Стандарты и качество», специализирующегося на журналах узкой направленности, Черников добился того, что эти журналы стали привлекательными и для широкого круга читателей.

Из каждого учреждения увольнялся, не задумываясь, если убеждался, что на этом месте исчерпал себя в профессиональном плане. Уходил даже на меньшую зарплату, на менее привлекательные условия, но туда, где была возможность для развития, для экспериментов. Вячеслав Алексеевич уверен, что в большинстве жизненных ситуаций можно находить положительные моменты. Когда знакомые спрашивали, что заставило его перейти в газету «Гудок», Черников то ли в шутку, то ли всерьез говорил: «Это большая честь, ведь в «Гудке» работал знаменитый писатель Михаил Булгаков». В конце концов он оставил столицу – устал от бесконечных поездок, от того, что мало видится с семьей.

ВЕРНУТЬСЯ В ДЕТСТВО

Всё это время он не оставлял работу над книжными изданиями. Помогало этому творчество давнего друга Черникова – поэта, писателя и журналиста Валерия Прокошина. Валерий Иванович подготовил стихи и рассказы для детей (под псевдонимом Евгений Козинаки), а Вячеслав Алексеевич проиллюстрировал и подготовил издания к печати.

Задача перед Черниковым стояла непростая. Ведь дети – особый читательский пласт. Чтобы удержать их внимание, нужно очень постараться. А в большинстве книжек для дошкольников иллюстрации преобладают над текстом. Так что художнику необходимо не только возвратиться в детство, но и проявить недюжинную фантазию, работая над образами вымышленных персонажей.

Тандем Прокошин-Черников сработал очень удачно. Еще одна книжка – «Зоопарк загадок» – вышла в свет спустя 10 лет после кончины Валерия Ивановича. Журналист Людмила Аникина пишет: «Эти книги интересно не только читать, их можно бесконечно разглядывать. Художник Вячеслав Черников – полноправный соавтор Валерия Прокошина. Его рисунки не просто дополняют, а составляют с текстом единое целое».

Черников оформил почти все книги Валерия Прокошина. В 2024 г. издал стихотворный цикл В.Прокошина «Русское кладбище», посвященный трагическим судьбам российских поэтов в 20-е – 50-е годы XX века.

Тем временем активизировались историки и краеведы. Черников занимается оформлением книг краеведов и историков Виктора Осипова, Нелли Лошкарёвой, Александра Морозова. Вячеслав Алексеевич участвует в работе над уникальными книгами документальной серии «Боровский архив», которые рассказывают о ратных подвигах жителей района и событиях Великой Отечественной войны на территории района во время Московской битвы 1941–1942 гг.

Высоко ценил Черникова известный писатель Дмитрий Жуков, к произведениям которого Вячеслав Алексеевич тоже приложил руку. Он оформил книги известных современных поэтов Андрея Коровина, Ольги Шиловой, Наталии Редозубовой, Максима Крайнова, Виктора Пастухова и многих других. Черников автор краеведческих книг: исторических очерков «Боровск – сердце мое», «Боровский тракт», альбома инфографики «Боровский космос» и др. Стал лауреатом Калужской областной литературной премии им. В.Ф.Берестова за книгу «Сказки о Боровце» (2016).

Для полноты портрета – еще несколько фактов биографии. Черниковым разработаны эскизные проекты музея боевой славы Ермолинской авиационной части и реконструкции нескольких братских захоронений на территории Боровского района. Эскизные проекты благоустройства Боровского городища, тематических детских площадок. Оформил около 200 книг различной тематики. Автор и дизайнер альбома «Земля калужская – родина трех цариц». Один из авторов-составителей и дизайнер альбома «Боровск в живописи и поэзии». Художник-оформитель альбома «Промышленно-купеческий род Полежаевых из Боровска». Автор графической серии, посвященной К.Э.Циолковскому, жизни и деятельности философа-космиста Н.Ф.Фёдорова, выполнил портреты представителей русского космизма, за что был удостоен медали имени философа Н.Ф.Фёдорова (2024).

В 2013 году стал победителем в конкурсе на лучший логотип Московского театрального фестиваля «Московская обочина». Лауреат многих творческих конкурсов. Автор логотипов многих общественных и государственных организаций и учреждений.

В 2015 году документальный фильм «Портрет художника» телекомпании «Ника», посвященный Черникову, стал победителем международного кинофестиваля «Берега».

Вместе с о. Андреем (Куликовым) по благословению Митрополита Калужского и Боровского Климента разработал архитектурный проект церкви Иоанна Кронштадтского в Балабанове (1993 г.).

Успешно проявил себя как пишущий журналист, публикуя статьи о представителях боровской творческой интеллигенции.

Его персональные выставки проходили в Москве, Калуге, Обнинске, Таганроге, Боровске. Участник выставочного проекта «АртПереДвижение» (передвижные выставки по центральной России) и международной выставки «Путь в Иерусалим» (от Новоиерусалимского монастыря, через Белоруссию, страны Прибалтики, Финляндию, Германию, Данию, Болгарию, Израиль в Иерусалим). К сожалению, конфликт на Украине остановил эту выставку в Дании...

Вячеслав Черников давно и плодотворно сотрудничает с Литературным салоном Андрея Коровина в Булгаковском Доме, с Международным литературным фестивалем им. М.А.Волошина и Волошинским конкурсом, привнося в эти творческие проекты собственную художественную фантазию и уникальный творческий талант.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ САЛОН АНДРЕЯ КОРОВИНА В МОЕЙ СУДЬБЕ

Вячеслав ЧЕРНИКОВ

С Андреем Коровиным я познакомился на похоронах Валерия Прокошина 19 февраля 2009 г. Тогда же он пригласил меня выступить в Булгаковском доме на вечере памяти Валеры, который должен был состояться уже 4 марта, а Андрей занимался его подготовкой.

Надо сказать, что Прокошин еще до болезни бывал на поэтических вечерах в Булгаковском Доме у Коровина, приглашал туда и меня, рассказывал о московских поэтах, с которыми познакомился там. Жалею, что тогда я так и не нашел в себе сил после напряженного трудового дня в издательстве приехать. Конечно, я с радостью принял приглашение Андрея.

Этот вечер стал для меня одним из тех событий, которые определяют судьбу на долгие годы. Да, Валера знакомил меня с современной поэзией, называл имена, и я, как он, был заворожен их творчеством. Но все это проходило как нечто виртуальное, не касающееся меня лично. А тут я услышал прочувственные слова Андрея Коровина о Валере, о его душе, которая еще не покинула этот мир и незримо присутствовала среди нас. Поразило чтение стихов Прокошина самим Андреем, Германом Власовым, Геннадием Калашниковым, Ольгой Сульчинской, Александром Переверзиным, Лёшей Ефимовым... Это был просто праздник...

Так Валера подарил мне дружбу с замечательным поэтом, человеком широкой души и обаяния – Андреем Коровиным. На мой взгляд, редко большой талант может помимо своего личного творчества искренне и самозабвенно наслаждаться и продвигать творчество других. Андрей может и делает.

Эта дружба проверена временем и скреплена многими совместными творческими делами: работой над книгами Андрея, над афишами его салона, рисунками к Булгаковскому фестивалю и др. Подарила незабываемую поездку в Коктебель на Волошинский фестиваль. Горжусь, что стал автором эмблемы литературного салона Андрея Коровина и логотипа Прокошинской премии.

Благодаря Андрею я нахожусь в курсе деятельности салона, вижу масштаб и значение его работы для современного поэтического сообщества России.

Дождь в городе

Боровск. Сказка

Боровск
Циолковский

Где же
кружка?

Пушкин. Дуэль

Красная стена (иллюстрация к роману М.Булгакова «Белая гвардия»)

Джаз. Соло на контрабасе

Вечерний Петербург

ПЕВЧЕСКИЙ ПЕРЕУЛОК

Александр БАРБУХ

Прозаик, сценарист, фотограф. Учился на филологическом факультете Симферопольского государственного университета и в Литературном институте им. А.М.Горького, отделение прозы. Автор журналов «Дружба народов», «Литерratура», «Textura», издательств «Эксмо», «Алетейя» и других. Лауреат Международного литературного Волошинского конкурса. Преподает литературное мастерство в школах писательского мастерства «Band» и «ЭКСМО». Живет в пригороде Москвы и в Крыму.

У меня за перегородкой комнаты жила девушка лет двадцати пяти, звали Настя. Не помню, чтобы хоть раз при встрече в коридоре нашей общей квартиры она подняла глаза. Тихим голосом: «Здрасьте», и больше ничего, и поспешила к себе. Кротость в походке, в повороте головы, в том, как ставит ногу или поднимает руку, чтобы снять с вешалки свое латанное-перелатанное пальто с меховым воротником. Иногда у нее гости: друзья-семинаристы. А потому, что один из этих важничавших мальчиков, учившихся в Сергиевом Посаде, был другом младшего брата, погибшего в десятом классе – пошел на дискотеку с одноклассницей и в пьяной драке убили, – теперь она одна.

Забавно смотреть, как с мороза, в темных одеждах, подтянутые, точь-в-точь курсанты мореходного училища, они вваливаются в коридор, шумят, гогочут... Лежа на диване в своей комнатке, я слышал, как там, за перегородкой, она кормит их грибным супом, как они играют в города, как потом подолгу распевают псалмы.

Но иногда, по будням, к ней мужчина: немолодой, с длинными сальными волосами, в тяжелых очках с грязными стеклами. И до поздней ночи они шумно занимаются любовью.

Так она жила: псалмы и – это вечно озлобленное, неказистое существо, хотя сама – красавица.

Я знаю Настину жизнь этих трех лет в подробностях. Но стыдиться мне нечего – деревянная перегородка от пола до потолка, только она разделяла нас. Так решил хозяин квартиры, не я. Получается даже, мы жили с ней в одной комнате. У нас и окно было одно на двоих. Тоже, правда, разделенное перегородкой. И только двери разные, и у каждого – свой ключ.

Любовник являлся часам к семи. Она успевала приготовить ужин, постелить скатертью стол. Самая простая еда: картофель, квашенная капуста, соленые огурцы – все привозила сумками из деревни ее мама. Я научился отличать звук бокалов, из которых они пили вино, от звука хрустальных стопок, куда наливали водку. Он быстро пьянел, начинал о своем. Он преподавал в институте немецкую литературы. Она слушала, молчала, иногда над чем-нибудь тихо смеялась. Вообще Настя была веселая девушка, но только в пределах своего убежища, дверь в которое всегда, даже ненадолго выбегая на кухню, плотно прикрывала. Так что видеть этой комнаты я не мог. И только лежа на диване в своей комнате, заваленной альбомами, месяц за месяцем, год за годом изучал ее по звукам. Так по обрывкам документов какой-нибудь историк восстанавливает эпоху, от которой ничего не осталось. Так археолог чертит у себя в голове схему стертого с лица земли древнего городища.

Она работала в том же самом институте то ли секретаршей, то ли лаборантом. В институте они почти не общались и скрывали свои отношения, как скрывал

каждый из них от посторонних свой настоящий характер.

Она – тихая, неуверенная на людях, скользившая между ними, как тень, почти бесплотная на вид, – скрывала свой смех, любовь к жизни, веселость, дерзость, отчаяние.

Он – по всеобщему признанию, тихоня, интеллигент, воспитанный человек. В этой комнате, перед девушкой, которая никому ничего не расскажет, был резок, мог грубо выругаться и часто делился с нею своими наполеоновскими планами. Как защитит диссертацию и, подстроив ловушку своему начальнику, станет когда-нибудь заведующим кафедрой. Как напишет книгу, а в ней, перелицевав коекого из полузабытых немцев, к примеру, Макса Штирнера, изложит собственное учение, способное стать заменой счастья некоторым избранным людям. Как, наконец, можно заработать сто тысяч долларов на иностранцах, изучавших в институте русский язык, и как на эти деньги эмигрировать в Австралию. Это была его мечта, почему-то Австралия. Может, потому, что посольство находилось в двух шагах от нашей квартиры в Певческом переулке. И каждый раз, по дороге от сорокалетней жены к юной любовнице, он мог наблюдать в промозглом воздухе гиблого города развевавшееся полотнище райской страны.

Сразу после ужина, включив кассетный магнитофон, она пересаживалась к нему на колени. Он начинал ее раздевать. Из динамиков доносилось:

– Bahama, bahama mama!

Got the biggest house in town bahama mama.

Я различал, несмотря на громыхание допотопной мелодии, как они целуются. То, что происходило с ней в эти минуты, напоминало помешательство.

Кровать стояла рядом с моим диваном. Нас разделяли всего несколько сантиметров.

Она забывалась, дико хохотала. Пытаясь вывернуться, подскакивала на месте. Но мужские руки укладывали обратно.

Было слышно, как он роняет на тумбочку свои тяжелые очки, как они с Настей трутся друг о друга телами, как от этого трения она кричит еще громче, так, что голос ее, конечно же, доносится в комнату Басаргалиева, хозяина квартиры, несчастного одинокого старика, страдавшего каким-то онкологическим заболеванием и уже проходившим химиотерапию.

Закончив свое дело, вечерний гость всегда почему-то громко откашливался, слезал с кровати, надевал очки, пил воду. Потом я узнавал стук стакана о столешницу, его босые шаги.

Он подходил к окну, раздавался скрежет открывшейся форточки, щелчок зажигалки, он глубоко затягивался и делал первый выдох табачного дыма.

Что касается Басаргалиева, жил хозяин в самой большой, дальней комнате, и как я сказал, доносившиеся звуки, не могли не тревожить его.

Несколько раз я бывал в его комнате, расположенной в другом конце коридора у входной двери. Удивляло там вот что – огромная, как в театре, люстра, свисавшая с потолка на железной цепи почти до самого пола. С множеством матовых плафонов в виде каких-то полураскрывшихся бутонов. Старинная, но правда, все равно безвкусная вещица.

Вначале я думал, он плохо слышит. Но мои наблюдения за ним опровергали это – слух у старика был отменный.

Странным казалось то, что никогда, даже намеками, не говорил он ей об этих вечерах. Только семинаристы раздражали его немного. Время от времени на нашей общей кухне он спрашивал у Насти вкрадчивым голосом:

– Снова пели, да?

– Пели, – отвечала она, развешивая белье, красивая, гибкая, с ожерельем из деревянных прищепок на тонкой шее.

– И что пели?

– Да как всегда, Петр Петрович: псалмы.

– Псалмы-и... – повторял он, в задумчивости растягивая сумрачное слово. – Это то, что над покойником? Ну, пойте, пойте.

Что она думала обо мне? И думала ли вообще? Сам я думал о ней довольно часто. Мне очень хотелось познакомиться с ней поближе, узнать, как она жила до Москвы, рассказать о себе, чем занимаюсь, чем живу. Я представлял, что мы сидим у меня, и я листаю перед ней любимые альбомы художников. Или же веду к себе на работу в реставрационные мастерские, где уже несколько месяцев мы восстанавливали иконостас одной старинной северной церкви из Архангельской области. Мне была поручена редкая икона, и я рассказываю Насте о ней. Есть такой сюжет из апокрифического «Евангелия от Никодима». Христос спускается в ад, находит Адама и Еву и выводит оттуда. Обычно было принято изображать ад условно, в виде провала, пропасти, ямы. Но на этой иконе можно было различить котлы, огонь, настоящие адские муки. Была там одна странная фигура. И хотя говорили, что черт на иконе невозможен, все-таки уж очень похожа была она на черта. И еще больше – на старика Басаргалиева. Никто не знал, что делать с этой иконой. Я чувствовал: после реставрации ее запрячут подальше и никому не станут показывать. Поэтому, видимо, восстанавливал ее я как самый молодой.

Я не верю в совпадения. Я и она, такие похожие люди, в одной комнате, разделенной лишь тонкой перегородкой. К чему-нибудь это должно было привести.

Я часто думал об этом по вечерам и в выходные, выбираясь для своей обычной прогулки по городу.

Как правило, я бродил недалеко от дома по старинным переулкам Китай-города и Хитровки, мимо серых облупившихся строений, церквей, монастыря, мимо старой синагоги, где можно было встретить толпу евреев, лица которых, казалось, сошли с икон и старинных картин.

Иногда быстрым шагом, вдыхая прелый запах воды, я шел по набережной Яузы до самых шлюзов. Там стояли на приколе несколько причудливых посудин, единственным предназначением которых было собирать мусор и тину.

Или же гулял по бульварному кольцу, провожая взглядом катившиеся по трамвайным рельсам железные клетки, перевозившие людей.

Часто поднимался я вверх к Подколокольному переулку, чтобы пройти мимо медицинского училища имени Клары Цеткин. Иногда я встречал там будущих медсестер, очень хорошеньких и молоденьких девушек.

Я и сам тогда был совсем молод, лет двадцать мне было, не больше.

А вокруг Москва, огромный громоздкий город, который, нет, никогда не пугал меня, не отталкивал, но как-то не замечал.

И мне это нравилось. Можно идти по шумной улице с ресторанами, ночными клубами, казино, среди множества людей и остаться никем не замеченным. Я не страдал от этого.

Вот только Настя... Замечала ли меня она?

– Ты – моя Гретхен, – сказал ей однажды любовник за ужином, – знаешь, кто это?

– Нет.

– У Гете, любимая девушка Фауста, простая крестьянка. Сам Гете тоже с простушкой жил. Ценил чистоту. Ведь ты чистая, деревенская. Женского полу полно. В институте сколько студенток. Да где они, чистые?

Настя рассмеялась и вдруг ответила:

– А вдруг у меня роман с кем-нибудь другим?

Часто он вообще не обращал внимания на ее слова, но тут внезапно смолк.

Я услышал стук вилки, упавшей в тарелку. Он не доел, и вилка упала не так звонко – на что-то мягкое, вроде макарон или остатка котлеты.

Он стал требовать объяснений.

Она ответила, что пошутила, но он не поверил, встал с места, сделал четыре шага в сторону двери, причем три из них правой ногой, левую лишь приставляя. Обычно он ходил так, о чем-нибудь раздумывая.

Да, правая нога звучала иначе. Это мое открытие насчет ног я уже давно проверил, наблюдая за ним в коридоре и на кухне. Не у всех людей ноги звучат поразному, но у него было так. Правая нога, шаг правой ноги звучал иначе, хотя он не хромал, ничего такого не было.

Если пару лет пролежать за перегородкой и внимательно прислушиваться к звукам, то обязательно начнешь замечать какие-нибудь вещи, которых раньше не замечал.

Ведь говорят же, у слепых как-то по-особенному развивается слух. И они способны отличать то, что зрячие не умеют.

Наконец, он остановился у окна, закурил, сказал:

– Сколько раз, сколько раз обжигался! Друзья смеялись, говорят: Женьку Мерцалова любая дура вокруг пальца обведет! А может, ты не врешь?

– Да вру же! – рассмеялась она.

– Шутки, однако. Смотри.

– Чего смотреть?

– Не надо со мною шутить.

– И что будет? Бросишь?

– Не брошу. Но выбор-то большой. Тот же институт. Сколько миленьких, из хороших семей. А я на тебе одной сосредоточился.

– Ты лучше с женой разберись.

– Жену, пожалуйста, не трогай.

Он давно уже собирался бросить ее, но говорил Насте, что не может, что жена больная, не ходит, сидит дома, и он должен за ней ухаживать.

Похоже, она не верила в ее болезнь и смирилась со своим безнадежным положением любовницы.

С этого дня, с этой незначительной Настиной шутки, как мне кажется, все и началось.

Сама того не подозревая, она коснулась самого больного, самого уязвимого места. Он был очень неуверенный в себе, мнительный человек с явной склонностью к саморазрушению.

Я часто вглядывался в Настино лицо, пытаясь понять, поймать ее настоящее выражение, приблизиться к чему-то неуловимому, что всегда в ней чувствовал. Но мы виделись редко, отрывочно, сделать это было трудно. Я наблюдал за ней во время наших коротких встреч на кухне. Иногда – сталкиваясь в подъезде на лестнице. Еще реже – когда встречались случайно на улице. Я сделал вывод, что, несмотря на то общее, естественное, обычное, что всегда было для нее характерно, она, тем не менее, сильно зависела от сиюминутных обстоятельств жизни и окружения. В те дни, когда Мерцалов наведывался часто, она держалась спокойно, прямо, и, думая, что ее никто не слышит, могла негромко напевать на кухне одну из тех старомодных песенок на английском, что привезла когда-то с собой из деревни. Она как будто бы светлела лицом, вся прояснивалась, становилась грациозной и хрупкой. Когда же его долго не было, лицо темнело, молчание ее начинало напоминать молчание неодушевленного предмета, шаги в комнате звучали тихо и не так уверенно. При матери она едва заметно превращалась в маленькую девочку, хотя в их отношениях к тому времени уже сама играла

главную роль. При семинаристах становилась заботливой сестрой, начинала хлопотать, суетиться, но после совместного пения заметно успокаивалась. Со стариком же держалась осторожно, уважительно, часто старалась тоже не смотреть ему в глаза, и когда старик кокетничал с ней – а он это любил – она тоже вдруг светлела лицом и снова начинала напевать под нос мелодии песенок, слова которых, впрочем, знала плохо, и поэтому часто вместо слов произносила просто «пу-бу-бум» или «па-ба-бам».

И только, казалось, моего присутствия она никогда не замечала.

Однажды они лежали в постели у меня за перегородкой. Они только что окончили свои любовные дела и молчали.

– Это проклятие, – сказал он вдруг.

– Ты о чем? – спросила она насторожившись.

– Наше общее проклятие.

– Что-то я тебя не понимаю...

– Не зря наших дальних родственников изгнали из рая.

Она молчала.

– Сколько сил, энергии, времени! А все для чего? Чтоб только на какое-то время приглушить голод. Цветы, вино, рестораны, машины, духи, наряды! Только, чтобы довести до постели, разрядить обойму и какое-то время ничего не хотеть.

– Цветы, говоришь, духи? – спросила она.

Он не услышал ее усмешки и продолжал:

– Сейчас я совершенно счастливый человек, я ничего не хочу. Я поеду в метро свободным человеком. Потому что не буду охотиться глазами за их лицами, фигурами, ногами... Женщин на какое-то время больше не будет. Я смогу просто думать о том, о чем должен думать: о фон дер Фогельвейде, о мейстерзингерах, об Эйхендорфе. Это наше проклятие, это настоящее чудовище! И это чудовище требует от нас новых и новых приношений. Целая жизнь может уйти на то, чтобы успокоить, задобрить его... – Тут он повернулся и начал говорить в подушку, так что какое-то время ничего, кроме бормотания, я не мог слышать.

– Если б не это чудовище, – возразила она, когда он замолк, – ничего бы и не было... Жизни б не было.

Он что-то стал отвечать, но из всего довольно долгого его ответа я понял только, что он не согласен и уловил донесшие слова:

– Как-нибудь разумней...

Через минуту она легла точно так же, как и он, ее голос стал для меня неразличим.

Они долго о чем-то спорили, пока наконец, оба не повернулись на спины. Я слышал, что теперь они говорят о судьбе.

– Если судьба есть, – сказал он, – она должна обходиться без нас. Без нашей, даже малейшей воли. А я вот лежу, смотрю на тебя, думаю: судьба или нет? И как я могу решить сам: бросать Лену, нет? Я жду. Жду какого-нибудь знака, толчка извне, я сам не вправе.

– Ты все равно не бросишь, – сказала она. – А мне и не нужно. Живи на здоровье. Раз тебе так удобней.

– Опять?

– Что опять?

– Да, удобней! И хватит упреков! Дело не в том, что мне негде жить! И без нее бы нашел себе в Москве уголок. Снял бы, как ты, комнату.

– А со мною, значит, не рассматривается?

– Пойми: я сомневаюсь! Все думающие люди обязаны сомневаются! Ты говоришь: судьба! Но если бы я сам, сам тогда в коридоре не подошел к тебе, ничего бы не было. Все равно был толчок. Это я – не кто-то за меня – а я сам так решил. Всегда есть этот первый толчок, твой собственный или кого-нибудь другого. И потом уже, когда случается непоправимое, это называют судьбой. Кто знает, где любовь, где привычка? Старые люди правильно говорили: а у нас и не слыхали раньше о любви. Просто парня подвели к девке, поженили. Говорили тогда: не «я ее люблю», а «я ее жалею»... Нет, нужна лотерея, всероссийская! Демонстрируют по телевизору: розовый шар № 145906, ему выпадает синий шар № 789622. Все анонимно, без махинаций. Оглашают тех, кто скрыт под этими номерами. Через месяц свадьба. Вот это и есть судьба.

– Но ведь я могла отказать, не пойти тогда с тобой? А пошла.

– Ты тоже подтолкнула себя!

– В тот день мы с Инессой Аристарховной должны были ехать в библиотечный коллектор. А она заболела. Случайность? Случайность. Дел особых не было. Я шла мимо. На окне растет молочай. И когда проходила, он вдруг сбросил лист. Еще случайность. Я подошла, подняла – и вдруг ты из кабинета выходишь.

– И что? И этот упавший лист молочая называется судьба?

– Почему бы нет?

– Скажу тогда вот что! Если б не день рождения профессора Фестонова на кафедре, не те сто пятьдесят грамм дагестанского коньяка, я б никогда и не решился заговорить.

– Я думала, есть сердце. Оно иногда подсказывает. Тебе, мне, всем нам.

– Сердце!.. Хоть представляешь, как оно выглядит, сердце? Анатомию в школе изучала? Просто такой пень, глубоко пустивший корни по всему организму. Выполняет функцию насоса.

– Значит, мы встречаемся только потому, что ты не можешь без этого? Потому что «чудовище» требует жертв?

– А разве твое «чудовище» ничего не требует? Как бы ты жила одна с таким телом?

– С каким таким?

– Сама знаешь с каким. Вся дергаешься вон, дрожишь. Даже странно, что я у тебя один. Кажется, таким, как ты, нужна це-

лая рота солдат. Или не один?

Она недолго помолчала. Раздался скрип кровати, известивший о том, что она поднялась и теперь сидела на краю кровати, о чем-то думая.

– Помнишь, рассказывал однажды про философа, немца? Ну, которому с женщинами не везло? – спросила она.

– Ницше, что ли?

– Ага. Что он говорил о них. Жуткие такие слова. Помнишь?

– Напомни.

– Женщине нужен ребенок, мужчина – только средство. Вот, что он говорил.

– И что?

– Так вот, он прав. Ребенок и все. И можно жить. И уже не страшно. А без мужчины обойдусь. Несмотря на «чудовище». Я это уже давно поняла.

Снова раздался скрип кровати – теперь уже Мерцалов поднялся и присел на кровать.

– Если это произойдет, – сказал он спокойно, – нам придется расстаться. Не дури.

– И пусть, я согласна.

– Зато я не согласен!

– Это может произойти случайно.

– Ничего не происходит случайно. Всегда есть чья-нибудь воля, чей-нибудь обман, хитрость, толчок. И вообще хватит об этом! – Он встал, подошел к столу, опрокинул стакан воды и пошел к окну курить.

...Каждый раз, чувствуя, что они лежат здесь, за перегородкой, в нескольких сантиметрах от меня, обнявшись, я вспоминал картину австрийца Эгона Шиле «Любовники II». Его альбом, выпущенный в Польше, у меня был. Я приобрел его у знакомого букиниста на Кузнецком мосту. Я знал, что отдавал последние деньги и до зарплаты придется питаться одним рисом. Но картины придавали мне сил не меньше, чем мясо или молоко. Об этом я тоже знал. На той картине Он и Она, обнявшись, с закрытыми глазами, совершенно голые, на белой простыне. И эта простыня как будто летит среди серо-желтого облачного месива. И они одни на всем свете. И если присмотреться, нетрудно заметить, что простыня с многочисленными складками и зловещей бахромой похожа на какую-то огромную челюсть. Шиле написал картину об ужасе, о Смерти, об одиночестве. О том, что двое, лежа в одной постели, занимаются единственно тем, что спасаются от страха перед этим серо-желтым месивом. Мне и самому доводилось забываться, лежа по ночам в обнимку с каким-нибудь тощим женским тельцем. Хотя я знал, что это только временное, обманчивое спасение, не любовь.

Любовь же была поблизости, но не со мной.

Как-то раз Мерцалов явился в квартиру раньше Насти. Такое уже бывало. По вечерам, через день, она подрабатывала уборщицей в каком-то офисе. Он был нетрезв.

До ее прихода оставалось полчаса. Он вышел на кухню, где столкнулся со стариком. Я варил себе в джезве черный кофе – и невольно стал свидетелем их короткого, но важного в нашей истории разговора. Мерцалов, болтая о пустяках, неожиданно признался, что нашел способ заработать денег и теперь собирается уезжать в Австралию и взять с собой Настю. Зачем он об этом говорил? Наверное, неловкость перед пожилым человеком, хозяином квартиры, куда он являлся. Скорее всего, он хотел подчеркнуть серьезность своих отношений.

По голосу Басаргалиева я понял, что новость всполошила его.

Старик намекнул Мерцалову, что такой образованный человек мог бы найти себе девушку и получше.

– Мне лучше не надо, – ответил Мерцалов, – ценю чистоту. Знаете, кто такая Гретхен?

– Смотрите не ошибитесь, чистота! – перебил его вдруг старик, собираясь идти к себе в комнату. – В тихом омуте черти водятся.

Я услышал, стоя к нему спиной, как Басаргалиев медленно удаляется по коридору.

– К чему это вы, Петр Петрович? – крикнул вдогонку Мерцалов, и голос его в самом конце оборвался нервным визгом.

– Ни к чему, так, жизненный опыт, – обернувшись у своей двери, ответил Басаргалиев, заметно огорченный. – Значит, в Австралию?

– В Австралию...

– Она-то согласна?

– Пока не спрашивал.

– Так спросите.

Скрипнула дверь старика.

– Петр Петрович! – позвал Мерцалов.

– Ась?

– Я вот вас сначала спросить хочу. Друзья надо мной часто смеялись. Говорят, Женьку Мерцалова любая дура вокруг пальца...

– Я-то здесь при чем?

– Может, вы что-нибудь знаете? Ну, там гости какие. Или по ночам ее нету, исчезает?

– Ничего я не знаю, – ответил старик сердито уже из комнаты.

– Я-то бываю здесь не часто... – говорил Мерцалов, заглядывая в комнату старика. – Хорошая люстра. Дореволюционная?.. Но вы-то все время, как сторож... Или она кого-нибудь еще водила?

– Да сами спросите. Меня-то чего теребить? Что я, шпион вам?

– Кто же к ней может ходить? – думая вслух, говорил Мерцалов. – Ведь только эти шляются, семинаристы? Ведь они совсем мальчики. Сколько же им лет? Что ж это я раньше не подумал? Будущие попы!..

Мерцалов сделал по коридору несколько шагов правой ногой, после каждого шага останавливаясь, приставляя левую ногу и раздумывая. Если бы я не знал Мерцалова и этой странной его привычки, по топоту можно было бы подумать, будто вместо левой ноги у него деревянный протез.

Он проделал таким образом еще несколько шагов. Стоя у

плиты, я почувствовал, как он смотрит мне в спину.

– Пахнет славно, – сказал он. – Бразильский?.. Настя не приходила?..

– Я сам недавно пришел – не знаю. Колумбия.

– Да, да, – забормотал он себе под нос, опустив голову, – Гарсия Маркес... Буэнавентура... Барранкабермеха...

Я обернулся. Два его кабаньих глаза незряче уставились в кафельный пол, как будто были изготовлены из пластмассы. Я видел в зоологическом музее такие неживые глаза у чучел животных. Их делают на той же фабрике, где отливают в особых формочках пуговицы, а потом точно, как пуговицы, сзади, иголкой и ниткой, туго пришивают к набитым опилками головам.

Он поднял эти глаза. С удивлением посмотрел на пар, поднимавшийся над джезвой. Кофе был крепкий, и я сам часто замечал, что даже пар от крепкого кофе как будто окрашивается в кофейные тона.

– Архиепископ Парижа Жан Батист де Белла, – сказал Мерцалов задумчиво, – предложил в 1800 году принцип перколяции кофе в кофеварках... Господи, что я такое говорю?..

Он ринулся в Настину комнату и стал одноного расхаживать от окна к двери и обратно.

Я же, вернувшись к себе, приставил к дивану журнальный столик с потрепанным альбомом Вермеера и маленькими глотками впускал в себя горький напиток.

Одна из девушек Вермеера напоминала мне ту, с которой вот уже долгое время мы были разделены деревянной перегородкой. На картине она стояла у распахнутого окна и читала чье-то письмо. Изначально Вермеер поместил на этой картине также изображение Купидона. Это должно было бы служить намеком, что письмо любовное. Купидона обнаружили, проведя рентгенограмму картины. Но Вермеер не стал помещать его, ограничившись изображением блюдом с яблоками и персиками. Для тех, кто привык видеть и наблюдать, одного этого вполне достаточно, и не нужно прямых подсказок.

С тех пор Мерцалов окончательно перестал ей доверять.

Я часто слышал, что, приходя раньше Насти в комнату, он переворачивал вверх дном содержимое ее шкафа. Он искал улики, но улик не было. И старик тоже слышал, как Мерцалов производит обыски.

Ревность подступала к нему периодически, на несколько дней, как простудное заболевание.

В эти дни он начинал мучить Настю глупыми вопросами, мог явиться без предупреждения, стал неожиданно часто приносить мелкие подарки, а затем расспрашивал Настю о том, почему у нее вчера вечером, когда он «случайно проходил мимо», горело окно и плясали какие-то тени.

Как-то раз, напившись, он подстерег в подъезде семинаристов и стал требовать, чтобы те сознались. Семинаристы рассказали Насте. Настя обиделась на него и долго не разговаривала.

Но остановиться Мерцалов уже не мог. Болезнь поселялась в нем все крепче, и работа ее давала свои плоды.

А старик, способствовавший этому, продолжал очень хитро дозировать свой яд.

Зимой, после Нового года, отравившись тушенкой, я не пошел на работу и лежал у себя на диване с температурой, рассеянно перелистывая какой-то старый альбом с итальянскими маринами.

Вдруг стало слышно, как в замочную скважину соседней комнаты входит и поворачивается ключ. Это был не ее ключ, не тот, которым открывала она и который оставляла иногда Мерцалову.

Я давно замечал, что два разных ключа, особенно, если один из них используется не часто, входят в замочную скважину по-разному. Конечно, Мерцалов отпирал эту дверь иначе, чем она. Но звук ключа, сам поворот чего-то тугого и металлического внутри замка, всегда совпадал с тем звуком, который получался, если открывала Настя.

Но это был другой ключ, точно, другой ключ. Я посмотрел на часы. Всего одиннадцать утра, десять минут двенадцатого.

Дверь отперли, в комнате послышались шаги. От напряжения я приподнялся и стал слушать.

По шагам окончательно стало понятно, что это не Настя и не Мерцалов. Вначале я не узнал их, шаги звучали как-то не так, как обычно, сказывался страх.

Ноги подошли сначала к ее кровати, немного потоптались. Потом как бы в раздумье, боком, стали передвигаться к окну, прошли мимо швейной машинки, остановились у шкафа.

Послышался скрип открывшейся дверцы. Старик Басаргалиев, – а это был он, именно у него имелся запасной ключ от комнаты, – размышлял, что ему делать и как быть. Его ноги, уже более узнаваемые, – нервное напряжение постепенно спадало, – шаркая, стали снова передвигаться в сторону окна. Несколько секунд в комнате царила тишина – тишина нерешительности. Спустя некоторое время Басаргалиев запер дверь, и его шаги послышались в коридоре.

Уже вечером того же дня Мерцалов обнаружил в комнате какой-то подброшенный стариком предмет и устроил Насте скандал. Я так и не узнал, что это было, хотя некоторые догадки у меня имелись.

– Ты считаешь меня за дурака! – кричал он на всю комнату. – Меня, доцента, кандидата наук!

И он ушел, хлопнув дверью, Настя же плакала.

Он не появлялся два месяца. Но за это время в его жизни произошли некоторые события.

Он рассказал о них Басаргалиеву на кухне за рюмкой водки, после того, как снова вернулся к Насте.

А произошло вот что. Спустя две недели после ухода от нее «чудовище» снова потребовало своего. Он стал мучиться, не находил места, забыл про своих миннезингеров, и вот, наконец, во время сессии сошелся с одной студенткой.

– Пригласил домой – вдруг является жена, – рассказывал Мерцалов, – и является очень некстати.

– Ведь ваша жена не ходит? – удивился старик.

– Это я Насте так говорю, чтобы не огорчать.

– Значит, она здорова?

– Ну, конечно, здоровой назвать ее тоже, знаете ли. В сорок лет чем-нибудь все равно болеешь, не одним, так другим. Ваше здоровье!

Он рассказал старику, как жена выгнала его из дома, как он скитался по институтским приятелям, поселился в институтском общежитии, куда к нему снова стала ходить новая подруга. И об этом узнал сам профессор Фестонов.

– Старый хрыч положил на нее глаз. Так я вначале думал. Но потом, когда он вызвал в кабинет и устроил сцену, все выяснилось. Оказалось, его родная дочка. Я говорю ему: откуда же я мог знать?! Фамилия другая, да и не очень-то, честно говоря, похожа. Уверены, что ваша?

– А он?

– Кричит: девочке семнадцать лет! Она еще вчера на выпускном балу в кружевном французском платье полонез танцевала!

– А вы?

– А я возьми и скажи: дорогой профессор, про полонез не знаю, но в свои юные годы в постели она выделывает такое, о чем на Тверской многие непотребные женщины только шепотом говорят... Что с меня возьмешь? Пьяный был. Разозлился. А теперь он обещал меня выгнать. Ну и пусть. Возьму Настю, эмигрируем в хорошую страну, надоело в сыром климате. Все в Москву едут. И я тоже поехал. А теперь вот понимаю, что зря. Москва нас всех пожирает. Москва – хрюшка, лопающая собственных поросят.

Через две недели его выгнали из института из-за какого-то неприятного случая, о котором он умалчивал.

Он поселился теперь у Насти окончательно, недолгое время пытался искать работу, потом перестал, запил и проводил дни, никуда не выходя из комнаты.

Они больше не занимались любовью, жили тихо.

Мне часто приходилось слышать, как там, за перегородкой, он читает вслух наизусть чьи-то стихи по-немецки или громко кричит что-то по-русски матом.

Иногда он просил старика составить ему компанию. Они усаживались на кухне, но пить старик отказывался, только слушал Мерцалова, только подливал ему водку и дозировал свой яд.

– Мне нужны доказательства! – громко шептал Мерцалов. – Хочу увидеть собственными глазами!

– Да Бог с вами! Разве это приятно – увидеть измену?

– Значит, все-таки было?

– Я этого не говорил.

– Помогите мне! Мне нужны доказательства!

– Для чего?

– Чтобы не чувствовать себя одураченным! Есть какой-то способ узнать, я придумаю!

И он придумал. Перед очередным приездом семинаристов за два дня до этого он объявил Насте, что едет к приятелю на неделю в Коломну. Сговорившись со строителями-армянами, красившими фасад нашего дома в Певческом переулке, ночью, когда свет в окне у Насти погас, он забрался в строительную люльку и стал подниматься в ней к ее окну. Он просто хотел увидеть все собственными глазами. Где-то на полпути между четвертым и пятым этажом люлька застряла. Через полчаса на морозе, несмотря на принятый для храбрости стакан водки, он стал замерзать. Еще через полчаса он попытался подняться по канату вверх, люлька опрокинулась, он едва удержался и стал на всю улицу кричать.

Он прожил еще у Насти недолго. Через месяц, в конце марта, его разыскала жена. Она пришла сама, собственными ногами, чем вовсе не удивила Настю, которая давно уже обо всем догадывалась.

Мерцалов вышел на кухню, они с женой о чем-то беседовали, а я слышал, что Настя в эту минуту включила магнитофон, отошла к окну и закурила.

Она не хотела ничего слушать, ничего знать. Она ждала, что произойдет, она ждала своей судьбы.

Мерцалов же на кухне говорил жене что-то о «чудовище» и о том, что «в последний раз».

Спустя какое-то время он вернулся в комнату. Они без слов простились, Мерцалов взял вещи и пошел за женой.

И с тех пор он исчез навсегда.

И старик ходил с гордо поднятой головой, как победитель.

Уже через несколько дней он постучал к ней в комнату и попросил разрешения войти.

– Входите, конечно, – отозвалась она и вдруг засмеялась: – Это еще что?

– Так, для поддержания бодрости, – сказал он. – «Исповедь грешницы». Вино. Молдавское, красное. Разве не пьешь?

Весь вечер они просидели у нее.

Потом стало повторяться все чаще. По вечерам, а иногда и в выходные они гуляли. Старик подарил Насте новое пальто и очень гордился этим.

Они стали вместе ходить в кино, были на одесских юмористах, в музее восковых фигур. И даже на концерте одного модного южно-корейского скрипача, ис-

полнявшего что-то из Моцарта на своей электроскрипке последней модели.

Обычно, когда в доме никого не было, я не выдерживал и тоже шел гулять.

На углу Яузского бульвара и Подколокольного переулка, совсем недалеко от Певческого, стоит дом сталинской постройки. С двух сторон от арки на высоких пьедесталах возвышаются две статуи: Он и Она. Она держит в одной руке винтовку, в другой – копну пшеницы. Он положил на плечо отбойный молоток, а в левой руке у него книга. Эти советские Адам и Ева всегда останавливали мое внимание. Везде, даже в этих гротескных скульптурах, мне виделось только то, о чем я постоянно думал в это время.

Нет, «чудовище» было мне знакомо. Но я знал вещи и посильнее «чудовища».

Как-то раз поздно вечером Настя и Басаргалиев вернулись навеселе. Я понял это по звуку шагов. Они ввалились в комнату, Настя включила магнитофон. Я услышал:

Bahama, bahama mama!
But her trouble's getting down
bahama mama.

Старик обнял ее, прижал к стене, стал что-то шептать, задыхаясь. Она в ответ говорила: «Зачем это?.. Зачем я вам?»

Он усадил ее на кровать... Она сопротивлялась, но ровно настолько, насколько этого требовали приличия.

– Пошли ко мне, – сказал старик, когда понял, что она согласна, – этот чокнутый за перегородкой все слышит.

– Я никуда не пойду, – ответила она твердо.

Тогда он с хрипом навалился на нее. Она застонала. Он жадно причмокивал, кряхтел, прижимал ее к себе и твердил: «Какая роскошь!.. Какая роскошь!»

Наконец разделся, заскочил козликом в постель, еще полчаса кряхтел и крутился, но у него ничего не вышло.

Долгое время в комнате стояла тишина.

– Мне этого и не нужно, – сказала она, стоя у окна с сигаретой.

– Но ты же молоденькая, – ответил Басаргалиев не сразу, лежа в кровати. – Зачем я тебе?

– А я тебе?

– Люблю, – тихо проговорил он, так тихо, что слово это было мною скорее угадано, чем услышано.

Она не отвечала.

– Вот так поверишь на слово, приголубишь, – сказал старик, – а ты найдешь себе другого, и поминай, как звали.

– Не найду, – резко ответила она и выдохнула табачный дым.

– Все находят, все.

– Я – не все, – она помолчала, снова выдохнула табачный дым, – я их боюсь. И всегда такой пугливой была. Вот почему?

– Да известно почему, – сказал Басаргалиев, и по голосу я понял, что он улыбается своей мерзковатой улыбкой – такая иногда у него проскальзывала.

– И? – потребовала она. – Отвечай! Что известно?

– Хотела их, мужиков, страдала, мучилась. Вот и боялась.

– Вот глупости!

– Не глупости, а правда. Это ж, девонька, старые прописи. Я-то, старик, знаю. Самые бесстыдные обычно – от природы холодные. А такие, как ты, часто даже в монашки идут, с природой борются. У меня нос старый, нюхалка неважно работает, но помнишь, тогда, на кухне, давно, подошел к тебе сзади, случайно коснулся? Запах... Я только прикоснулся, а ты уже...

– Да ну тебя! – сказала она и отвернулась к окну.

– А чего? – засмеялся старик. – Радоваться надо, гордиться. Что в тебе не одна, – две, три женщины! Что ты – такой концентрат любви.

– Ничего хорошего в этом нет, – сказала она. – Одни неприятности. И уже давно, со школы. Все девчонки, даже послабей, спокойно на канат залазили. А я, как обхвачу ногами, ну и сразу же мокрая... А учитель физкультуры, Нестеров дядя Паша, говорит: дай-ка я тебя подсажу... Сзади под руки берет... Я для него девочка еще. А у меня мурашки по спине. Ну, и все остальное.

– Не используешь свой талант, – сказал старик, подумав, – не используешь.

– Никакого таланта нет. Это проклятие, «чудовище»... Правильно один человек говорил: как было б хорошо без этого, вот чтоб вообще ничего, чтоб как дети жили... Может быть, и вправду лучше шары...

– Что?

– Шары! Всероссийская лотерея. Розовый шар № 463389... Ему выпал голубой шар № 557321... И никаких имен, слов, клятвенных обещаний... Просто номер, а не люди... Ведь как бы все было справедливо, научно...

– Что-то никак не могу допетрить. Ты о чем?

– Да все о том же! Он говорит: бесполезная роскошь, автомобили, духи, затраты!.. А на самом деле все еще хуже. Люди друг друга режут! Завидуют! Калечат... Брата моего на дискотеке тоже из-за этого. Девушку не поделил с кем-то. А так бы жив был... Или в деревне у нас. Тридцатилетние бабы шестнадцатилетнюю девочку ногами на кладбище били. А потом остригли.

– Зачем?

– Чтоб на мужей на ихних не засматривалась! Как будто она засматривалась! Не они на нее пялились, подарки слали... К яме подвели, на колени поставили, венок на голову, – и ногами! Потом одна портняжьими ножницами налысо обстригла, а волосы – в могилу!

– Чью могилу?

– Да ничью!.. Просто вырыта.

Басаргалиев подумал и вдруг спросил грустным голосом:

– Уж не с тобой ли вся эта катавасия приключилась?

Она молчала, долго упорно молчала.

– Мне нужен ребенок, – сказала она. – Единственное, чего хочу. Без него жить страшно.

Теперь уже молчал старик, также долго и упорно.

Через несколько недель после этого разговора его увезли на «скорой помощи» – болезнь обострялась.

Она навещала его в больнице, каждый день.

Встречаясь с нею в коридоре, я пробовал расспросить о старике, однако она отмалчивалась, снова опуская глаза. Но как-то раз вдруг сказала:

– Завтра Петра Петровича выписывают...

Он вернулся из больницы после операции, очень слабый, очень злой. Мы встретились с ним лишь на пятый или шестой день. Он попросил зайти к нему вечером в комнату для разговора.

– Извини, – сказал он, когда я к нему явился, – комната больше не сдается. Тебе нужно съехать. Настя передавала?

– Да, сказала.

– Вещи собрал?

– Собрал.

– Когда?

– Завтра.

– И замечательно.

Я хотел уйти, развернулся, но старик остановил меня каким-то невнятным полусловом-полукрякиванием:

– Не говорила почему?

– Нет, не знаю.

– Скажу сам, чтоб не сердился. Жилец ты был приятный, безобидный... Так вот, я женюсь.

– Вы? Женитесь?.. – Передо мной стоял почти что мертвец, живой труп...

– Можешь нас с Настей поздравить, – сказал жених.

– Поздравляю...

– Тебе, наверное, кажется странным, что я, старик. Но ведь есть разные старики. Вот я знаю, ты любишь картины. Скажи, разве старый художник смотрит на дом или на дерево иначе, чем молодой?

– Не знаю точно, – ответил я, – но иногда я замечал, что с годами у некоторых из них даже камни на картинах становились другими.

– Но ведь есть разные старики, – повторил он. – Так вот, скажу тебе по секрету: женщины, особенно молоденькие, не стали другими. А теперь иди. Хороший, хороший юноша...

Я запомнил его руки, эти пальцы, с кожей, такой же неживой и грубой, как на куриных лапах. Желтые, узловатые, когтистые.

В голове возник странный персонаж с иконы, так похожий на старика Басаргалиева.

Я вышел от него, вернулся в комнату, заставленную большими картонными коробками из-под сигарет. В эти коробки несколько дней я бережно упаковывал альбомы. Я сел на одну из этих коробок, сидел около часа. За перегородкой было тихо.

Я съехал, прожил на новом месте больше года, и не буду описывать, что это была за жизнь вдали от Насти.

Но однажды зимой я все-таки не выдержал и, проходя недалеко от Певческого, решил зайти, придумав какой-то малоубедительный повод.

Я не знал, что меня ждет, будет ли она рада моему появлению, застану ли я старика живым.

Я вошел в знакомый двор, набрал на замке код, – 1, 3, 7, нажать три цифры одновременно, – замок с привычным скрежетом щелкнул, я проскользнул в образовавшуюся темную расщелину, вбежал по лестнице на последний этаж, коснулся кнопки звонка.

Издалека, в коридоре, услышал я, как скрипнула дверь Басаргалиева. По шагам – это он. Звук почти не изменился, однако он ходит в новых тапочках, я это расслышал.

– Кто? – спросил его голос, ничуть не постаревший, но такой же слабый, как после больницы.

– Я, – ответил я, – жилец бывший. Помните? Альбомы. Художники.

Он долго отпирал, распахнул передо мной дверь и пошел, ни слова не говоря, к себе. Я последовал за ним.

По шуму, доносившемуся издали, я понял, что в двух других комнатах живут теперь незнакомые мне люди.

В комнате старик ждал меня один. Достаточно было беглого взгляда, чтобы понять это.

После короткого малозначительного разговора, набравшись смелости, я спросил как бы между прочим:

– А где же Настя?

Он ответил сухо:

– Съехала.

Преодолев неловкость, я снова:

– Когда?

– Да месяца через три после тебя. Между вами ничего не было?

– Нет, а что?

Он опустил голову, стал ходить по комнате вокруг своей люстры.

– Нашелся покупатель, – сказал он, проводя рукой по пыльным плафонам, – в какой-то банк забирают. Отдавать жалко, хорошая люстра. Но деньги нужнее. Понимаешь, у меня беда. Она отказалась.

– Выйти замуж?

– Не знаю, нужно ли говорить... Да что уж теперь, ладно! Обманула она меня. Я сделал ей предложение. Обещала подумать. Когда пришел срок, сказала: в общем, согласна, но только одно, Петр Петрович... я жду ребенка. Я говорю: от кого?! Она: не важно. Я взмолился: все тебе оставлю: квартиру, мебель, накопления у меня... Но только не позорь при жизни, избавься от младенца! У нас же все просто, без волокиты, мы же не католики какие-нибудь: пошла в больничку, двести долларов – вычисти-

ли, промыли... Я тебя в загс на следующий же день после больницы поведу! Свадьбу отличную сыграем! В путешествие хоть по Волге, хоть по Черному морю! Но только избавься от младенчика! Ты же знаешь – недолго мне. Потом без меня наживешь детей. Ни одного, много! Это же Певческий переулок!.. Квартира в центре Москвы!.. Я же миллионер! Понимаешь ты это, дура? Вся жизнь будет обеспечена! А захочешь – продашь после смерти квартиру, купишь в любой стране мира! В Австралию, в рай попадешь! Но только избавься ты от младенчика, Бога ради, не позорь старика...

– А она?

– На следующий же день: вещички, письмо, мол, ребенок, судьба, и с концами.

– И что теперь с ней?

– Слышал от семинариста, Пети, встретил случайно, что родила. И больше ничего.

Он молчал. Мне было больно на него смотреть. Мне показалось, что старик до сих пор любит.

– Жалеете? – спросил я.

– Что потерял Настю? А ты думаешь!.. Но с ребенком бы не взял, с чужим. Чужого мне даром не нужно.

Он сказал это твердо, почти жестко, – семидесятилетний мужчина на краю могилы.

Мы простились, я спустился вниз, вышел на улицу. Мела метель, сухие иглы с налету врезались в мою правую щеку – дул холодный влажный ветер со стороны Яузы.

Вот оно, наше окно, разделенное перегородкой. Из-за метели едва различимо на бледно-желтом фасаде.

...Я был в ее комнате один-единственный раз, за день до возвращения из больницы старика.

Поздно вечером мы столкнулись с ней в коридоре.

– Иди за мной, – вдруг сказала она.

Я без слов пошел.

В тот вечер она впервые подняла свои глаза, и я увидел, что они серого цвета, серого с темным ободком по краю.

– Ты все знаешь, – сказала она очень просто, очень будничноно. – И я знаю, что ты знаешь. Так вот. Завтра он вернется. И просил тебя собирать вещи. Он больше не будет сдавать комнату. Но это не все. Понимаешь о чем, чего хочу?

– Да...

– Я рискую. Но я не буду его обманывать, все скажу. А потом выйду замуж. Молчи!.. От тебя мне ничего не нужно. Кроме одного. Что сказал немец, философ? Которому с женщинами не везло? Ведь слышал?

– Слышал.

– Просто сделай это, пожалуйста.

Она протянула руку к выключателю, чтобы погасить свет. В комнате стало темно. Я видел, как она подошла к окну, как достала из пачки сигарету, как загорелось от спичечной вспышки ее лицо.

Докурив, она стала снимать через голову платье.

– Тяни! – сказала она, наклоняясь ко мне.

Я взялся за край и помог ей стянуть ее домашнее ситцевое платье. Она стояла передо мной совершенно голая и без стыда смотрела мне в глаза.

Я сделал шаг навстречу. Потом еще. Я не узнавал звука собственных шагов, изученного мною за долгие годы очень хорошо – у меня подкашивались ноги, и даже подкашивались не так, как подкашивались обычно.

Когда я провел ладонью по щеке, она вдруг резко отстранилась:

– Не надо!.. Без этого!

Отскочила в сторону и смотрела на меня спокойными и злыми глазами:

– Просто скажи, как тебе удобней: на кровати или чтоб я нагнулась.

Но я не послушался, сделал еще один шаг, прижал ее в углу, стал ласкать. Она тихонько, как собачка, заскулила. Я начинал узнавать эти звуки.

– Что ты, что ты?.. – стиснув зубы и зажмурившись, кричала она. – Зачем?.. Не надо этого. Просто сделай, и все!..

– Без этого не получится.

– Без... этого... без чего?..

– Без любви, – сказал я.

Я чувствовал, как дрожит и бьется в судороге все ее тело – будто его пытают электрическим током.

И у нас была ночь, всего одна.

Впервые заснул я под утро с другой стороны перегородки, в комнате, чертеж которой был уже в моей голове давным-давно изготовлен и точно совпал с тем, что я увидел.

На том же месте стоял обеденный стол, над которым висела полка с посудой – о ней я тоже знал. Платяной шкаф поперек, а не вдоль стены – и это давно было угадано. Магнитофон, швейная машинка, фотографии родных, хрустальная ваза, тумбочка, гладильная доска – все, все было на своих местах.

...После разговора с Басаргалиевым я пытался разыскать ее, ездил даже в Вологодскую область, в деревню на берегу озера Кубенское, где она родилась, деревня называется Устье. Но мать, привозившая гостинцы, умерла. Родственников никого не осталось. А соседи, у которых я ночевал, говорили, сильно окая: «Да, была... с детенышем... такой просто ангелочек... избу продавала... осунувшаяся, бледная... живет где-то в городе, тяжело, без копейки живет... но живет».

И вот после этого я никогда больше не слышал: ни о ней, ни о мальчике.

РУСАЛКА С ПАТРИАРШИХ ПРУДОВ

Светлана ВАСИЛЕНКО

Прозаик, сценарист, поэтесса. Первый секретарь Правления Союза российских писателей. Член Правления Союза писателей России. Автор нескольких книг прозы и стихов. Лауреат многих литературных премий. Произведения переведены на немецкий, английский, итальянский, французский, японский, китайский, корейский, хинди и другие языки. В 1988 году Светлана Василенко и Лариса Ванеева создали группу женщин-писательниц «Новые амазонки». Живет и работает в Москве.

Я как раз тогда развелась с мужем и пошла работать сторожем в зоопарк. А обедать ходила к Нине. Я брезговала есть в зоопарке: меня тошнило там. Я вдруг стала очень чуткой к запахам. Тех животных, которых я сторожила, я различала по запахам, от них исходящих.

Лисы пахли едко и колко, как елки. Рыси пахли кошачьей мочой: удушливым упругим облаком метались они по клетке, сходя с ума от собственной вони, красавицы, пытаясь убежать от тяжелого запаха плоти, и спасти от него свои чистые нежные легкие пушистые души, не пахнущие ничем. Медведи пахли мокрыми шубами, раскинувшись лежали они часами на полу; глядели на птиц.

Лошади пахли потом. Они пахли так, будто находятся в пути: конскими мокрыми подмышками и сухой горячей пыльной дорогой, – даже когда стояли понуро, дрожали у них от нетерпения спины, и больно хлестали себя по глазам хвостом, будто сами себе ямщики с кнутовищем.

Звери пахли по-разному, как чужие друг другу страны: зайцы пахли полем, слоны – горой, крокодилы – илом, орлы – пером, а лебеди – белым пером, водой и небом...

И я там, в зоопарке стала пахнуть тоже, но не собой, не человеком, а чем-то особым. Моя хлопчатобумажная курточка источала запах, будто живая, и я часто обнюхивала ее рукава, удивляясь и пытаясь понять этот запах, как мысль на чужом языке. Наверное, я пахла, как Ной в своем пропахшем зверьми ковчеге. Во всяком случае, когда я шла из зоопарка к Нине, уличные собаки почтительно принюхивались ко мне, будто помнили этот празапах и боготворили его, как спасителя.

Я ходила обедать к Нине, покупая по дороге продукты. Она жила на Вспольном переулке, немного не доходя до Патриаршьих прудов. Она жила в коммуналке, в темной пятиугольной комнате. Я приходила, она убирала со стола пишущую машинку (она работала на дому машинисткой), мы садились за пустой стол и начинали пить молоко из бумажных пакетов: это было ужасно, – меня тошнило от молока. Меня тогда от всего тошнило. Я не была беременна. Меня тошнило от жизни, от ее каждого мига. Я заливала в себя молоко, как заливала б в себя машина бензин, если бы понимала, что без бензина станет мертва, остынет мотор.

Будто огромная жаба поселилась внутри меня, по-весеннему похотливая, урчащая, скользко-холодная – меня вот ей, этой жабой тошнило – и я заливала ее жадно-чавкающую пасть сырым пластмассовым – я бы им обмывала б покойников – молоком, – чтоб нажравшись, насытившись – она затихла бы.

Меня тогда бросил муж.

Нину тогда тоже бросил муж. Мы и познакомились с ней в ЗАГСе, где они нас бросали.

В тот глухой хмурый серый день апреля – вот-вот пойдет снег – мы с мужем зашли в ЗАГС и долго сидели в очереди, чтобы развестись, так долго, что когда, наконец, мы вышли на улицу, – там уже наступила весна. Там, на улице вдруг внезапно наступил май: растаял снег, потекли ручьи, лопнули почки, запели птицы, и новый мир, будто только что спущенный на воду корабль, закачался под белым парусом цветущего вишневого сада, приглашая взойти на палубу.

Конечно, это было так задумано и сделано, чтобы ЗАГС выходил в сад, и жених с невестой сразу бы после объявления их мужем и женой вываливались бы из темной утробы ЗАГСа как единый вновь народившийся организм в сияющий и цветущий сад жизни. Этот сад не был просто садом, он как бы символизировал счастье семейной жизни.

Вот и сейчас из соседних дверей вынес жених в черном свою белую, будто цветущую вишню, невесту; ветер, словно, ждал и дождался, сильно выдохнул, будто благословил: фата надулась парусом, семейную лодку завертело, закрутило, понесло... А навстречу им шла получить свое счастье новая пара: пожилой кривоногий мужик нес в ЗАГС

на руках пожилую курносую бабу.

– Дай я пойду своими ногами, – ругалась баба. – Тебе тяжело.

– Своя тяжесть не тянет. Ты ведь теперь моя?

Баба обняла мужика за потную жилистую шею и вдруг сладко и счастливо заплакала.

– Твоя, – сказала она.

Они проходили мимо, и я заплакала вместе с ней, ей навстречу. Я стояла на порожках нашего черного входа и, глядя на их вход парадный, плакала от счастья, забыв, что несчастна. Я как бы даже потеряла сознание и перестала видеть.

И услышала:

– Что ему надо от моего мужа? – беспокойно спросила меня Нина, я еще не знала, что это Нина.

Я очнулась и увидела опять цветущий сад и дорожку и наших с Ниной мужей, уходящих по этой дорожке от нас. Ее Саша – невысокий, в белой рубахе, в темных кудрях, шел впереди; мой – Петя – в милицейской форме, огромный, как шкаф, – позади. Мой что-то сказал тому в кудрях, и тот остановился.

– Что ему надо от моего мужа? – повторила Нина.

– Кому? – спросила я.

– Менту.

– Это мой муж, – сказала я.

– Кто?

– Этот мент мой муж, –- сказала я.

Так мы познакомились. Мужья наши закурили, прикуривая, разговорились, потом вдруг чему-то рассмеялись дружно, и так пересмеиваясь и переговариваясь, поглощенные друг другом и цветущим садом, ушли.

Мы смотрели им вслед. Они не оглянулись.

– Ты хочешь картошки? – спросила Нина хрипло. – Жареной картошки? Ужасно хочется жрать!

Она грассировала, Нина, и получалось красиво и торжественно: жР-Рать, жаРРеной каР-Ртошки, – и мне безумно, безумно, будто золотого пера жаР-Р-птицы вдруг захотелось картошки и именно – жареной. И я произнесла на свою беду и свое счастье волшебное слово:

– Хочу, –- сказала я.

Хищно, как на добычу, глянула на меня Нина тигриными холодными глазами, и я отчетливо поняла в тот миг, что душа моя продана – с молотка, за жаренную картошку – кто больше? – раз-два-три – продано, господа! И что начинается другая жизнь, странная и опасная. Об этом говорило и лицо Нины: оно в тот момент стало белым, как мел, и вокруг себя произвело сияние, словно лампа дневного света. Даже что-то начало пощелкивать в воздухе, электрическое. О! Я еще не знала, с кем я связалась!

Мы зашли в овощной магазин на Садовом кольце: картошки не было.

– Полцарства за картошку! – закричала Нина кому-то в потолок, будто перепродавая мою душу тому, кто там – выше потолка – подороже.

Там вняли, но поняли по-своему, и вынесли вместо серого в комьях земли картофеля красное прекрасное вино «Алазанская долина», целый ящик. Этот магазин всегда чем-нибудь да удивлял население. Мы купили бутылку.

Сев на лавочку прямо у магазина, мы с Ниной быстро, залпом, по очереди, выпили вино, не распробовав: мы пили, будто заливали бушевавший в организме огонь – так оно и было – и не залив, пошли за другой бутылкой.

Так же быстро, как опытные пожарники, выпили мы и эту бутылку.

Пламя продолжало бушевать в нас. Мы зашли в магазин снова, нас уже запомнили и дали без очереди.

Мы сидели на лавочке, мимо нас прогуливались люди, подошла и понюхала нас собака, но никто нас не тронул, никто не мешал нам напиться, как мы того хотели. Мы даже хулиганили. Например, Нина, чтобы представить, что пьет из бурдюка (из буР-Рдюка на АР-РаР-Рате с аР-Рмянином – такую представляла она картину в своем объятом пламенем мозгу), поднимала бутылку на расстояние вытянутой руки и опускала горлышко вниз. Тугая тяжелая кроваво-красная струя падала сверху в Нинино горло: кадык ее ходил ходуном – она глотала.

Теперь мне кажется, что это было не зря, что в этом был знак: природа уже тогда знала, куда и зачем все это идет; мы уже были ею выслежены и избраны для дальнейшего. Слишком запомнилась мне она, эта картина, слишком влезла в меня: и порывистый, тревожный ветер, очень нервный для ветра, очень уж страстный и все понимающий, и солнечный свет, чересчур яркий для московского вечера (будто не солнечный свет то был, а долгая-долгая фотовспышка, нас словно фотографировал кто-то навек), и эта горячая сверкающая на солнце струя, кровавой лавой изливающаяся в Нинино горло сверху вниз, или наоборот, бьющая фонтаном из Нининого горла снизу вверх – все это мне кажется неслучайным, и голуби... Да, голуби. Особенно один. Он как-то пристально и, главное, осмысленно смотрел, как Нина пьет, будто запоминая эту картину для будущего пересказа. Он не бросился, как остальные голуби к крошкам, которые я им в тот момент бросила, и даже как бы повел плечом, когда я позвала его: гули-гули, – по-мужски как-то эдак повел: мол, отстань...

Все смотрел и смотрел на Нину.

Справедливости ради надо сказать, что к тому времени мы были уже хороши: нам и голуби могли показаться мужиками. Мы вступили во вторую фазу: мы вспомнили о своих мужьях и загоревали.

Горевать мы пошли на Патриаршие пруды, это было рядом. Стемнело.

Мы сели у памятника Крылову, а также его животным, и я быстро-быстро рассказала Нине короткую историю своего замужества. Про то, как хорошо и счастливо жила я на своей родине у реки Волги, как собирала в степи подснежники и тюльпаны и видела змей, греющихся весной на солнышке, и сусликов, свистящих у норок, и сайгаков, бегущих в ночи, как во сне, и про то, как приехал в отпуск сосед Петя, женился на мне и привез меня сюда, в Москву, где он остался служить после армии и где меня бросил через полгода, сразу же после того, как нам дали комнату в общежитии.

Я рассказала ей, что вот уже месяц живу в этой же комнате, за перегородкой, и каждую ночь Петя приводит с улицы женщин, которые стонут от наслаждения по другую сторону перегородки до утра, а я лежу всю ночь не сомкнув глаз и не знаю, что делать мне и как реагировать.

– Бедная, бедная, – пожалела меня Нина. – Ты его любишь?

– Нет, – сказала я ей. – Я еще никого не любила.

– Счастливая, – сказала Нина. – А вот я пропадаю от любви, умираю... ЮДЖИН! ЮДЖИН! – закричала она вдруг так громко, страшно, надрывно, по-звериному, что от этого вопля сердце мое сжалось от ужаса. На голову нам посыпались с деревьев, ломая сучья, проснувшиеся птицы. – ЮДЖИН! Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

– ЮДЖИН! – продолжала она выкрикивать чье-то нерусское имя, залезая зачем-то на колени к памятнику. – А-ГА-ГА! - заплакала она во весь голос.

Птицы, в испуге, подхватили ее плач.

– АЙ! АЙ! АЙ! – голосило над нами черное без звезд небо.

– А-ГА-ГА!!! – рыдала Нина, встав на колени к Крылову как на пьедестал и подняв белое, как луна, лицо к небу.

– Нина, Нина, – металась я где-то далеко внизу от ее горя.

Унять ее было невозможно, она ревела и бушевала, как ураган.

Я хотела бежать от нее, как от сумасшедшей. Я отошла на несколько шагов. Но крик ее завораживал, не отпускал, я не видела еще такой любви, и я вернулась. Я стояла как санитар около буйно помешанной стихии, пережидая ее крик, как пережидают грозу. Ведь всему же должен быть конец, думала я. Но крик все длился и длился. Нинины силы были огромны, и не было конца ее любви.

В какой-то момент она вдруг зажглась, как настольная лампа, и светила тихим домашним светом, как ночное бра. Я подумала, что вышла луна и посмотрела вверх: луны не было. Не было и звезд. Нина светилась сама, серебренный лунный свет шел изнутри нее, будто она проглотила луну, либо сама была лунным телом луны. Она светила, издавая крик.

Вдруг к лунному серебренному подмешали золота, чуть-чуть. Потом побольше... Нина стояла уже вся в золотом сиянии, какое, видно, исходит от всех любящих, думала я и потому не удивлялась. Золотое пылающее знамя любви раскачивалось над миром и исходило в крике. Любуясь Ниной, я отступила на шаг и попала в чьи-то объятия. Я оглянулась и увидела трех милиционеров. Рядом с ними стояла милицейская машина, освещая Нину золотым светом фар.

– Хулиганите? – спросил один, толстый и добродушный.

– Гражданочка, слазьте! – закричал Нине другой – худой, бледный и нервный. Воодушевленная собой, Нина не замечала никого вокруг. Она продолжала выкрикивать абракадабру из рыдающих слов.

Третий без лишних разговоров подошел к памятнику и начал дубасить своей дубинкой по памятнику Крылову, будто тот и является главным виновником безобразия. Памятник начал издавать кряжистые человеческие совсем звуки, будто стоны, и эти стоны умершего поэта Нина услышала. Она внезапно замолчала, повернула голову, потом развернулась всем телом и – глянула. Она посмотрела на них, как смотрит на человека с дерева рысь, готовая прыгнуть и растерзать: золотыми разъяренными глазами.

– Уйдите! Не лезьте в мою личную жизнь! –- сказала она им. – И что вы понимаете в любви? –- спрыгивая с памятника, добавила она и направившись прямо к худому и нервному, выговорила ему в лицо, подходя, будто плюнула. – Менты...

Зря она это сделала. Милиционеры такие же люди, у них такая же душа и сердце.

Это я ей и сейчас, и потом говорила.

Но она так не считала.

Она считала милиционеров главными врагами любви. Будто милиция для того и создана, чтобы уничтожать любовь во всех ее видах. Такой эсэсовский отряд, хватающий и сующий всех любящих в печь. Может быть, в них она видела подобие чертей, орудующих у огненной геенны? И загоняющих всех любящих туда по очереди? Вот и сейчас он сказал ей, этот нервный:

– Оскорблять при исполнении? А ну, залазь в машину! Поедем в отделение! Загоняй ее! – сказал он своим подручным.

Они загоняли Нину, забыв обо мне. Они загоняли ее в открытую дверь машины, где была черная тьма, трюм, темень, тюрьма. Оттуда пахло кожей.

Они загоняли ее по-деревенски, откуда были родом, как загоняют козу, корову или овцу в хлев:

– Палками ее! Небось пойдет!

Но Нина была другим зверем. Нервно посмеиваясь, и как бы невзначай обнажая свои острые влажные зубы, закрывая рукой лицо от удара, она мягко, по-рысьи отступала к пруду, увлекая за собой милиционеров.

Она шла уже по щиколотку в воде и опять начала светиться, как раньше, тихим лунным зеленоватым светом, будто вся обмазанная фосфором, – она поплыла, – и над водой засияла ее голова, как распустившаяся вдруг кувшинка, как редкий цветок лилея, как белый лотос.

– Ну что же вы? – закричала она милиционерам. – За мной!

Милиционеры, раздевшись, поплыли за ней, как зачарованные.

Они окружили ее в воде, но не знали что делать дальше, и так кружили и кружили вокруг, будто в танце. Я бегала по берегу, совсем рядом.

Выглянула луна, и тогда они только опомнились.

– Загоняй! – крикнул нервный и замахал на Нину рукой, будто она стая гусей. Он подплыл к ней близко-близко и протянул руку к ее волосам.

Нина увернулась, поднырнула, а когда вынырнула, то ее лицо и его оказались совсем рядом.

– Поцелуй меня, – сказала она ему.

Ее лицо было белым, как мел.

Нервный притих и смотрел на нее. Стало видно, что у него красивое, очень юное лицо.

– Ну же! – сказала Нина властно. – Целуй! Ты никогда не целовался? Хочешь, я научу тебя?

Она приблизила свое лицо к его и поцеловала его прямо в губы.

Целуясь, они ушли на дно и долго не возвращались и когда всплыли, то не отрывали уста друг от друга.

– У тебя поцелуйный рот! – сказала Нина, наконец отрываясь от его губ, чтобы набрать побольше воздуху. –- Твой рот создан для поцелуев.

И они опять ушли на дно.

Она вынырнула одна и весело сказала:

– Кто следующий?

– Я! – вызвался добродушный. Он лежал, как надувной матрас, и смотрел на звездное небо.

Нина подплыла к нему, перевернула и увлекла на дно. Выплыла она опять одна.

– Ну? – сказала она третьему.

Третий что-то понял и бросился к берегу, неумело колошматя руками по воде. Ничего не стоило его догнать. Пойманный, он отбивался от нининого поцелуя так, будто хотел остаться нецелованным вовеки веков, навеки...

– Аминь, – сказала Нина, вылезая из воды.

– Где они? – сказала я.

– Не знаю, – сказала Нина. – Пошли отсюда.

Мы молча обошли милицейскую машину, на секунду попав под беспощадный, яростный и ненавидящий желтый свет ее фар. Двери у машины были открыты, и оттуда тянуло ледяным холодом, как из преисподней.

– Я замерзла, – сказала Нина, передернувшись. – Вода еще совсем холодная.

– Май месяц, – сказала я.

– Ты где живешь? – спросила Нина. – Пойдем ко мне. Здесь рядом.

Я оглянулась в последний раз в надежде увидеть милиционеров выплывающими из воды. Но тих был пруд. Ничто не плескалось в нем.

Далеко на берегу стояла, как разоренный и брошенный кем-то дом, милицейская машина с распахнутыми дверями. И свет ее сейчас был слаб и беспомощен перед обступившей ее тьмой и несчастьем.

«В ЭПИЦЕНТРЕ МОСКОВСКОЙ ЗИМЫ...»

Лёша ЕФИМОВ
(Алексей Игоревич Ефимов)
(05.07.1963 – 18.05.2020)

Поэт, культуртрегер, сценарист, психолог. Москвич, член Союза писателей Москвы. Долгие годы был активным участником знаменитого литературного кабаре Алексея Дидурова «Кардиограмма». Позже совместно с Андреем Коровиным организовывал и вел вечера в Литературном салоне Музея-театра «Булгаковский Дом», участвовал в подготовке и проведении Международного литературного фестиваля им. М.А.Волошина (Волошинского фестиваля). Основатель проекта «Слова на ветер», в рамках которого создавалась фонотека записей современных поэтов, читающих свои стихи. Издано две книги стихотворений: «Unplugged» (2001), «Вид сверху» (2008). Публиковался в журналах «Дружба народов», «Кольцо А» и др. Был победителем Всероссийского конкурса «Неизвестные поэты России», организованного в рамках Всемирного конгресса Международного ПЕН-клуба, проходившего под эгидой ЮНЕСКО. В 2020 г. в возрасте 56 лет жизнь Лёши Ефимова неожиданно оборвалась.

НА ОДНОМ ДЫХАНИИ

Сердце стонет сарабандой,
Стиснул зубы, не дышу,
Крымский воздух контрабандой
Сквозь границу провожу,

Тот, который, словно жало,
Ты оставила во мне
Тот, которым ты дышала
В этой сказочной стране,

Ведь таможенникам этим
Объясняй еще полдня:
Разом воздух весь на свете
Стал отравой для меня.

Без вещей, с вокзала прямо –
Компас бесится в мозгу –
Сквозь московскую рекламу,
Сквозь московскую тоску,

Буйный дервиш в тапках драных,
Стрелкой, бьющейся в часах,
Только камешки в карманах,
Только звездочки в глазах,

Словно небо в Персеидах,
Но пока еще не сдох,
Подойти к тебе – и
выдох,
выдох,
выдох,
выдох,

Вдох!

* * *

Птицы крошками со стола, трасса, пестрая, как френдлента. Это место, где ты жила, называется Фиолента. Южный день невесомей сна, крымский воздух хмельнее пива, и укачивает волна – дзен массандровского разлива. Небо Бог рукавом протер, лодки – на сковородке шкварки...

Жизнь, бездарная, как актер, исполняющий все ремарки.

Грели южные холода, детки трахались, барды пели. Как скучал по тебе тогда я, оставшийся в Коктебеле! Мир, как будто перед концом, натянулся подобьем лески. Что спасало? Здоровый сон да короткие смски. Будет жаль, и когда умру: мне рвануться к тебе сквозь мрак бы, лед пробить, прорубить кору и добраться до чистой магмы, утром в ухо тебе вздохнуть – не отыщешь волшебней зрелищ – и шепнуть: «Я не мог заснуть. Я боялся, что ты исчезнешь».

Ведь иначе и нас с тобой; тех, кто в «теме» и кто не в «теме» – всех в единый культурный слой беспощадно спрессует время. Это просто, как снег, смотри: если б мы хоть чуть-чуть любили, то истлели б календари и будильники не звонили.

Ибо выведено давно, до Норд-Оста и интернета: мир способно спасти одно, если ты и не веришь в это, ибо только любви глоток даст нам выдержать свой экзамен, ибо где и возможен ток – между разными полюсами, ибо страждущим первый приз не сулит ни бабла, ни чина.

Ибо всё, что имеет смысл –
это Женщина
и Мужчина.

* * *

Расплавив взглядом глаз лучистых
И пожелав различных благ,
Она уходит с гитаристом.
Ты остаешься, как дурак.

Да ерунда, поэт, не кисни,
Давай-ка, братец, без обид:
Есть повод радоваться жизни,
Господь тебя опять хранит,

Ведь ты лишился, между нами,
Непродуктивных личных драм,
Горючих слез, уходов к маме
И объяснений по утрам.

Поскольку, как в кино дешевом,
К сопернику прильнув плечом,
Они уйдут то с дирижером,
То с тенором, то с трубачом.

ПОСОЛ

В меру пьян и не в меру зол –
По щеке растираю жижу.
Ненавижу тебя, посол
Одиночества.

Ненавижу.

Ты укладываешь в ряды
Зерна боли. Ты вместо Бога,
И уверен до тошноты,
Что останешься здесь надолго.

Ты подносишь бокал вина —
Рябь на дне серебром на черном —
И бравада моя смешна,
И надежда моя никчемна.

Но пускай мне осталось жить,
Вспоминая, тоскуя, молча —
Я еще не готов сложить
Окончательно полномочья.

Ну рискни, ну попробуй, тронь —
Так и просится меч из ножен.
Я пока еще здесь король!
Может, предан — но не низложен.

Ты — единственное из зол,
Не соперник. Щенок. Мальчишка.
Я убил бы тебя, посол.
Но война — это будет слишком.

НОВОГОДНЕЕ УТРО

Новогодний рассвет неяркий,
В туалете журчит вода...
Открываешь свои подарки,
А в коробочках —пустота.

Заскорузлый салат на блюде,
Руки-ноги из-под тряпья —
на полу досыпают люди,
Проходящие сквозь тебя.

Как младенец, что плачет часто
И кусает пустую грудь,
Как пластина из пенопласта,
Вдруг решившая утонуть,

В пыльной зале, где свет сквозь щели,
Ты — танцующая на стекле,
Приземлилась бедняжка Элли
В не волшебной совсем стране.

Всей-то радости злому сердцу
В ожиданьи времен иных —
Персональный такой Освенцим
Из любовников отставных.

Так и пишется жизнь — штрихами,
Кровью медленной по ножу...
Я беспомощными руками
В сокрушении развожу.

Как в ладони зажатый уголь —
Ты, решившая всё за нас.
Будь я трижды Великий Гудвин —
И тогда б никого не спас...

Постою под холодным душем.
Дело мебели — сторона...
А тебе ведь никто не нужен.
Ты сама себе не нужна.

* * *

Вот он, Господи, твой уке* —
Я в порядке, живой пока.
Муха, тонущая в молоке,
Губы с привкусом табака.

Вот, опять я попал впросак —
А чего ты, прости, хотел?
Все мы — бревна в твоих глазах,
Совершенство — не наш удел.

Всё пройдет, ничего не жаль.
Ты ведь можешь, давай больней.
Только, Господи, не мешай —
Я почти попрощался с Ней.

И к началу твоих начал,
Видишь, в очереди стою...
Но печаль-то, Господи, но печаль
Разве будет в твоем раю?

* * *

Греть бы пальчики, кушать конфетки,
незатейливо жизнь рифмовать,
и в объятьях капризной нимфетки
эту зиму пере-
зимовать,

Пить напитки не крепче микстуры,
да из хлеба зверюшек лепить,
и шедеврами литературы
ненасытную печку топить.

Чтоб в прихожей — от обуви лужа,
чтоб в углах — запустенья печать,
очень нежно и очень ненужно
в доме музыка будет звучать.

Но покуда — такой дешевизны
снег, которым укрыта страна,
ибо снег — это пепел отчизны,
а отчизны у нас до хрена.

Невеселый пейзаж, ёлы-палы,
как на вечной гражданской войне;
и какие не щелкай каналы,
всё одна передача в окне —

лишь полоска неясного света
сквозь узор ледяной хохломы...
Даже как-то не верится в лето
в эпицентре московской зимы.

Да и то — ни за что не поверю,
коли нет доказательств прямых:
и рассчитывать я не умею,
и надеяться я не привык.

Рисунок Александры Николаенко.

* * *

Барон Мюнхгаузен не врал —
Он просто побывал в России,
Где, как приличный, по утрам
Лечил похмелье лососиной;

Где в чистом поле как-то раз
На пару с Марфой-шалунишкой
Напиток под названьем квас
Его порадовал отрыжкой;

Где снег — судьба, не вещество,
Где мягче плахи нет подушки,
И очень даже ничего
Томят огурчики в кадушке;

Где и еврейский есть вопрос,
И лже-цари, и лже-наука,
Где за троих тягают воз,
Как прежде, лебедь, рак и щука;

Где мудрость превращают в дурь,
Поминки превращают в пьянку,
Где шьют тулупы мехом внутрь,
А души носят наизнанку;

Где что ни сумка — то сума,
Где за державу, блин, обидно,
Где горе даже от ума,
А счастья днем с огнем не видно;

Где всякий нищий — грамотей,
Но дураку дают дорогу,
Где вроде всё как у людей,
Но всё равно — не слава Богу;

Не голова — душа болит,
И в споре верх берут лишь глоткой,
Назойлив местный колорит
С его пельменями и водкой;

---

* УКЕ — противник; партнер, осуществляющий агрессивные действия.

Согласно этике Айкидо, Уке — это часть Наге, которая защищается.

Это одно из проявлений главного принципа Айкидо — принципа гармонии.

Где смерть за счастье на виду,
Где привкус крови всё имеет...
Ну, разве в эту ерунду
Нормальный человек поверит?

* * *

Никто здесь никому не нужен;
Вращайся — мир, судьба — вершись.
С упорством елочных игрушек
Мы разбиваемся о жизнь.

В ашраме, церкви и костеле
Мы ищем нас, которых нет —
Провинциальные актеры
С надеждой на ангажемент.

Но жизнь покруче DOOMа шутер...
Что остается? — быть умней
И не забыть включить компьютер,
Когда в один из этих дней

Господь пришлет тебе на «мыло»:
Hi, there — смайлик — слушай, брось:
Возрадуйся тому, что было,
Наплюй на то, что не сбылось.

* * *

Время тянется, не рвется,
Как резиновая нить.
Что мне в жизни остается?
Веселиться. Веселить.

Выдувая смысл из бреда,
Бриллианты из стекла,
Добродушного соседа
Попугать из-за угла,

Изучить иврит и идиш,
На одной скакать ноге,
Затопить для хохмы Китеж,
Сжечь для смеха Карфаген,

В счет дешевого успеха
Бить баклуши, дуть в дуду...
А когда уже от смеха
Будет мне невмоготу,

На предмет последней шутки,
Чтоб в веках оставить след —
Умереть.
На проститутке.
В девяносто девять лет.

ПОСВЯЩЕНИЕ 3-МУ ВОЛОШИНСКОМУ ФЕСТИВАЛЮ

Снимая всякие вопросы —
Ни пяди города врагу —
Гуляют пьяные матросы
На берегу, на берегу!

Надежды нет уже и близко,
Что дело кончится добром.
Течет рекой шотландский виски,
Фонтаном бьет ямайский ром.

Трактирщик, к худшему готовый,
Имеет нездоровый вид,
И прочь от улочек портовых
Еврей-процентщик семенит.

Они идут походкой валкой
И не намерены шутить —
И даже профессионалки
Боятся в город выходить...

Но как-то вдруг слегка мелеет
Спесь покорителей морей,
И в замешательстве бледнеют
Наколки дев и якорей,

Когда сирена прозвучала —
Долой от проклятой земли
От суматошного причала
Уходят в спешке корабли,

Не грузят воду и галеты
И опоздавшего не ждут,
Поскольку пьяные поэты
Уже по городу идут!

АНДРЮХЕ КОРОВИНУ

Ты живешь, как порог реки,
Как тоскливый сквозняк в трубе,
Как убитый свои кишки,
Прижимая любовь к себе.

Словно цезарь в своей жене,
Ты уверен в повестке дня —
И твердишь, как больной во сне,
Заклинанье: «Люби меня!»

Таракан по стене побёг
На авосе, на кураже,
И товарищу невдомёк —
Бег его не спасет уже,

И тебя уже не спасет
Ни астрал, ни любовь наяд,
Ни полезный пчелиный мед,
Ни целебный змеиный яд,

Ни движенье народных масс,
Ни принятье эффектных поз —
Только Бог и полюбит нас,
Как любил говорить Христос.

ПУТЬ САМУРАЯ

Вся жизнь проходит от любви до смерти.
В раю, в аду, вблизи или вдали
Передерутся ангелы и черти —
Но жизнь стоит на смерти и любви.

Ты притворишься золотою рыбкой,
Наобещаешь счастья на века —
Но видит Бог, прописана с ошибкой
Моей судьбы командная строка.

И я, ища себя при свете тусклом,
Обрел иммунитет к таким вещам:
«Тебе же говорят на устном русском,
Что счастия никто не обещал!»

Играй в войну, в беспамятство и в прятки,
Тянись до неба, упираясь в твердь —
Живи, короче — но в сухом остатке
Смерть и любовь, мой друг, любовь
и смерть.

И вот он — путь, достойный самурая,
Как есть: в любви рождайся и живи,
И умирай — и только умирая
Ты обретешь бессмертие любви.

Рисунок Александры Николаенко.

«И БОГ ГЛЯДИТ В ГЛАЗА – И ГЛАЗ НЕ ОТВЕСТИ...»

Валерий ПРОКОШИН
(26.12.1959– 17.02.2009)

Поэт, прозаик, журналист. Родился 26 декабря 1959 года в деревне Буда Калужской области. Окончил Ермолинское ПТУ, по специальности – электрик. Работал электриком, кочегаром, редактором на городском телевидении, в Боровском центре социальной помощи семье и детям «Гармония». Автор книг стихов: «Поводырь души» (1991), «Боровск. Провинция» (1992), «Новая сказка о рыбаке и рыбке» (совместно с Э.Частиковой) (1999, 2000), «Между Пушкиным и Бродским» (2006), «Прогулки по Боровску» (совместно с Э.Частиковой) (2008). Под псевдонимом Евгений Козинаки опубликовал несколько детских книг. Стихи публиковались в журналах «Волга-XXI век», «День и ночь», «Дети Ра», «Крещатик», «Новый Берег», «Подъём», «Родомысл», «Футурум АРТ», «Florida» и других, в альманахе «Илья», в книге «Приют неизвестных поэтов», а также в интернете. Лауреат областных литературных премий им. Валентина Берестова и Марины Цветаевой, премии журнала «Футурум АРТ» (Москва), финалист Илья-Премии (2002) и Международной литературной Волошинской премии (2008), дважды дипломант Международного литературного Волошинского конкурса (2004 и 2006). Неоднократно выступал в Булгаковском Доме. В последние годы жил в г. Обнинске Калужской области. Похоронен в г. Ермолино Калужской области. В Булгаковском Доме с 2009 г. регулярно проходят вечера, посвященные памяти В.И.Прокошина. В 2014 году была учреждена Всероссийская Прокошинская премия поэтам русской провинции (председатель жюри – Вениамин Смехов). Посмертно издано несколько книг стихов и прозы В.Прокошина, в том числе книга избранных стихотворений «Тяжелей чернозёма», составитель А.Коровин (2019).

* * *
Выйти из дома, пройти мимо старой котельной,
Школы, церквушки — и дальше, такая идея.
И заблудиться — и выйти на берег кисельный,
Господи, где я?

Вечер — на вдохе — густой, словно каша из гречки,
Сотни июльских мурашек промчались по коже:
Девушка с парнем лениво выходят из речки —
Голые, Боже!

Медленный танец и ангельский звук песнопений,
Краски смешались и стали почти неземными.
Что это с ней... почему он встает на колени...
Что это с ними?

Мне этот мир недоступен... отравленный воздух —
Выдох... вжимаюсь всем телом в березу, как дятел.
И наблюдаю за тайными играми взрослых.
Я — наблюдатель.

— Кто это там, в голубом полумраке прищура
Целится взглядом безумным, как камень в полете?
— Тише. Смотри, этот мальчик похож на амура,
Только из плоти.

* * *
В январе этот вымерший город рифмуется с тундрой,
Потому что ветер срывается с крыш ледяною пудрой
И летит в переулки, которым названия нет,
Где божественный SOS отзывается полубандитской полундрой,
И ментоловый вкус на губах от чужих сигарет.

Здесь чужие не ходят: шаг влево, шаг вправо — и мимо
Остановки, которой присвоят геройское имя
Отморозка пятнадцати или шестнадцати лет.
Переулками можно дойти до развалин Четвертого Рима
И войти в кипяченые воды реки Интернет.

Впрочем, вся наша жизнь — электронная версия Бога:
Этот город, зима, и к тебе столбовая дорога —
Мимо церкви, по улице Ленина, дом номер два.
Если я иногда возвращаюсь к тебе, значит, мне одиноко
На земле, где душа завернулась, как в кокон, в слова.

Всё слова и слова, что рифмуются слева направо,
Не взирая на жизнь или смерть, словно божья отрава —
Боль стекает медовою каплей с пчелиной иглы.
В темноте переулками вдруг пронеслась отморозков орава:
Снегири, свиристели, клесты, зимородки, щеглы...

* * *
Брошусь в майскую пену
Сада, и как назло,
Встречу девочку Лену
Вместе с Гришкой-трепло.

И обидой морозной
Захлебнувшись всерьез,
Побегу сквозь колхозный
Сад, ослепший от слез.

Пролечу мимо детства
Пестрой тенью скворца,
С разорвавшимся сердцем
Семилетний пацан.

Мама с полною крынкой
Встретит возле крыльца:
— Что случилось, кровинка,
На тебе нет лица?

И разломится утро
Половинками дня.
— Мама, Ленка-лахудра
Разлюбила меня!

— Дурачок, разве кроме
Ленки нету девчат...
И сметаной накормит,
Добродушно ворча.

Смажет ссадину йодом
Чуть повыше локтя.
И покажется медом
Жизнь земная моя.

* * *

Провинция —
Убогие места,
Тысячелетья варварства и чуда.
— Кто здесь живет?
— Наверное, Иуда.
Сады, церквушка, кладбище, верста.

Провинция —
Библейские места,
Тут век пройдет, пока воскреснет слово.
Сады, церквушка, кладбище, Голгофа.
— Кого распяли?
— Кажется, Христа.

* * *

Вячеславу Черникову

Перемешались буковки
У ангела во рту.
От Боровска до Бутовки
Июль провел черту.

На небе ни кровиночки —
Бескрайний синий холст.
А жизнь — посерединочке,
А лето — в полный рост.

И с ангелом-заикою
Я заглянул за край:
Усыпан земляникою
Наш путь из рая в рай.

И зреет медной луковкой
Церквушка на крови.
Меж Боровском и Бутовкой —
Немой восторг любви.

* * *

Край непуганых ангелов, лохов и пчел,
Где мы жили с тобой понарошку.
Я почти что всего Мандельштама прочел.
Догорала церквушка за правым плечом,
Где-то слева светилось окошко.
Жизнь, казалось, совсем ни при чем.

От цветочного меда слипались глаза,
В гнездах ангелы сонно шептали —
О любви к Мандельштаму. И все были — за,
Даже падшие. И вспоминалось, как мы
Запрещенные книги читали,
Не боясь ни тюрьмы, ни сумы.

Даже в тесной постели, почти между строк —
На измятой сентябрьской странице
Мы, обнявшись, зубрили внешкольный урок,
Словно две перелетные птицы.
И, дымя папироской, всю ночь по пятам
Шел за нами О.Э.Мандельштам.

А под утро границы имперской любви
Размывались: от местной таможни
До сусальной церквушки, той, что на крови.
Ты шептала, уткнувшись губами в плечо:
Спать с тобой нагишом невозможно...
Впрочем, Осип Эмильевич здесь ни при чем.

* * *

Ты вспоминаешь райский сад, а я туда забыл дорогу.
Какая разница: в какой империи молиться Богу,
Какой показывать рукой на Иерусалим, какая
Мне разница. Я здесь живу, из тени в свет перелетая.

Ты вспоминаешь яблок вкус с такой тоской, что скулы сводит.
Какая разница: рабом каких страстей быть на свободе —
В чужом, обманчивом краю, какая разница слепая,
Кто соблазняет нас опять, из света в тень перелетая.

Ты шепчешь: я тебя люблю. Но смотришь с завистью налево.
Какая разница, с какой спать женщиной: все бабы — Евы.
Какая разница, с какой восточной хитростью Китая,
Допустим, ты изменишь мне, из тени в тень перелетая.

Ты все еще живешь в раю, а я разочарован тайной.
Какая разница, с какой церковной маковки сусальной
Мне шестикрылый Серафим помашет крыльями, взлетая...
Где русский журавлиный клин, где ангелов святая стая —
Какая разница, какая...

* * *

Я останусь нынче в Санкт-Петербурге,
Покатаюсь ночью на Сивке Бурке,
Только ты о прошлом не суесловь.
В переулках Кушнером бредят урки,
Пресловутый топор под брюхом каурки,
В проходных дворах леденеет кровь.

Для тебя, Иосиф, и прочих рыжих —
На Фонтанке культовый чижик-пыжик,
Не зови с собой его, не зови.
От прощаний привкус болиголова,
Только ты о прошлом теперь ни слова,
Что с того, что миф у меня в крови.

Не хочу быть сказочником дешевым,
Встань травой, примятой Петром Ершовым.
Город словно налит по грудь свинцом.
Ностальгия шепчется с конвоиром.
Вдоль реки, разбавленной рыбьим жиром,
Фонари стекают сырым яйцом.

В потемневших водах Невы с обидой
Ленинград рифмуется с Атлантидой,
Не заглядывай за погасший край.
Эту жизнь делить нам с тобою не с кем,
Мы вернемся в рай опустевшим Невским,
Мы вернемся в рай, мы вернемся в рай.

* * *

Зимой в Крыму почти тоска, воспоминаний хмель,
И чаще прозе, чем стихам, отстегиваешь дань.
Уехать бы ко всем чертям за тридевять земель —
В Казань, Рязань, Тмутаракань... короче, в глухомань,
И пусть состарившийся Бог качает колыбель.

Зимою Крым со стороны похож на акварель.
Я помню этот сон во сне в разводах января:
Пастель двух обнаженных тел, струящихся в постель,
И виноградный свет луны в осколках янтаря...
Зачем мне через двадцать лет озябший Коктебель?

Зимою память слаще, чем из детства карамель,
И я сквозь горечь лет не раз заглядывал за грань
Своей любви, когда спешил за тридевять земель —
В Нахичевань, Назрань, Тайвань... в любую глухомань.
Но всюду Бог. Он до сих пор качает колыбель.

* * *

Андрею Коровину

Если к Черному морю однажды приехать — больным, одиноким,
расстроенным,
если моря не видеть, а лишь представлять, словно Морис Дрюон.
Пить весь день, пить весь вечер, всю ночь коктебельский коньяк
с непутевым Коровиным,
вспоминая всё время другую Итаку — советских времен.
Мы там были и пили — по три шестьдесят две, в обычную русскую
складчину,
но с французским душком были речи, и мысли, и помыслы все:
революция, родина... только потом вечно скатывались в азиатчину:
всё про женщин, про баб, про б...дей, и какой, мол, дурак Одиссей.
Мы там были на этой Итаке, скажи, мы клялись, что не будем
такими же,
если что — не вернемся ни к падшей жене, ни к пропащей стране...
Если к морю приехать больным, постаревшим, короче,
с затасканным имиджем —
в темноте это Черное море по-черному черным вдвойне.
К опустевшему берегу, дикому пляжу спускается пьяная улица:
кто там голый по пояс стоит? Отвернусь от его наготы.
И на счет раз-два-три повернусь и увижу, что море совсем
не волнуется,
что его не волнуют ни Понтий, ни Понт, ни чужие понты.

* * *

Мне холодно с тобой, но больше — одиноко,
Во тьме не разглядеть: куда теперь грести,
Где Бога снежный след, а где безумье Блока?
И некому сказать последнее «прости».

Я не люблю страну, где Родина — в придачу,
И где в угоду всем я то и дело лгу.
Мне ничего не жаль, и я почти не плачу,
Вдевая нежный март в апрельскую иглу.

Я знаю: всё пройдет, лишь выползет наружу,
По вспаханному полю очерчивая круг,
Нездешняя печаль. И растревожит душу
Крик поезда вдали, сбежавшего на юг.

Отсюда уезжать — какой корысти ради,
Сжимая чернозем в отравленной горсти?
В Венеции — чума, блокада — в Ленинграде,
И Бог глядит в глаза — и глаз не отвести.

* * *

говорю тебе пока мы налегке
говорю тебе на птичьем языке
до-ре-ми-фа-соль-ля-си и снова до
ну, зачем нам разоренное гнездо
пусть лежат как письмена в стране глухих
эти сломанные прутики ольхи
наша родина теперь в другом краю
на чужбине штат айдахо говорю
а в россии пусть страдают от любви
от любви неразделенной воробьи
говорю тебе не спорь и не суди
море лаптевых осталось позади
льется речь моя отравленной водой
до-ре-ми-фа-соль-ля-си и снова до
мы летим уже над стиксом говорю
я люблю тебя... и я тебя люблю

ИЗ ПОЭМЫ «МАТЬ-И-МАТРИЦА»

Заучив расписание вместе с разлукою,
Сяду в поезд, не ведая, что под Калугою
Вдруг нахлынет чужая, холодная древняя
Ностальгия по имени Анна Андреевна.
И воскреснут над умершим, мартовским снегом
Имена обожженных Серебряным веком.
И почудится: время чужими страницами
Шелестит, словно ночь — перелетными птицами.

Поезд в прошлое мчится: история в панике,
Ностальгия всю ночь дребезжит в подстаканнике.
Кто-то долго стучит кулачком под колесами.
Возвращается классика страшными дозами.
И мелькают за окнами снова и снова —
Переделкино, Внуково и Комарово...
Вновь судьба на ладони — рублевою решкою,
Девятнадцатый век оглянулся с усмешкою.

Мне казалось, что это виденье не кончится,
Даже в самом конце моего одиночества.
Но приходят другие — менять расписание
Там, где Осип с Иосифом ждут обрезания.
У пришедших, крещенных вчера Интернетом,
Ничего за душой, кроме юности, нету.
Хоть в Москве, хоть в Париже... да хоть под Калугою
Всех заносит одной виртуальною вьюгою.

ИЗ ЦИКЛА «ВОРОВАННЫЙ ВОЗДУХ»

1
Вот те Бог, он сказал и кивнул то ли вверх, то ли просто вбок,
вот порог, он добавил, ступай. И я шагнул за порог,
я дышал ворованным воздухом — и надышаться не мог.

Я не мог говорить — я боялся, что мимо спешащий Бог
попрекнет ворованным воздухом, взятым как будто в долг,
что ему все эти тексты, фразы, слова, или даже слог.

Я боялся Бога — Он был справедлив, но капризен и строг.
Я молчал все утро, весь день и весь вечер, я падал с ног.
И ворованный воздух, сгущаясь, чернел, превращался в смог.

Ночь упала плашмя у ног, как непрожитой жизни итог.
Итого: ворованный воздух гудит в проводах вдоль дорог.
Всё напрасно, Господи, слышишь?.. Слышит, слышит — на то и Бог.

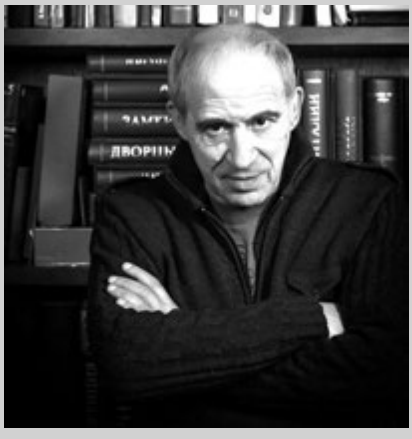
Не воруй, говорит, даже воздух, добавил. А сам-то, сам
то и дело шепчет, я слышал, вздыхая: сим-сим, Сезам,
видно, трудно ему не дышать, привыкая к чужим слезам.

3
Сад осенний, сад вишневый, сад больничный —
То ли Чехов, то ли Бунин&Толстой.
Разговаривать о Боге как о личном
С пожилою, некрасивой медсестрой.

Вдруг сравнить себя с собакою на сене —
Между ангелом и бесом... А вокруг
Сад вишневый, сад больничный, сад осенний
По-библейски замыкает ближний круг.

Вот и бродишь в нем почти умалишенный
С продолжением истории простой:
Сад больничный, сад осенний, сад вишневый —
Гефсиманский, год две тысячи шестой.

«МИР УЖЕ НЕ РИФМУЕТСЯ...»

Ефим БЕРШИН

Поэт, прозаик, публицист. Работал в редакции «Литературной газеты», был военным корреспондентом во время боевых действий в Приднестровье и Чечне. Автор нескольких книг стихов, двух романов и документальной повести о войне в Приднестровье «Дикое поле». Произведения печатались в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Континент», «Стрелец», антологии русской поэзии «Строфы века» и т.д., многие стихи переведены на иностранные языки. Лауреат многих литературных премий.

* * *

Мир уже не рифмуется. Бог
не рифмуется с небом бездонным.
Так в волнах заблудившийся бот
не рифмуется с портом и домом.

Над землей прокатившийся смерч
не рифмуется с солнцем весенним,
как сугробы — с капелью, как смерть
не рифмуется с воскресеньем.

Я уже не рифмуюсь с тобой,
как еврей и вельможная пани.
Слышишь, вою фабричной трубой
из окна замороженной спальни?

Только бездна струится из дыр —
из дивана, из кресла, из пола.
Мир уже не рифмуется. Мир —
пустота опустевшего поля.

Я собою закрою дыру,
прилипая к воскресному креслу.
И уже никогда не умру.
И уже никогда не воскресну.

* * *

Господи, вспомни, ведь это же я —
в новой матроске.
Рядом со мною мама моя
на перекрестке.

Так и стоим под ослепшим дождем
южного полдня.
Словно чего-то по-прежнему ждем.
Господи, вспомни!

Сам меня выбрал и Сам не узнал,
и никогда не узнаешь, похоже.
Я ничего Тебе не доказал.
Ты мне — тоже.

* * *

Это яблоко. Яблокопад.
Это якобы сумерки.
Якобы
это Ева идет через сад.
подбирая опавшие яблоки.

Это яблочный Спас. Это путь
тишины, выходящей из тени.
Контрабас,
контраболь,
контрапункт
приглушенного грехопаденья.

Это вечера стертый пятак
нагоняет ненужные страхи.
Это яблоки падают так,
будто головы падают с плахи.

И уже не дано надкусить
ни плода, ни случайной удачи.
Никого не дано искусить
в подмосковном Эдеме на даче.

И Господь меня не отлучит,
обрекая изгнанью и стуже,
не затем, что я праведно чист,
а затем, что я больше не нужен.

Я лежу, как пятно на холсте.
Я упал.
Я сегодня при деле.
Я прикован к своей наготе,
как любовник к постылой постели.

И небес дождевая вода
осторожно смывает усталость.
Подберите меня, господа, —
нас немного осталось.

* * *

Памяти мамы

Собака лает.
Ветер носит.
Луна бежит на поводке.
Внезапно выпадает осень,
гадая ливнем по руке.

И клен, лишившийся убора,
метлой гоняет лунный челн.
И жизнь, калиткой без забора,
скрипит неведомо зачем.

А что нам надо было в мире?
Заполнить пустоту листа?
Я тоже в придорожном тире
когда-то мазал сто из ста.

И, слава Богу, — шиш в кармане,
вода в ладони да тоска
внезапная, как мысль о маме,
уснувшей посреди песка

в чужой измученной пустыне,
где царствует верблюжий зной,
и память о заблудшем сыне
едва влачится за страной,

где нет ни осени, ни снега,
ни ливня, чтоб ночами лил.
Одно расплавленное небо
лежит на выступах могил.

Две жизни в их пути недлинном
пытаюсь нанизать на нить.
Но это небо с этим ливнем
мне не дано соединить.

* * *

Опять горнист исход трубит,
подталкивая к землям дальним.
Но тополем пирамидальным
я насмерть к берегу прибит.

Пространство — фикция. Оно
к себе притягивает страстно
лишь тех, которым не дано
перемещаться вне пространства.

И лист тускнеет, как медаль,
в грязи родного бездорожья.
Но он не улетает вдаль —
он умирает у подножья.

* * *

Пока по эту сторону земли
мы спали, в небесах случилась осень,
пошли дожди,
и вымокшие осы
ручьем по подоконнику текли.

Мы вышли в Гефсиманию.
И тень
легла к ногам неведомо откуда.
Уже вполне напоминал сирень
до синевы удушенный Иуда.

И камни выползали из травы,
и нищие шептались у дороги
о том, что не сносить нам головы
за эту страсть.
И месяцем двурогим

цвела корова в утреннем дыму,
и мир сошел с ума по вертикали,
все перепутав,
отомстив всему
тому, что было создано веками.

Сочилась церковь Спаса на Крови,
как в воду опрокинутая чарка.
Хрустел песок.
За нами шла овчарка,
ощерив пасть в предчувствии любви.

* * *

Луну зарезали под утро,
в шестом часу, в канун Покрова.
Как перевернутая урна,
валялось небо у парома.

Вороны раздирали воздух
осколками ушедшей ночи,
гортанно падая на воду
и рассыпаясь многоточьем...

Уже ничто не отделяло
от наступающего снега —
лишь край стола да одеяло,
да женщина на фоне неба.

Она под утро воскресенья
явилась в снежном, ветхом платье —
последней милостью осенней,
последним знаком о расплате.

Остановились дни и числа.
Среди реки застыло судно.
Шел первый снег,
шел снег пречистый
на мир, исполненный абсурда,

на мир, где улица томилась,
меняя лики на личины,
где Божий гнев и Божья милость
уже почти неразличимы.

* * *

Снег идет неслышно, по-кошачьи,
хлопьями, как лапами, шурша
там, где зачарованный, дрожащий
синий ельник стынет, не дыша,

там, где между небом и землею
нет границ и обнажилось дно,
снегом, словно белою золою,
прошлое уже погребено.

Я ушел и больше не нарушу
ваш покой бесценный, ваш ночлег.
Словно небо вывернув наружу,
снег идет, обыкновенный снег,

тайный, словно тайные любови
или тени на исходе дня —
где-то рядом, за пределом боли,
где-то там, где больше нет меня,

снег идет, крадется и занозит
душу, словно нищенка с сумой.
Бог ты мой, ну как же он заносит!
Как же он уносит, Бог ты мой!

И уже не различить причала,
и уже не различить лица.
Если можешь, начинай сначала
эту жизнь.
А я начну — с конца.

* * *

Распахни свое зеркало настежь и тихо войди
в этот мир, отразивший закат и дыхание лилий.
Там такие же сумерки нынче и те же дожди,
что сперва на Волхонке, а после на Сретенке лили.

Распахни это озеро настежь, как створку окна,
и узнаешь, что время — всего лишь налет зеленеющей ряски,
за которой светло, за которой у самого дна
возвращаются годы и живо меняются краски.

Там твоя электричка трубит, словно юный горнист,
покосившийся сруб устает за забором скрываться,
и такие же яблоки также срываются вниз
с обессиленных веток, как мне доводилось срываться

и в московскую черную ночь уходить налегке,
позабыв обо всем, позабыв о ночлеге и хлебе.
Никогда я не стану синицей в твоем кулаке.
Я твой вечный журавль.
Я твой крик в остывающем небе.

* * *

Я уже, наверно, тебе — никто.
Я тебе в этом времени журавлином —
как в шкафу отслужившее век пальто,
пересыпанное нафталином.

В небесах оставлены голоса
журавлей, что осенью улетели.
Уходя, оставлю тебе глаза,
чтобы день и ночь на тебя глядели,

доводя до безумия или до...
до того, во что и сама не веришь.
А в шкафу отслужившее век пальто
ты примеришь еще.
Обязательно ты примеришь.

* * *

Елене Черниковой

Осенний обморок. Лысеющий ноябрь.
Осколки листьев — августа осколки.
Жизнь погружается, как Китеж в Светлояр,
на дно заиндевевшего поселка.

Осенний обморок. Изнемогает дол.
И так пугает дальний грай вороний,
что так и хочется запрятаться в подол
добропорядочной Февроньи.

Осенний обморок. И медленно на нет
сошла луна сверкающей подковой.
И тихо так. И пробуется снег
на роль врача в больнице поселковой.

Как хорошо, что мы теперь вдвоем,
и снег приносит истины простые,
о том, что мы еще переживем
и тишину, и зиму, и Батыя.

* * *

Да что страна, ее леса и недра,
когда с какой ни глянешь стороны —
страна всего лишь продолженье неба,
как небо — продолжение страны.

И только снег, летящий мимо, мимо
чужих домов, где мог бы жить и я,
напоминает о единстве мира,
единстве быта и небытия.

Ведь в сумерках, лишенных дара речи,
так поступь снега сказочно легка,
что от покатых крыш Замоскворечья
почти неотличимы облака.

И кем бы мы не стали, обессилев, —
вечерней тенью, облаком, золой —
когда-нибудь небесная Россия
соединится с русскою землей.

«Я ЗДЕСЬ ЕДИНСТВЕННЫЙ МОЛЧАЩИЙ...»

Вячеслав КУПРИЯНОВ

Писатель, поэт, переводчик. Родился в Новосибирске. Окончил отделение машинного перевода и математической лингвистики переводческого факультета Московского педагогического института иностранных языков (ныне Московский государственный лингвистический университет). Переводчик Райнера Марии Рильке, Фридриха Гёльдерлина, Эриха Фрида, Ханса Мгнуса Энценсбергера и др. Автор книг «От первого лица», «Жизнь идет», «Эхо», «Дайте договорить», «Противоречия: Опыты соединения слов посредством смысла», «Книги о верлибре» и др.

КОТ ЗАМЫШЛЯЕТ УБИЙСТВО МЫШИ

Булгаковскому черному коту

Кот замышляет убийство мыши
Мысленно гладит ее ласково по головке
Щекочет ее под мышками
Удивляется почему она не смеется
Кот старается ее разглядеть получше
Убедиться что она тоже его видит
Она понимает что ей надо его бояться
Кот хотел бы ее убить как можно нежно
Кот удивляется почему она еще не плачет
Кот задумывается что же будет дальше
В чем смысл этого легкого убийства
Кроме того что кот может это сделать
Кот начинает верить в появление мыши
Идущей навстречу его коварству
Кот понимает что мышь точно знает
Что ей следует ожидать от этой встречи
Ибо кот замышляет убийство мыши
И пока кот обдумывает уже
совершенное убийство
Мышь не появляется и все еще живет
на свете

ПОЭТЫ

Поэты жили некогда в Китае
И для высокой вечности писали,
Свое предназначение считая
Прекрасной данью из грядущей дали.

Они обменивались письменами,
Где говорилось, что находка друга
Изысканнейшее из воспоминаний,
Небес нетленных чуткая услуга.

Течет неторопливое раденье.
Дорогой дальней на столе бумага,
И бросить все — привычное движенье,
И вновь начать — смиренная отвага.

То пишет посох по дорожной пыли,
То никнет кисть, то струны зазвучали...
Они и к нам бы чаще заходили,
Когда бы мы их искренне встречали!

* * *

Памяти Сигизмунда Кржижановского

Над кубатурой тяжелых зданий,
Над следом, где проходил трамвай,
Наполненный сворой живых созданий,
Билет пробивших из ада в рай;

Над Австралией и Океанией,
Над берлинской Курфюрстендамм,
Чуть выше забвения и понимания,
По направленью к святым местам;

Над завесой страстей и маний,
Над колонками хищных дат,
Над искрами вспыхивающих восстаний,
Над зыбкой сеткою координат;

Над страницами воспоминаний
О том грядущем, где жили мы,
Летела стая рукоплесканий,
Не отвлекая от дум умы,

Над грозными знаками препинания,
Над морем письменного стола
Летела стая рукоплесканий,
Но так виновника и не нашла.

* * *

Что мы нынче кличем благом?
О каких победах петь?
Снова хочется варягам
Смутной Русью володеть.

Ход истории изведав,
Вновь дробится русский стан
На дреговичей, венедов,
На радимичей, древлян.

Снова чудятся набеги,
Степь от полчища в пыли.
Половцы и печенеги
Выползли из-под земли.

Неразумные хазары
И расчетливый вестгот
Нам накаркивают кары
И готовятся в поход.

Попирают злые гунны
Свет религий и наук,
В тетиву свивают струны,
Лиру стягивают в лук.

Мы кричим в ответ: Не надо!
Мы же не идем на вы!
Нам вполне хватает ада
Петербурга и Москвы!

САРАНЧА

А пока еще тихо спит саранча
под мирный стрекот кузнечиков,
под струнные ансамбли цикад,
музицирующие хоры невидимок,
как будто это поют, еще
не съеденные, сами растения.

В каких забытых пустынях
превратятся песчинки
в бесчинствующих пучеглазых
живых врагов всего живого?
Какие грозовые облака
падут на землю кровожадным дождем
из тьмы и тьмы летящих голодных ртов,
нежданных соперников
еще неопершегося человечества?
Но пока еще тихо спит саранча,
пока еще тоска по мировому господству,
животная жажда съесть навсегда
свой собственный голод
не сплотила ее в живое цунами,
когда в каждом сухом крыле
заиграет зудящий танец с саблями,
и ринется воздушная пехота
сметать с земли все земное,
под самые корни, и тогда всему,
что еще выживет, негде будет
укрыться, кроме как стать
новой почвой для воскресения
безвременно павшей травы...

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Видно, слишком много слов
бросали на ветер —
так ветер пронзителен.

Видно, слишком часто
попадали пальцем в небо —
так небо туманно.

Видно, слишком у многих
горит земля под ногами —
так листья пылают.

Видно, слишком много воды
утекло с тех пор,
как мы общий язык не находим, —
так хочет вода застыть.

Сколько еще надо талантов
зарыть в остывающую землю,
чтобы опять
наступила весна?

МГНОВЕНИЕ ОСЕНИ

Лес горит —
полыхают
на деревьях листья,
и сквозь деревья видно
как на поляне
стоит всю осень
философ Михаил Пришвин
и уговаривает синиц
не зажигать
море.

ОТТЕПЕЛЬ

Солнце
Уже не так одиноко
Как над снегами. Робкая зелень
Надежный союзник. Скоро
Май придет
С днем Победы,
Июнь
С днем начала
Войны.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ЗЕМНОМУ ШАРУ

Грозен день и век суров,
Не печалься, сделай милость!
Спи, мой лучший из миров,
Где все худшее случилось!

Спи, огнеопасный шар,
Одинокий центр Вселенный,
Мирный час прими, как дар,
Спи, родной военнопленный!

Спи, небесный часовой
Сторож солнечной системы,
Не смутится твой покой
Даже если сгинем все мы!

Звезды приложи к виску,
Да не станет небо крышкой!
Спи с Европой на боку
И Америкой под мышкой.

Спи, космический малыш,
Что пройдет, то будет мило!
Да и мы, пока ты спишь,
Веруем, что в правде сила.

УКАЗ ПО ЗЕМНОМУ ШАРУ

Хорошо бы

Значительно уменьшить количество
событий в мире
в связи с очевидным снижением их качества
а также с невозможностью их
своевременного понимания
как естественным
так и искусственным интеллектом

Если не получается их уменьшить
то хотя бы не замечать их
а если их нельзя не заметить
то делать вид
что мы все это предвидели

Ведь потому все так и происходит
хотя мы все это предвидим
хотя и не понимаем
хотя мы этого не хотим
но все-таки никак не можем
отказать себе в участии
в каждом якобы неизбежном событии

ЗВЕРИНЫЙ МИФ

Человек на безвидной земле
Очень долго глядел на небо
Пересчитал все созвездия
И удивился их звериным названиям
Ведь зверей на земле еще не было
Человек воздел руки к звездам
И упустил к земле руки
И сквозь него посыпались на землю звери
Медведи львы киты и собаки
Орлы лебеди и хищные рыбы
Так человек хотел согреть небо
Но сам того не ведая оказался
В окружении одичавшего зверства
По его вине покинувшего свое небо
Совсем не питающего любви к человеку
С тех пор человек пытается тщетно
Найти способ вернуть зверей на небо
Опускает и поднимает руки
Но звери уже вселились в уютного человека
И только в его теле
Они нашли свою полную свободу

ЭСХАТОЛОГИЯ

Ожидаю бунта обезьян
Не бессмысленного и беспощадного
Но беспощадного и осмысленного
Пока до обезьян еще долго доходит правда
Что они были прежде нас
И значит они исторически важнее нас
И потому они должны вытеснить нас
Из наших тесных городских клеток
Об этом учат их другие продвинутые
обезьяны
Что пора уже выдвигаться стройными
рядами
Из лесных дебрей на опушку леса
Надо еще только дождаться
Когда их понесут вперед
На винтах своих древних корней
Военные корабли деревьев
Которые тоже были еще прежде нас
И с вершин которых хорошо видно
Где затаился исторический человек
В нетерпеливом ожидании
Конца своей хорошей истории

* * *

Родись когда и меня уже не будет
Расти цвети когда и меня обнимут корни
Любуйся светом когда тьма ко мне
привыкнет
Открой для себя все что я уже не увижу
Порывы ветра мерцание моря и неба
Запах дождя уходящего из облаков в мою
землю
Коварство людей их любовь и заботу
Жаль не услышишь я говорил будь
осторожней
Не увидишь как я глядел на паденье твоей
тени
Ты назовешь своим это другое время
И не узнаешь что я любил и люблю тебя
больше
Чем все кто тебя полюбит на белом свете

* * *

Моей жене Наташе Румарчук

Тщусь понять любой язык,
Связь корней с галдящей чащей,
Лес шумит, и я, лесник,
Здесь единственный молчащий.

Птицы празднуют зарю,
В быль возводят небылицы.
Если я заговорю,
Не поверят слуху птицы —

И еще какой-то миг,
Стаями по интересам
Превратятся в листья книг,
Пролетающих над лесом.

«ЖИТЬ У ЖЕЛЕЗНОЙ РЕКИ...»

Геннадий КАЛАШНИКОВ

Переводчик стихов с языков народов СССР. Дипломант Всесоюзного конкурса им. М.Горького за лучшую первую книгу (1984), премии «Московский счет» за лучшую книгу года (2007), Международного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (2015), премии Пушкинского общества Америки «Душа в заветной лире» (2016). Дипломант (первое место) литературной премии «Антоновка» (2021) и др. Работал в «Литературной газете», в издательстве «Эксмо». Публиковался в журналах «Юность», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов». Автор нескольких книг стихов. Член Правления Союза российских писателей. Живет в Москве.

* * *

В июньских Сокольниках шторка
раздвинулась дождевая.
Как хлеба шершавая корка,
теплом отдает мостовая.

И как часовые пружины,
что время свое отсчитали,
на лужах лежат недвижимо
бензина павлиньи спирали.

Земным воплощением мига,
весь желтыми бликами краплен —
трамвай, пробегающий мимо
деревьев, роняющих капли.

ДРУЗЬЯМ

светает истончается и тает тьма
свет это единственное что не может свести
с ума
что освещать ему все равно
он льется всегда
здесь бессмысленно слово давно
он льется всегда
здесь бессмысленно слово зря
не так как река состоящая из течения
и пескаря
он не знает числа
ему непонятна дата
он отвергает правоту циферблата
все — в остатке — ничто
за вычетом света
надевая пальто мы утверждаем что
кончилось лето
ему наплевать что лето переползает
в осень
он сам по себе
и сам по себе он очень
мы тоже отдельно но мы
больше зависим от тьмы
а он вездесущ
он любую кость изгрызет изгложет
ося леня сережа
он нас перетрет как часов пружины и оси
леня сережа ося
въедливей лесопилок крепче
камнедробилок горячее плавилен
вот он вползает в окна с виду совсем
бессилен
что ему чушь григорианского календаря
сережа ося леня
и я

* * *

Жить у железной реки возле станции...
Мастер в депо это облако выточил
Над полустанков тоской арестантскою,
Как у Платонова в прозе избыточной.

Сумма слагаемых — мелких, непрошеных,
Что промелькнут меж вагонов и строчек —
Насыпь со рвом и травою некошеной,
Анны Карениной красный мешочек.

Ясень неясный, как всадник в распутицу,
Воздух плацкартный, доверху затаренный,
Дождь, привязавшийся к позднему путнику,
Рельсы в тяжелой, холодной испарине.

Может, подскажешь, начальник дистанции,
Сцепщик вагонов, обходчик и стрелочник,
Сумма слагаемых высшей инстанции, —
Что еще там набежало по мелочи?

Точка отсчета наверно пропущена,
Как у топографа в створках планшета,
Жизни курьерской с огнями бегущими,
Прогрохотавшей вот так, без сюжета,

Лишь поманившей и синью, и сталью,
Облаком светлым с изнанкой морозной...
Тускло мерцают сквозь сумрак вокзальный
Раскрытые органы тепловоза.

Проблеск железной реки без течения,
Прописью сумма: пакгауз, барак,
Путеец бредет в полосе отчуждения,
Солнце садится. Не сядет никак.

* * *

Ночь пишет начерно кириллицей,
в упор глядит, глаза не прячет.
Как этот мрак проснуться силится,
вспять повернуть, чернеть иначе.

Чтоб белоглазой антарктидою
легли в полях снегов порядки,
чтобы безгласное, безвидное
вдруг облеклось в земные складки,

чтоб в снегопад себя обертывая,
как по реестру и кадастру,
легли на землю эту мертвую
репейников военных астры.

Уже спешат в потемках граждане,
не зная, что, собравшись с силами,
строчит повестки всем и каждому
февраль лиловыми чернилами.

Уже хрустит походкой кадровой
пехота пороха и праха.

Пасьянсы мертвые раскладывает
и нить сучит слепая пряха.

КОЛЛАЖ

Ритм пропорции смысла хранит.
Угадай, в каком ухе звенит,
коли в «Золушке» крысою кучер?
И за гвоздик, забитый в зенит,
зацепилась зеленая туча,
как закушенная губа.
Где-то сбоку пропела труба.
Даже птица, подбитая влет,
не совсем по прямой упадет,
как по парусу с ветром скользнет,
загибаясь, кривясь по дуге.
И Ньютон париком нам кивнет,
и секунду отмерит брегет.
Раскрутив языка колесо,
чуть спустя рукава закатаем.
Мясо, просо... Еще что на «со»?
Видно, числится «со» за Китаем.
За Китаем, за желтой Янцзы,
где гуляют одни мандарины.
Рифма-буква, а буква та — рцы, —
глуховатый напев окарины.
Раскрути колесо языка.
Я и сам неплохой музыкант.
Здесь фермата, здесь кода, а там
притулился сутулый тамтам.
Ремесло — это лодка. Весло —
переводчик воды на движенье.
Наилучшее, ибо без слов
в небе движется стихотворенье.

* * *

Здесь, в промзоне, где тени остры и узки,
где бесцельно-причудливы все закоулки,
эти травы сквозь щебень, щелей сквозняки,
эти ржавые прутья и эти куски штукатурки.

Здесь беззвучно пылает огонь-флогистон,
полыхает, кипит, ничего никогда не сжигает.
Это бывшее все, замирающий стон или звон,
прототип чего нет и чего никогда не бывает.

Это лежбище легких, не алчных добыч,
словно бродишь в распахнутом настежь
сезаме.
Это жизнь после жизни, лишь рыхлый кирпич
безучастными красными плачет слезами.

Здесь чернеют меж прочих неясных вещей,
что безропотно приняли нравы суровых
развалин,
очертанья могучих остывших печей,
многоцветные сколы шершавых окалин.

Это список утрат, безвозвратных потерь
каталог,
что обернут густой, золотой мишурой
паутины.
Не найдется того, кто осилить бы мог
пролистать его весь иль хотя бы
до середины.

Почему мне так близок твой тесный простор,
почему так понятен угрюмый твой образ?

Здесь так кротко молчат, никому,
ничему не в укор,
эта цвель, эта прель, безнадежные завязь
и обрезь.

Вот и смотрит душа и всегда, и теперь
в этот сумрак безглазый, стозевный,
безликий,
в эту вечную полуоткрытую дверь,
по которой взбегает тугая спираль повилики.

* * *

Не помня про меня,
скупой глотая воздух,
бредет любовь моя
по электричкам поздним.

Прижавшись лбом, во мрак
глядит через окно —
шлагбаум, дом, овраг —
не все ли ей равно.

Мелькает карусель,
снег падает и тает,
и звездная свирель
над нами не играет.

Умолкла наша высь
и не могла иначе,
постукивает жизнь
на скорости незрячей.

Запахнуто пальто,
распахнута окрестность
и понимает, что
нам больше не воскреснуть.

* * *

Ночная река, расширяясь, беззвучно
уходит во тьму,
там что-то дрожит и пульсирует слева
поток замирает, и низко склонилось к нему
бессонницы серое голое древо.

Тяжелая птица сутуло сидит на суку,
из мрака во мрак переходит неясная нежить.
Прихлынет волна — про любовь и тоску,
отхлынет волна — про разлуку и нежность.

Такая любовь, что и ельник горбатый колюч,
такая разлука, что реку сгибает в излуку.
Сквозь черную воду мерцает серебряный
ключ,
и больно туда опустить ослабевшую руку.

Как страшно река обрывается: сразу и вне
любых оговорок, всплывает изглоданный
ревностью камень,
дробится луна на беззвучной покатой волне,
и рыбы плывут, и луну задевают боками.

* * *

Последний трамвай, золотой вагон,
его огней перламутр,
и этих ночей густой самогон,
и это похмелье утр,
как будто катилось с горы колесо
и встало среди огня,
как будто ты, отвернув лицо,
сказала: живи без меня, —
и ветер подул куда-то вкось,
и тени качнулись врозь,
а после пламя прошло насквозь,
пламя прошло насквозь.
огонь лицо повернул ко мне,
и стал я телом огня,
и голос твой говорил в огне:
теперь живи без меня, —
и это все будет сниться мне,
покуда я буду жить,
какая же мука спать в огне,
гудящим пламенем быть,
когда-то закончится этот сон,
уймется пламени гуд,
и я вскочу в золотой вагон,
везущий на страшный суд,
конец октября, и верхушка дня
в золоте и крови,
живи без меня, живи без меня,
живи без меня, живи.

* * *

Разве я опоздал на пустынный вокзал,
голубиный причал, на заснеженный путь,
где товарный состав разгибает сустав,
на начало начал, на прогон, на финал?
Это мне посигналил стальной семафор
лунно-белым огнем в предрассветном свету?
Разве знаешь хоть что-нибудь ты наперед,
даже если посмотришь назад,
где обманчиво все и не видно ни зги?
Разве руку твою удержу я в своей,
если кровь разбегается врозь
и лукавая правда стоит за спиной?
Ветер воздуха полную грудь наберет
и, слепую опору найдя в пустоте,
накренит всю округу, держа небеса,
лязг железа, гул крови, глухой разговор
— черновик этой ночи — все сразу и здесь.
Снегопад перебелит страницу, начнет
свой подробный осмотр-пересчет,
где и мы учтены, как спешащие вдаль
вдоль железных путей, меж небесных огней
между жизнью и чем-то еще.

НОЧНАЯ ГРОЗА

С тоскою кочевья,
с натугой корчевья,
томясь электрической силой сухой,
касалась губами верхушек деревьев,
на крыши вставала босою стопой.
Куда-то всходила, держась за перила,
уступы и арки в себе громоздя,
изломанной молнией вдруг осветила
блестящие мышцы дождя.

«КОГДА ОТЦВЕТАЮТ ЗВЁЗДЫ...»

Анна ГЕДЫМИН

Родилась и живет в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ. Автор одиннадцати книг (девяти поэтических и двух прозаических). Стихи и проза публиковались в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Арион», «Континент», «Нева», «Огонек», «Октябрь», «Prosodia», «Новый журнал», «Новый берег», «Формаслов», «Пролиткульт», в «Литературной газете» и др., звучали на телеканале «Культура». Лауреат ряда профессиональных литературных премий, в том числе Международной Волошинской премии в номинации «За сохранение традиций русской поэзии»; премии «Литературной газеты»; премии имени Анны Ахматовой журнала «Юность»; премий журналов «Литературная учеба», «Дети Ра», «Зинзивер» и др.

* * *

Я засыпаю,
когда отцветают звезды,
Светлеет небо,
а в доме еще темно,
И окна ближние,
по-утреннему серьезны,
Смотрят прямо
в мое легкомысленное окно.

Проснешься за полдень,
вся жизнь никуда не годится...
Но в пыльной Москва-реке
купола сияют вверх дном...
И думаешь: Господи!
Спасибо, что надоумил родиться
В городе,
где такой пейзаж за окном!

Такой синий,
такой золотой и белый!..
Теперь, судьба моя,
ты, без промаха и стыда,
Карай, обманывай —
что хочешь со мною делай,
В душе залатанной
эта музыка — навсегда.

И даже если
смерть все-таки существует, —
Все относительно! —
она щемяще мала,
Как памятник временный,
пристроченный к Москве на живую,
Как зыбь на воде,
отражающей купола...

ТРУБНИКОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК

Дом, где я родилась, потерпел поражение
В битве с новыми зданьями — выше зари.
Даже память моя — только воображение,
Я не помню, как выглядел он изнутри.

Только помню — в нем жили четыре
мелодии:
Песня старых дверей, песня старых полов,
Песня старого дворника дяди Володи
и
Песня ветра в трубе, песня ветра без слов...

Остальное нечетко: за стенкой старинною —
Рыжий кот, надо всеми имеющий власть.
Звали старшую бабушку мы Катериною,
А вторая, любимая, Лидой звалась.

Та шутила, кляла свои кудри коварные,
Тоже рыжие — всё их собрать не могла.
Хоть носила «целебные» бусы янтарные,
Раньше старого дома еще умерла.

И теперь переулок лужайкой кончается
Там, где жили мы в доме под номером три.
И торжественный тополь как пламя качается
В рыжих отсветах сильной московской зари.

* * *

Если целый свет не свят,
Если грустно до бессилия,
Я миную улиц ряд —
На Блаженного Василия
Приподнять блаженный взгляд...

* * *

Метель сатанеет как волк, а не птица,
И улицы бьет, не ласкает...
«Смоленская»... Как моей жизни ни виться —
Отсюда она вытекает.

Бываю порой у беды на примете —
Не пишется, не говорится,
Но Старый Арбат существует на свете,
А стало быть, жизнь моя длится.

Пронзителен воздух, дымки застывают
Над старой арбатской пекарней...
И жаль, что значительней жизни бывают —
Не жаль, что бывают шикарней...

* * *

Ну почему же я люблю обновки
И новоселья, и бокал со льдом.
Но я хочу, чтоб здесь, на Серпуховке,
Вот этот дом — был мой последний дом.

В нем без меня, конечно, не убудет,
Но вечно перед ним душа в долгу,
Ведь где еще так много добрых судеб
На кухне я соединить смогу!

Здесь, в этом коридоре, на балконе
Дуэль куда возможней, чем дележ.
Затроганные деньгами ладони
Здесь разве по случайности найдешь.

А за окном, где поднебесье мая
Провисло, точно мокрое белье,
Сквозь каждый тротуар, асфальт ломая,
Здесь прорастает прошлое мое.

Нет, тот не будет чист и независим,
Кто бросит, словно горстку пустяков,

Одну любовь и сотню глупых писем,
И тысячу наивнейших стихов.

* * *

Упасите от боли,
От страхов моих и мучений
Вы — в ветряночных пятнышках
Небо и город вечерний!

У других если родина —
Значит луга, перелески,
У меня — коммуналка,
Арбат сквозь дыру в занавеске.

К небоскребам воинственным,
Правильным, словно воззванья,
Так уютно и хижинно
Жмутся старинные зданья!

Пусть других — тишина,
Предосеннее тучное поле,
А меня — звон трамвая,
Толпа — упасите от боли!..

КУЗЬМИНКИ

Там мельница сгорает трижды в лето
И снова вырастает над водой.
Там, дымкой предзакатною одета,
Стоит усадьба, и впадает Лета
В спокойный пруд, не тронутый бедой.

Там шорох лип шумней, чем звук оваций,
Там жизнь течет беспечно, просто так...
Любимый мой, поедем целоваться
В Кузьминский парк!

* * *

Ты женщину эту любил.
Да так, что и ей, и тебе
В соседних московских домах
Сны общие снились.
Ты женщину эту любил,
И было не страшно тебе,
Хоть зрел в ее взоре размах —
Могучий, неженский размах,
И черти водились.

Теперь от тебя вдалеке
Мне страшно:
Встают надо мной
Те сны, что ты взял у нее
И отдал мне сходу:
Как плыл атаман по реке
С младой персиянкой женой,
Как, ропот заслышав, ее
Он выбросил в воду...

* * *

На исходе весны
Голосистых грачей над Москвой — завались.
Ах, откуда вас столько?
Откуда вы, братцы, взялись?

Не по вашей ли воле,
Продымленное навсегда,
Пахнет клевером небо,
Затянутое в провода?

И не ваши ль копируя
Громкие несколько дней,
Так любовь коротка?
Да, по сути, и жизнь не длинней?..

* * *

Посмотри — эта ночь не хуже,
чем в наше лето.
Ты тогда записал
на тетрадном обрывке чистом,
Что, коль бог наделил тебя
крохами интеллекта,
То, наверное, черт
к нему инструкцию свистнул.

Книжный червь — и смутьян,
по московским дворам скиталец,
Где неважно, кто встретится первой —
смерть иль девица,
Так настойчиво мною
вымечтанный красавец,
Что тебе ничего не осталось —
только явиться;

Балагур, выпускник способный
бессчетных спален,
Вдруг меня приручать задумавший
терпеливо, —
Я любила тебя.
И спасибо, что ты оставил
Мне возможность любить другого
после разрыва.

Над самим же тобою
ночь отливает сталью,
А из всех Медведиц
в окошке — всегда Большая.
И сжимается сердце,
когда случайно представлю,
Как храпишь один в темноте,
никому не мешая.

Знай, что мне в эту ночь
опять по тебе не спится,
И тоски этой хватит, наверное,
лет на двадцать.
Да светится твоя
неправедная зарница —
Всех других нарядней,
уж можешь не сомневаться!..

ПРОЩАНИЕ С СЕРПУХОВКОЙ

Что же останется?
В окнах — обрывки простора,
Певчие пчелы, скворцы,
про которых стихи...
Всех моих слез
не припомнит полуночный город,
Даже соседки
не все перечислят грехи.

Да не покинет вовек
москворецкие стены
Запах борща,
переездов и масленицвихрь!
В доме напротив
распустятся в срок цикламены...
Все про меня.
Только будущее — про других...

* * *

Объяснять мне не надо, что гонит
грачиную стаю
За полмира — к Москве,
от весны захмелевшей, как все.
Оказавшись почти что в раю,
я до слез вспоминаю
Изумрудные мелкие листики вдоль шоссе.

И смеющихся окон вечерних янтарную
залежь,
И реклам неуместных горящие угли в золе...
В этом городе я и помру, если не возражаешь,
В день, когда не останется дел у меня
на земле.

И увижу во сне, как вдали от привычного
крова,
Недоступный промышленным звукам
и взглядам зевак,
Занимается клен — чуть зловеще, нарядно,
багрово, —
Неудавшейся жизни моей
восклицательный знак.

НА ДВЕНАДЦАТОМ ЭТАЖЕ

Небо озвучено галками.
Август. Домашние туфли.
Со скандинавскими палками
Мама шагает по кухне.
Мысли при этом осенние:
Зябко, дожить бы до Святок...

Кризис. Москва. Воскресение.
Полдень. Девятый десяток.

Мама, покоя не зная,
Ходит, как заводная,
Ни от кого не завися,
Скудную жизнь не ругая,
Тихо, как палые листья...

Ты моя дорогая...

* * *

Знаешь, здесь, в Кузьминском парке,
Горевать совсем негоже —
Жизнь исправно шлет подарки
Вот таким, как мы, прохожим,
А не чертит закорюки.
Светел день. Весна нетленна.
Голубь, подобравши юбки,
Входит в лужу по колено.

* * *

Я буду лежать на Донском,
На тихом, на городском.

И пусть я нескладно живу,
Порой мятежно живу,
Кочевно, как некогда предок, —

В конце я вернусь в Москву,
Вот в эту, родную Москву,
Которой уж нет, Москву.

Хоть напоследок.

СОСЕД ЕВРИПИД

Ирина ЕРМАКОВА

Поэт, переводчик. Родилась в 1951 году на катере в Керченском проливе. Окончила Московский институт инженеров транспорта по специальности «Мосты и тоннели». Автор семи книг стихов, двух книг избранных стихотворений и многочисленных публикаций в периодике. Стихи переведены на 17 языков. Отмечены премиями журналов «Арион» (2004) и «Октябрь» (2004, 2010), премией «ANTOLOGIA» (за высшие достижения в современной поэзии, 2007), международной поэтической премией «LericiPea» (2008, Италия), Большой премией «Московский счёт» (2008) и Специальной премией «Московский счёт» (2013), Международной Волошинской Премии (2015). Живет в Москве.

МОСКВА

Сергею Гловюку

По улочкам красавца-Вавилона,
По огненной полуденной брусчатке,
Рассеянно, в прекрасном беспорядке
Идет мой круг, мой слух, моя колонна.

И солнце, как горящий танк, наводит
Ствол золотой под яблочко —
меж ребер —
Что с червоточинкой, что наливное, —
Слух обо мне пройдет, как всё проходит.

Благоухают розы Вавилона,
Да яблочко, обугленное в клетке
Катается по розовому маслу, —
Проходит навсегда моя колонна.

Мы вечными проходим пустяками,
И мусор на брусчатке под ногами
Дымится розовыми лепестками, —
Так происходит жизнь на самом деле.

СВЕТ

Каждое утро сосед Еврипид
дома напротив — на набережной
с банкой литровой и снастью налаженной
на парапете чугунном сидит.

Летом сидит и зимою сидит,
лед пробуровит и дальше глядит,
волны грызут краснозерный гранит,
в лысине голое солнце горит.

Что там ловить, многославный сосед,
вечною удочкой, пробочкой винною?
Свет, отвечает, — рассеянный свет,
рыбицу мелкую донную глинную.

Этих мальков, достомудрый сосед, —
тьма — в нашей мутной шибающей тали,
что их ловить третью тысячу лет?
Чтоб не дремали, чтоб не дремали.

Но для чего, всевеликий сосед,
ты выпускаешь их банками полными
животрепещущих за парапет?
Чтобы гуляли да помнили, помнили.
О, Еврипид мой, Господний и. о.,
что же не помнит никто ничего?

* * *

Дерево — ап! — и расцвело
под балконом,
словно зажглись разовые соцветья.
Тьма шебуршит зеленым,
липко-зеленым,
пальцем шершавым шарит
по листьям ветер,
и, пробегая — шасть! — по диагонали —
шорх! — лепествы ерошит петит молочный,
длинно шипит, округляя воздух блочный,
свет надувая, шашни теней гоняя,
ветки ширяя, ночь до корней пробирая.
Брось, — гудит, — переживешь и это,
слышишь? — смерти не будет, а будет лето,
коли уж — расцвело.
И шелестит, листая наоборот
книгу крови, клейкую память рода.
В кроне — ш-ш — невидимая свобода.
Дерево прижизненное цветет.

* * *

Тишь да блажь в Нагатинском затоне
дом плывет по кромке мутных вод
домовой живущий в домофоне
песню хулиганскую поет

Рядом ходят рыбы-негритянки
с толстыми мазутными губами
плещутся пакеты перья банки
катера с трехцветными гудками

Дом белье выносит на балкон
ужинает любится скандалит
прошибает стен желе-бетон
чижика лабает на рояле
охает вздыхает в телефон

Слышит мокрый крик детей и чаек
видит в телевизоре кино
и никто из нас не замечает
что плывет — давно

А на крыше Коля участковый
радостно читает Отче наш
дом плывет и слово точит слово
с этажа стекая на этаж.

ОДА РАДОСТИ

И оживая опять с утреца
славлю день кофейным глотком кипящий
славлю солнце пьющее воду с лица
вслед ночным затяжным обложным
косящим
в каждой Божьей капле и каждой луже
ранний свет с московским его блеском
навостренных трав зеленые уши
гром колец трамвайных на Павелецком
сладкий дым над крепостью пития
славлю радость: радуйся радость моя!

И взвилась радость и закрутила
поднимая листья камни слова

все на свете вещи и существа —
у меня воздушная перспектива.

* * *

Татьяне Бек

Под оком неусыпного глагола
речь — мимо уст — морозный воздух пуст
гол как пустырь на Соколе за школой
где летом лиловел репейный куст

Среди привычной пошлости и прозы
когда борей несет свою пургу
махнешь рукой и — вспыхивают розы
кустарные в растоптанном снегу

И прошлогодний куст чертополоха
уже краснеет прямо на глазах
краснеет как ушедшая эпоха
в репьях и розах розах и репьях

Кончая век все лучшее — на ветер!
А куст на перемене под звонки
за ловлей ветра обломают дети
ничейные — ботаники щенки

Когда бы жить и жить по-человечьи
в любом июле или ноябре
разглядывая снег за краем речи
весь в лепестках на волчьем пустыре.

* * *

Когда явился мастер Нель
великий менестрель
ему веселая тоска
качала колыбель

Сентиментальный как сурок
язвительный как змей
по самой лучшей из дорог
он двинулся за ней

Она вела его вперед
гоняла ленивых муз
и был хмелен как царский мед
прозрачный их союз

Когда же был пущен с молотка
весь мир и — никого
лишь благородная тоска
не кинула его

Когда померкли небеса
взывая к немоте
ее зеленые глаза
светились в темноте

И он шагал на зеленый свет
и пел всё жарче злей
и ничего на свете нет
тех песен веселей

Он пел что не был одинок
И шла за гробом дружка
приплясывая между строк
бессмертная тоска

* * *

В отраженной речке молча идет баржа —
первомайская полночь,
лунное загляденье —
на корме, укутавшись флагом, спят сторожа
и растут: сторожа, как дети во сне, —
растенья.

А фонарь кормовой качается, метит лица,
одиночка ночи распахнута.
Пусть им снится:
нож ботаника, запах резаной древесины —
красно-белый, державный,
переходящий в синий;
подмосковная дичь — резвится
в кустах куница,
красноперка, готовясь к лову, ходит по дну;
лунный стебель в дверном глазке...
сон ветвится —
молодая листва тянется на луну.

Молодая листва, черная, как в начале,
да цепной родной железный скрип
на причале,
из набухших корней — побеги,
вольная воля,
эй, на барже, что вы там, правда уснули,
что ли!

Полный рост. Полнолуние. Полное
естество.
Ох, и балуешь меня, Господи. Для чего?

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Воскресенье без четверти пять
красным солнцем прошита вода
бросим всё и поедем гулять
уплывем дорогой навсегда

В ослепительной лепоте
по медлительной долготе
на великий невиданный свет
словно в Индию духа билет
Вдоль крутых киселей берегов
мимо замков воздушных и рвов
мы пройдем под Китайской стеной
где зарыт мандарин заводной

Облетая счастливый Тамбов
в тучных кущах висячих садов
огибая щемящий Париж
где павлины живут говоришь
обнимая тот Ванинский порт
где когда-то поднялись на борт

А уключины жадно скрипят
а уклейка прижалась к рулю
в мутных водах багровый гранат
в темном воздухе нежная жесть
я люблю я люблю я люблю
всё что было и будет и есть

Всем — по родине Всем — по душе
по алмазному царству Не злись
это жизнь это всё еще жизнь
вот и солнце пропало уже

На рекламах осиновых рощ
никого будто вымерли все
серой розой раскроется дождь
зашипит над Каширским шоссе

И впадая в ночную Москву
сердце дрогнет и прыгнет во мрак
я не знаю зачем я живу
просто так дорогой просто так

ГОГОЛЕВСКИЙ БУЛЬВАР

В солнцевороте в гуще выхода
там где всего краснее ягода
под жаркой аркою кропоткинской
стояла кроткая малинница

Мы были молча умолимы
купили у нее малины
и сок малиновый закапал
по потрясенной мостовой

И вскачь пустился срок отпущенный
забликовал бульвар запущенный
и пыльный Гоголь гомерически
крутнул чугунной головой

И двинул длинной длинной длинной
рукой — и полилась малина
и мы раззявив рты ловили
текущий в воздухе момент

Где за протянутой десницей
со всей земли слетелись птицы
и день блестящий расклевали
и освистали постамент

А поперечные прохожие
во все концы земли расхожие
несли малиною червленые
кульки из завтрашних газет

И между Гоголем стоящим
и Гоголем ещё сидящим
сквозь строй зеленый лавок ломаных
взвивалась красная черта
туда — где Гоголь настоящий
и залила бульвар бурлящий
малиновая темнота

Когда она меня утопит
когда она к тебе приступит
когда-нибудь давным-давно
июльским днем бульварным гоголем
всплывет подробностями многими
по красному лучу отвесному
одно мгновенное кино:

Заляпанная мостовая
и зелень лавки ломовая —
и вот тогда мой друг железный
я — ничего не забывая
я — та еще — еще живая
слечу малиновкой и свистну
в твое немытое окно

ВРЕМЯ ВЕЛИМИРА

Сергей БИРЮКОВ

Поэт, теоретик и практик авангарда, д-р культурологии, основатель и президент Международной Академии Зауми, автор ряда поэтических и теоретических книг, в том числе: «Поэзис», «Звучарность», «Универсум», «Зевгма», «Поэзия русского авангарда», «Авангард и трансформпоэтика». Член Союза российских писателей, лауреат Всероссийской премии им. Ф.И.Тютчева и ряда др. Участник поэтических фестивалей в России и других странах. Стихи переведены на 35 языков. Неоднократно выступал в Булгаковском Доме.

СКИФЫ

приглядись и невольно заметишь
скифского типа лицо
ого-го-го
где-то на крымских ветрах
опаленное
перерезано изморозью
дремлющего Алтая

наблюдай
с какой невероятной скоростью
движется
на велосипедных колесах
сквозь толщу лет
сквозь зеркало осени
сквозь тени лета
сквозь снежную замять

с какой головокружной скоростью
трансформируется тело
готовое к прыжку
готовое к винтовому движению
готовое к сальто-мортале

медленно и стремительно
разворачиваются эпохи
стирая на своем пути
города и тревоги
или покрывая курганами
масштабы географических карт

при первом приближении
ты можешь не узнать прародительницу
каменную бабу
которая заплачет настоящими слезами
алмазной твердости
на могиле Велимира

АЭРОЭРА

Посвящается 140-летнему поэту-авиатору Василию Васильевичу Каменскому

аэроэра
начиналась
будетлянским полетом
аэропланом Василия Каменского
падением под Ченстоховом
когда объявили газеты
гибель поэта-
авиатора-
футуриста
но он вставал снова
и взлетал в небо
поэмой
ПоЛеТ вАСи кАмЕнСкАго
нА аЭРОплАнЕ В вАрШавЕ
которую надо читать
«снизу вверх»
подобно взлету
аэроплана
преодолевая вертикаль
прорезая горизонт
так!
чтобы
на стене Новодевичьего
отпечататься табличкой
поэт-авиатор
Василий Каменский

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ

по мнению ученых
обезьяны понимают
концепцию смерти

если другие обезьяны
им ее объясняют
доходчиво

например играют
в то что умирают

ПОЛЕТ ДИНОЗАВРА

по наблюдениям ученых
голодные мыши живут дольше

так и запишем

но оказывается динозавры
летали
по наблюдениям ученых

ученые все записали
на веб-камеры

и могли бы показать

но голодные динозавры
не желающие жить как мыши
под наблюдением ученых
съели оных
копии послали прикрепленным файлом

таким образом
упорядоченная система
неожиданно трансформировалась
в хаос
что по определению Пригожина
позволило выйти на новый виток

динозавр спланировал
неудачно
клюнул носом в песок

ученые признали свою вину
косвенную но все равно

кто пил цикуту
кто вино

все умерли
никого нет

динозавры в поиске
иных планет

Примечание: Илья Пригожин (1917—2003) — выдающийся бельгийский ученый российского происхождения, лауреат Нобелевской премии по химии (1977), автор ряда философских идей, в том числе «философии нестабильности».

ПРОДОЛЖЕНИЕ СНА

невозможно запомнить но все-таки
хотя бы в обрывках
запоминается продолжение
сна
почему-то неизвестное место
что-то вроде классной комнаты
где рюкзаки и сумки свалены
брошены кое-как
несколько знакомых лиц
но неточно определяемых
то ли он то ли похожий на
она или похожая на нее
словно ты приехал низвестно
откуда приехала она неизвестно
полный неясностей и недомолвок
разговор
огоньки сигарет щелканье зажигалок
обратная последовательность действий
ты отвечаешь предвидя вопрос
почесываешь переносицу
после получения известий
собственно нет даже слов
ну так полусловья
фрагменты речи
опустошение
продолжение сна
видимость бесконеч

В ДОМЕ МАГРИТТА

(Rue Esseghemstraat 135, Brussels (Jette)
Филипу Меерсману

улитка впилась в чрево Олимпии
вечность и невозможность
трансперсональность
но
завиток боли Жоржет
Ренэ Магритт пишет на кухне
вскипает кофе
трубка сопит
человек без лица
изображает шкаф
легкое перевоплощение
вещного мира
еще секунда
и улица
пустится
вдогонку

ТЕТРАЭДР

и орех раскололся
открыв тетраэдр
и внезапно открылось
познанье
и четыре немыслимых
плоскости
своей красотой
восходили к вершине
и в каждой
был отсвет познанья
и тень истекала
из точки X
в точку Y
с завершением в Z
но продолжалось и после
невидимым ростом вращеньем — по
Z-Y-X
словно связь хромосом
словно тайна касаний
молекул
словно сфера груди
драгоценно
преломляющей свет

И ВСЕ-ТАКИ НЕМЕЦКАЯ ФИЛОСОФИЯ

I
... и все-таки немецкая философия
ни больше ни меньше
но
никто не верит Канту
никто не верит Гегелю
разве кто-то говорит
как там у Канта
как там у Гегеля
что сказал Шлегель
по этому поводу
последнее слово Шопенгауера
экзерсисы Ницше
неизбежно —
Шпенглер

II
... мне снился Шпенглер —
выглядел не очень,
заметно было — озабочен
он предсказанием своим
заката
той части света,
что когда-то
была Европой...
И вдруг оборатилась, опа (!)
совсем другою стороной.
Ой!
Herr Doktor Spengler,
не молчите!
Лишь вы наверно различите,
истоки
что ожидает нас в потоке
идущей из глубин
культуры девять
и скажете, что делать...
Oder?

ВРЕМЯ ВЕЛИМИРА
(встреча в Риме)

Alessandre Moretti

открываю дверь в рим
открываю дверь в мир

а за дверью велимир

время велимира
время велимира
в риме велимир
в мире велимир

если верно что дороги
все ведут в рим
или до рима
то есть в мир
до самого мира
значит верно
время велимира

тик так время
тик так время
время велимира

ноги сбиты о рим
мы идем говорим
время велимира
время велимира
время велимира

НАДЕЖНОСТЬ ФИКСАЦИИ

Внимание! Проводятся испытания
надежности фиксации
прививки слова к темноте
к утреннему лучу
к дереву возле дороги
так зацепит что мороз
по коже
обдерет и не встанешь
не оторвет ли ветром
не вырвет ли с корнем
не обнаружит ли
полной несостоятельности
a priori a propos
до и после
между
в промежутке
в синонимическом ряду
между прочим (!)
когда ты закрепляешь слово
на балконе проволокой
и все продумано до мелочей
ты думаешь о том
что оно оторвется и улетит
туда где злые колючие
острорежущие
легковоспламеняющиеся
что с ним будет
что с ним будет
о что с ним будет

СЛУЧАЙНЫЙ НЕБОЖИТЕЛЬ

Ольга СУЛЬЧИНСКАЯ

Писатель, переводчик, редактор, психолог. Публиковалась в журналах «Арион», «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Дружба народов», «Иностранная литература», «Этажи», «Формаслов» и др. Автор четырех поэтических книг: «Amor brevis» (2007), «Апрельский ангел» (2010), «Волчок» (2013), «69 стежков» (2023), а также книги по психологии: «Личные границы» (2024). Трижды лауреат Международного литературного Волошинского конкурса (2005, 2022), дипломант премии Московский счет (2013), лауреат премии журнала «Новый мир» (2018). Стихи переводились на английский и французский языки. Живет в Москве.

О СЕБЕ

Я владелец маленькой квартиры
И гордец не более того,
Я обозреватель перспективы
Из окна пространства моего,

Покупатель много сдобных булок,
Находя в них средство от тоски,
И прогульщик медленных прогулок
Вдоль текущей медленно реки.

Я воды беспечный собиратель
И сквозных созвучий решето.
Может, я однажды умиратель —
Но пока не твердо решено.

На земле случайный небожитель,
Я ловец дыханья жадным ртом
И еще — любви твоей любитель.
Но об этом как-нибудь потом.

СТИХИ ВО СНЕ

А мы себе сидим и говорим о вечном,
Вдыхая терпкий пар из чашек золотых.
За окнами видна в теченье бесконечным
Недвижная река средь зарослей густых —

Так, делая глоток и предвкушая тайно
Подтаявший песок с чаинками на дне,
На время поглядишь и вдруг поймешь
случайно,
Что движется оно и говорит — во сне.

И сонный говор лечь спешит
в речное ложе,
Шумит охранный куст спасительной
листвой —
И как предостеречь, что будет не похожа
Изменчивая речь на полный список свой?

Всё, всё предрешено, всё высчитано строго.
Но что нам до судьбы! Мы говорим о том,
Что в письменах речных мы проницаем
Бога
И слышим тишину внимательным умом.

СНИТСЯ МУЗЫКА

Мужчины с полуобнаженной
Грудью — распахнута рубаха —
Среди толпы вооруженной
Идут, не принимая страха.

Цитрусовая пахнет корка
В прохладном воздухе Агрито,
На них чужие смотрят зорко,
А их глаза полуприкрыты,

Идущий впереди с гитарой —
Седой и старый, спина прямая —
Сыплет короткие удары,
Из струн всю душу вынимая,

И будто только просыпаясь,
Медленные всплывают руки,
Как против воли откликаясь
На звук фарукки...

Что значит сон, скажи мне — правду
Открой, как брату!
Удачу он сулит, награду
Или утрату?

Но ты отводишь взгляд, не глядя,
В небо куда-то,
Где облака по синей глади
Плывут кудлато,

А утро будничное будит
Прохожий стрекот,
И скоро всё во мне забудет
Бесследно то, как

Жилы на шее напрягая,
Потупив взоры,
Танцует музыка нагая,
Идут танцоры...

ЕЩЕ ОДИН СОН

Сквозь меня протекают народы,
Шевеля плавниками веков.
Тяжелы и курчавобороды,
Ассирийцы проводят быков.

В уши лезут, скрипя, колесницы,
Шумно дышат верблюды в раю.
И сознанье теряет границы —
Покидает отчизну свою.

Кто-нибудь, поднимите мне веки.
В сухожильях шумеры хрустят,
Беспокойные древние греки
На моем языке говорят.

НА СЛУХ

Я стану тем, о чём нетрудно думать.
Я легче пуха: стоит только дунуть,
Да что там дунуть — маленькое «у»
Сложить непреднамеренно губами —
И я тону
Или взлетаю, не прощаясь с вами.

Дудит в рожок неприбранный божок.
Сворачивает небо творожок.
И видно: тополя на всем скаку
Прилаживают букли к парику.

Я от тебя зависеть буду так:
Закрой глаза — меня охватит мрак.
Я твоего не преступлю завета.
Но прикажи — проснусь и запою.
Я подарила музыку свою
И поплачусь не раз еще за это.

Побереги меня. Еще не раз
Ответит флейте толстый контрабас
И бросит оскорбленную латунь
Ударник в приоткрывшийся июнь.

Себя уже не повторяет вслух
Отяжелевший тополиный пух:
Опух и опустился, стал неровен.
Зачем он здесь? Гони его взашей!
Но он залег, как рядовой в траншей —
Как будто вынул вату из ушей
Глухой Бетховен.

СТИХОТВОРСТВО

Мне мало сладкого питья
которым ближний воздух дышит
пока душа рукою движет
не выходя из забытья

словечки быстрые бегут
увязываются в созвучья
и что-то птичье и паучье
в прозрачных клювиках несут

на их призывные щелчки,
на звуковую заморочку
идешь бочком-бочком вприскочку
и попадаешься в силки.

и все-то кажется шалишь
смеясь колеблешь паутину
и в муке выгибая спину
лишь воздух ближний шевелишь

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ОТКРЫТКА

Вот Бродский, он выходит из барака,
И у крыльца дворовая собака,
И дети, собирающие сласти,
И Бродский говорит по-русски:
«Здрасьте!»,

И звездочка рождественская с неба
На них глядит, и сахарного снега
Глазурь блестит... О, пряничные Святки!
Из окон свет — и значит, все в порядке,

И жизнь идет, и в ней не сплошь потери —
И праздник есть, один, по крайней мере;
И где пустыня, всё ж над караваном
Звезда горит в раю обетованном.

ОБЕЩАНИЕ

Стряхнули бабочек цветущие каштаны
И словно скрипочка прошлась
над мостовой.
Помянешь Моцарта — и вспомнишь
Мандельштама
С его загадочной *венгерской чемчурой*.

Однажды так среди других созвучий
И нас окликнет кто-нибудь живой
И упасет от смерти неминучей
Волшебной и нечаянной игрой!

ПЕЧАТЬ
(колыбельная для Босха)

Я буду жить с тобой,
С Иеронимом Босхом,
И губы мазать воском,
И розовым вином
Душиться перед сном.

Прикармливать с руки
Чудовищ с мертвецами
И слушать вопреки,
Как вздрагивает ночь
Цветными бубенцами.

Хрустящий хвощ уперт
В раздавленные ребра,
Недоброе окно
Глядит на этот стыд
И обжигает нёбо
Перченое вино.

Спи, — я скажу тебе, —
Спи. Ничего не бойся,
Я изучаю Ад,
Я вызнаю его подзорное устройство,
Я выведу назад.

Ты будешь спать со мной,
Свернувшись как младенец,
И вздрагивать плечом.
Так протекут века,
Пока ты воск заменишь
Горячим сургучом.

КАРТИНА «БЛАГОВЕЩЕНИЕ»

У ангела руки покрыты пером.
Левее Иосиф стоит с топором.
А дева Мария — напротив него,
Не зная сама о себе ничего.

Он лилию держит в пернатой руке
И знает о том, что сокрыты в цветке
Созвездья, народы, миры, времена,
Минувших и будущих дней имена.

Он бережно Деве цветок подает,
И лилию дева Мария берет,
Краснеет и близко подносит к лицу
Тычинки и пестик, росу и пыльцу,

И сладко вдыхает, и, выпачкав нос,
Глядит на него, и смеется до слез.
И ангел отходит назад, в полутьму,
И всё, что случится, известно ему.

ПЛОЩАДЬ ЗВЕЗДЫ

Это площадь Звезды — та,
где канатоходец Тибул,
Под прицелом,
Качаясь натянутым телом,
Над толпой пробежал и в окно слуховое
нырнул.

Это площадь (в метро) Революции — та,
где сидят,
Обнимая собак, мускулистые девки
и парни,
И носы их — натертая бронза —
блестят светозарней,
Чем любая звезда.

Это площадь Святого Петра у собора
Святого Петра,
Начиная с утра
Там полно голубей и прелатов,
И туристы их ловят щелчками своих
аппаратов.

Это площадь не та. Да и площадь ли
это? Не то
Чтобы площадь, а так, перекресток.
Где прикуривает на ветру неказистый
подросток,
Распахнувший пальто.

Это прошлое скрещено с будущим —
так провода
Чертят в небе косые квадраты:
Презирая боязни паденья озноб
сладковатый,
Взгляд идет без оглядки туда.

Эта жизнь не удастся. Как, впрочем,
и всякая жизнь.
И ничем я тебя не утешу.
Это, видимо, жар. Аспирин и скорее
ложись.
Перед сном почитаем Олешу.

Это — площадь Звезды!

СЕВЕРНОРУССКИЙ ОВИДИЙ

Александр ПЕРЕВЕРЗИН

Поэт, редактор, издатель. Стихи опубликованы в журналах «Арион», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Новый Берег», «Современная поэзия», альманахах «Алконостъ», «День поэзии», «Литературной газете» и других изданиях. Автор трех книг стихов. Лауреат Международной Волошинской премии (2010), премии «Московский счёт» (2010), премии «Венец» (2018) и других. С 2004 по 2022 год – главный редактор издательства «Воймега». С 2023 года – главный редактор литературно-художественного журнала «Пироскаф». Живет в подмосковных Люберцах.

ЧАЙНИК

Курили, мялись у сараев,
решали, как доставим груз,
я, Марк и Гена Николаев,
наш однокашник и не трус.

Был Гена третьим, внешним оком,
пока снимали втихаря
мы радиатор, ручки с окон
в цеху при свете фонаря.

Ходили трижды за окошко,
во тьму, где шорохи слышны.
Забрали чайник, вилки, ложки.
Кому теперь они нужны?

И хоронясь во мраке жарком,
соляркой провонявшем так,
что, если щелкнуть зажигалкой,
спалишь к чертям весь этот мрак,

мы выгружались у забора.
Был Гена чайнику не рад:
«За ним вернуться могут скоро,
я отнесу его назад!»

За ним вернутся? Спятил, Гена!
Никто, никто и никогда
не возвратится в эти стены,
на это капище труда,

в пространство ржавое на вдохе,
где – я же трижды там бывал! –
не то чтоб сходятся эпохи,
а просто времени провал.

Там труб дюралевые кости
нашарит в темноте фонарь,
и мнится: на чумном погосте
работал начерно грабарь.

А в отдалении, убоги,
из нашей тьмы во тьму веков
таращатся единороги
токарно-фрезерных станков...

.....

...Теперь, застрявший меж мирами,
я говорю с таких высот,
с которых видно, что же с нами
за десять лет произойдет:

Марк, соскользнув в стройбате с крыши,
без ног покинет гарнизон,
Геннадий голоса услышит
и будет в желтую свезен,

я изучу закон Бернулли,
проинжинерю год в Клину.
А чайник мы тогда вернули,
не взяли на себя вину.

* * *

Отец, которого я помню,
мне показал каменоломню,
засохший дуб – жилище ос
и рощу, где шиповник рос.

Когда брели по грубой пашне
в ночи, ведомые Творцом,
темно мне было, но не страшно –
ведь я шел за руку с отцом.

Отец, которого я знаю,
вороньего страшится грая,
воды боится и огня,
бубнит: не трогайте меня.

И плачет, и дрожит, покуда
не сядет смирно на кровать:
«В последний раз даю, паскуды,
отраву в горло мне пихать!»

Но тут же: «Уберите лапы!
В лицо не суйте пятерню...»
Тебя, мой самый лучший папа,
того и этого люблю.

* * *

В первую субботу февраля
мать в окне увидела шмеля
и сказала, встав в дверной проем:
Пашей или Сашей назовем.
Видишь, в середине белизны
шмель летает? Это добрый знак.
Если не вернемся до весны,
за мукой сходи в универмаг.
А вернемся – научу читать,
буду с ним лежать на берегу,
карандашик дам ему, тетрадь,
что, Валера, я еще могу?

Это было жизнь тому назад.
Хорошо держалась на плаву
та страна, где ночью снегопад,
та страна, где утром снегопад.

Замело страну, а я живу.
Даже не успело надоесть,
всё еще считаю: сорок шесть.
А вокруг резиновая тьма,
«Перекресток», длинные дома,
искры, озаряющие рань, —
электричка острая скользит
на Шатуру или на Рязань,
и мелькает в стеклах алфавит.

* * *

Дед всегда говорил маме:
не называй их нашими именами.
Как, — придет время, — ты Кать и Алёш
пустишь под нож?

Какая Варька, какой Борька?
Называй Рябина, называй Зорька,
да хоть Ласточка, хоть Лебеда.
Но нашими — никогда.

Поэтому до четвертого класса
я дружил с Кувшинкой, любил Водокраса,
носил в стойло Эльфу сахар и мел,
а с людьми дружить не хотел.

* * *

В лесах, где жизнь и смерть соосны
и влажный воздух многоцветен,
вращаются прямые сосны
и вырабатывают ветер.
И он уходит до заката
из параллельного портала
за разноцветные ограды
в малоречивые кварталы,
через безлюдные волокна,
в тонированный спящий город,
в его откинутые окна
и вентиляционный короб,
чтоб здесь пронять тебя до дрожи,
когда, бессонен и рассеян,
ты вспомнишь вдруг, что будешь тоже
по ветру хвойному развеян.

* * *

Надо честно сказать: не борец
и тем более не заговорщик,
а незримой печали ловец
и холодного ветра притворщик.
Притворюсь пожелтевшей ольхой,
и когда вы пройдете по лесу,
растопыренной веткой сухой
под раскрытую куртку пролезу.
Или ящерка в поле пустом.
Если галки устроят мне травлю, —
промолчу рептилоидным ртом,
в клюве хвост, исчезая, оставлю.
Вижу тени, пою от тоски,
мрачный севернорусский Овидий.
Чем сильнее сжимают тиски,
тем бессмертней я, тем ядовитей.

* * *

В Хамовниках один поэт когда-то
на малолюдной кухне говорил:
в поэзии должна быть стекловата,
а также таллий, сера и метил.

Рисунок Александры Николаенко.

Она лишает зрения и слуха,
ожоги оставляет на кистях.
Об этом не расскажут в новостях:
она не государство, а разруха.

Ее хранят в деревьях толстокорых,
от глаз чужих скрывают в камышах.
Ее распределяют в коридорах
на минус двадцать первых этажах.

* * *

стало холодно совсем зябко
не люблю октябрь непогоду
говорила так моя бабка
причитала только б не в воду

не погост у нас а болото
торфяная дождь пройдёт жижа
только бы не в воду не в воду
на пригорке там посуше повыше

всё бессвязней говорила всё глуше
на пригорке там повыше посуше
он зелёным станет ранней весною
там сосна ещё стоит
под сосною

* * *

Проступает будущее из мрака.
Вот и я, оцифрованный экспонат,
пережил Мандельштама и Керуака,
а еще одиннадцать лет назад,
в сентябре, когда ехали на турбазу,
завершая перекладной маршрут,
где я в море потом не вошел ни разу,
мне казалось, что столько и не живут.

По камням карабкались осторожно,
выходя через кладбище на Казантип.
За отвесными скалами безнадежно
обрывался береговой изгиб.
Выпускали на скользкой траве улитку,
наступали на тени бетонных ваз,
проходили ветреную калитку,
и она молчала, не выдав нас.

Открывали на двадцать девятой книгу,
Шварц, Гандлевский, Цветков?
Сохраню интригу,
в первой снизу узнали свою судьбу.
В Прагу съездить хотели, в Ригу,
от Змеиной бухты нашли тропу,
по которой расходятся поодиночке.
Я скажу сейчас, что тогда не смел:
всё мое — твое до последней строчки,
до слепого блеска смертоносных стрел.

БУЛГАКОВСКИЕ НОЧИ

Андрей КОРОВИН

Поэт, прозаик, организатор культурных проектов. Автор 18 поэтических книг, изданных в России и Польше. Стихи переведены на 16 языков. Основатель и руководитель литературного салона в Музее-театре «Булгаковский Дом». Создатель и организатор Международного научно-творческого симпозиума «Волошинский сентябрь». Организатор Фестиваля фронтовой поэзии имени Бориса Слуцкого, Всероссийского турнира «Красная площадь. Время поэтов» в рамках Книжного фестиваля «Красная площадь». Лауреат Международной Отметины им. Отца русского футуризма Д.Д.Бурлюка. Кавалер Золотой медали «За преданность Дому Максимилиана Волошина». Выступает в составе творческого дуэта «КОРОВИН И ФАГОТ» с легендарным музыкантом А.Александровым.

ЛИПОВЫЕ НОЧИ

а липы всё тягучие цветут
и их запас любви неиссякаем
как будто бы за нас они живут
той жизнью о которой мы не знаем

в их голосах невыразима грусть
но стоит тронуть ветку — чирк по коже
они тебя ударят ну и пусть
и жизнь ведь бьет вот так порою тоже

в них всё — и мед надежд и немота
и зуд зеленой комариной сечи
а после подступает темнота
и ветви опускаются на плечи

они тебя закружат как луну
они кружат на блюдце Патриарших
и ты шагнешь вперед туда ко дну
где никогда не стать мудрей и старше

привет тебе зеленая луна
привет щуренок помню тебя младше
цветут в воде слепые письмена
булгаковских ночей на Патриарших

ЗАЧЕМ ХОДЯТ В ЛИТКЛУБ

люди ходят в твой литклуб
каждый за своим
кто-то ходит по зову дружбы
кто-то по зову сердца
кто-то ходит из вежливости
кто-то не хочет поссориться
с выступающим

кто-то хочет договориться
о своем личном вечере
кто-то рассчитывает
на халявную выпивку
кто-то надеется
с кем-нибудь познакомиться

и только ради самого автора
ходишь лишь ты один

В ГОСТЯХ У БУЛГАКОВА

приходил один поэт
говорил что Бога нет

приходил другой поэт
говорил что пива нет

приходила поэтесса
и рыдала как принцесса

приходила прозаиня
целовалась как богиня

приходили драматурги
молодые демиурги

приходили критики
выпивохи нытики

приходит один певец
ослепительный подлец

приходили актрисульки
показные капризульки

приходили режиссеры
популисты и позеры

приходили литагенты
приносили дивиденты

приходили диссиденты
и ругали президентов

приходили дедушки
с ними красны девушки

приходили бабушки
и играли в ладушки

приходил однажды Сам
мы узнали по усам

ПАМЯТИ ВИКТОРА ГОФМАНА

Витю Гофмана убили
Витю Гофмана нашли
с пулей в собственной квартире
выше неба и земли

великан поэтский Гофман
в Дом Волошина ходил
так велик был Виктор Гофман
даже в дверь не проходил

он птенец гнезда Бориса
он из Слуцкого гнезда
он лежал под кипарисом
провожая поезда

Рисунок Александры Николаенко.

что ему бы в Коктебеле
не остаться до зимы
где лишь волны да метели
шепчут древние псалмы

Витю Гофмана убили
за старинный медный грош
Витю Гофмана убили
где его теперь найдёшь

СУДЬБА ПОЭТА

зарплата у поэта маленькая
томленье дум вниманье дам
квартирка где-то захудаленькая
читать зовут тудам-сюдам

порою где-то публикация
забудь поэт про гонорар
а там глядишь реанимация
и в небесах Тверской бульвар

а после соберутся бывшие
и сборник смертный издадут
и все когда-то не любившие
к фуршетной части подойдут

* * *

слишком долго слишком сложно
слишком высоко
закипает летний дождик словно молоко
по сиреневым бульварам рядовой Москвы
едут разные романы разных духовых

утлый ослик лопоухий как троллейбамбас
пересказывает слухи в образах гримас
вот и Пушкина убрали кто теперь поэт
на Тверском стоял бульваре
а теперь уж нет

всё закончится однажды Пушкин и Москва
все закончатся однажды важные слова
пусть скорее закипает дерзкий летний
дождь
каплет каплет заливает молодую дрожь

ПЕСЕНКА ПРО КОТА

не впускай в себя кота
черного ученого
у него дым изо рта
и стихи Кручёныха

пусть он воет в темноте
там на черной лестнице
где не шастал Прометей
где пиджак повесился

не ходи к нему гулять
в переулки темные
может он слова забрать
все твои укромные

не шепчи ему грехи
строчки из Булгакова
намурлычет чепухи
заморочит всякого

там где черный кот прошел
больше делать нечего

раз кота в себе нашел
то очеловечь его

* * *

в августе Москва живет
от народа отдыхает
в августе Москва жует
запоздавшие трамваи

сыплет звездами в ночи
самолетами взлетает
новой плиткою стучит
от жары случайной тает

что осталось от Москвы
лишь трамваи да поэты
липы выше головы
беззаконные кометы

ЛИТПРОЦЕСС

остальные тосты
можно пить без тоста
говорили люди
радостно и просто
наливали люди
водку и коньяк
комната качалась
как каяк

люди поедали
разные закуски
люди выпивали
чокаясь по-русски
в воздухе звучало
ты такой поэт
подходили люди
говорили нет

кто опять напился
кто опохмелился
кто-то предложил
пойти гулять
кто-то объяснился
кто-то разозлился
завтра повторится
всё опять

* * *

есть в сутолоке лип зевающее что-то
когда они идут вразвалку на работу
прохожие цветут как чайки пармезана
и алкаши снуют на ниточках нарзана

пусть люди любят вас разыгрывать
по нотам
потрогай мой анфас он в профиль
как суббота
над Патриками дым шашлычного тумана
и я парю над ним в струях анжамбемана

прощайте господа и дамы извините
я понял этот мир на ломаном санскрите
в его кромешной тьме упорно
непреклонен
с пиалою сакэ подветренный Коровин

* * *

так широко так тяжко так телесно
шагает дождь по свежей мостовой
так грузно переваливает чресла
над Пушкина железной головой

то в западных шагнет микрорайонах
то на восток наступит не спеша
и прячутся в подъездах на балконах
собравшиеся выпить кореша

стекает в хлам побелка и известка
плывут куда-то письма и зонты
но нам-то что мы сделаны из воска
а гибнут только люди и цветы

Рисунок Александры Николаенко.

«ЗАЗЕРКАЛЬЕ В БУЛГАКОВСКОМ ДОМЕ...»

Валерий ЛОБАНОВ (Москва)

АНДРЕЮ КОРОВИНУ

И сияло, и грело,
и рвалось от земли...
Это время сгорело,
эти люди ушли.

Да, утруска, усадка,
память заволокло.
Из сухого остатка
Только свет и тепло.

Но блуждает в потемках
с грузом новых утрат
благодарных потомков
регулярный отряд.

Не фонарь, не аптека,
а Булгаковский Дом...
Где двадцатого века
захлопнулся том?

Где великих и малых
проходила игра?
В бывших клубах, в подвалах —
вечера, вечера.

Там народ малахолен,
там плакат «Миру — мир!»,
там Некрасов да Холин
и Генрих Сапгир.

Наталья НИКОЛЕНКО (Барнаул)

* * *
Зазеркалье в Булгаковском доме.
Тонет осень в опавшей листве.
Ничего у нас личного, кроме
Одиночества в людной Москве.

Кроме хмурого серого неба,
Что накрыло квадратик двора.
Кто нас слышит? Кому на потребу
Сокровенные наши слова?

Но за тайной обшарпанной дверью,
За собой не оставив следа,
Ты в другое шагнешь измеренье.
И останешься там навсегда...

Андрей БАРАНОВ (Сарапул)

* * *
На десять лет уедешь, пропадешь...
Да, тачек больше — но всё тот же дождь,
в Булгаковском всё те же лица... Впрочем,
и новые: девиц четыре-пять
и парубков, умеющих читать
с айфона, завывая и пророча.

Как в детстве: выйдешь, выключив торшер, —
исчезнет всё... Свет включишь — и, как вспышка,
вернется недорешенный пример
и так и не написанная книжка,
осенний город, нехороший дом
и черный кот с Коровиным при нем...

Елена БЕЗРУКОВА (Барнаул)

Тане Тарковской и Кире Малыгиной

* * *
Молодые ведьмы идут по ночной Москве.
И фонарный свет расступается перед ними.
И шуршит под ногами ночной
партиарший сквер.
И Иван Крылов свое забывает имя.

А вода в пруду маслянисто блестит во тьме.
За спиной — Иосиф,
Булгаковский дом зловещий.
И щедра Москва, как бессонница в голове,
Говорящие только с тобою вещи.

Ярославль, Бахта, Барнаул, и теперь Москва —
Как сплетают они собою густую пряжу!
Их стихии — любовь, одиночество и тоска.
И тебя обратят, а ты не проснешься даже

И вся жизнь для них — материал,
инструмент, верстак.
Ведьмы смотрят в ночь и пьют золотую воду.
И выходят они из метро по одной, как в такт.
Отпуская слова и музыку на свободу.

ЛЮБОВЬ БЕЗ ПАРАШЮТА

драма по стихам Сергея Белозёрова,
Андрея Коровина, Ольги Подъёмщиковой

Автор инсценировки – Нина Дунаева

ДРАМА ОСНОВАНА НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

Сергей БЕЛОЗЁРОВ

Андрей КОРОВИН

Ольга ПОДЪЁМЩИКОВА

Действующие лица:
Сергей Белозёров
Андрей Коровин, он же Автор
Ольга Подъёмщикова

Сергей Алексеевич Белозёров (1948–2002) родился на Дальнем Востоке. Был первым мужем Ольги Подъёмщиковой. Работал журналистом. В 1983-м году был сослан на станцию Зима Иркутской области. Единственная поэтическая книга «Словарь далей» вышла в 1989 г. Умер в Туле на 55-м году жизни.

Андрей Юрьевич Коровин (1971 г.р.) родился в Тульской области. В 90-е годы был женат на Ольге Подъёмщиковой. Автор 16 поэтических книг. Основатель и руководитель литературного салона в Музее-театре «Булгаковский Дом» (Москва). Организатор Международного культурного проекта «Международный научно-творческий симпозиум «Волошинский сентябрь».

Ольга Николаевна Подъёмщикова (1961–2000) родилась в Туле. В 22 года поехала в Сибирь вслед за сосланным туда возлюбленным Сергеем Белозёровым. В браке с ним родилась дочь Анна Белозёрова (1984–1994). Ольга работала журналистом, активно занималась общественной деятельностью. Трагически погибла в 39 лет во время пожара под Тулой. Посмертно изданы книги: «...Вернись мне отблеском мгновенным» (2001), «Зима» (2021).

ПРОЛОГ

Андрей: Всё куда-то уходит – любовь, море, ореховые и яблоневые сады... так много наших уже ушло, а мы всё плывем куда-то в руках бесполезного времени. Всё проваливаемся в пропасть дней, месяцев, лет. Только и отмечаем, что рядом нет уже этих любимых нами людей, домов, городов. Все куда-то уходят, оставляют свои стихи, вещи, письма, голос, мы всматриваемся в их лица, такие знакомые когда-то, такие красивые лица, а их больше нет рядом с нами или вообще больше нет, только ветер и голос, только запах и эхо, привкус горечи, вкус ванили, немного корицы. Мы никогда не любили так, как любим теперь. И никогда не будем любить так, как любили прежде. Мы – другие, каждую секунду времени мы превращаемся в прошлое. А прошлое становится нами – такими, какие мы есть.

...Мои двадцать лет сорвало с катушек. Я влюбился, как юный бог, – горячо и всерьез. Но я еще не знал тогда, что женщина – это песня без текста: пока помнишь ее мелодию, она с тобой. Впрочем, бывают женщины-меломаны, с ними возможно множество мелодий. Она была из таких. Жила в старом дворянском домике в центре Тулы. Была старше, опытнее меня. Красивая, независимая, гордая. С тех пор, как мы стали вместе, меня возненавидели все мужчины из ее окружения. Все, кто ее желал, вожделел, надеялся и, вероятно, верил. Про меня распускали сплетни, наводили порчу и даже, кажется, пытались убить. Спасло меня то, что она была на моей стороне.

Однако всё это случится много позже. А тогда, в 84-ом году, была Зима.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Город Зима Иркутской области. Комната Ольги и Сергея. Ольга пишет письмо подруге.

Ольга: Юлюшка, подружка, здравствуй, родная!

Я в Зиме, к сожалению, и в буквальном смысле тоже. У нас тут было вначале тепло, а вчера просыпаемся – снег, сугробы и – 8º. Вот за что нам платят коэффициент.

Ехала я сюда с большим блеском. Поезд фирменный «Байкал», одна в купе, обслуживание отличное – вплоть до того, что разносят книги и журналы. Но и билет стоит 45 рублей. Ободрали! Серёжа встречал меня в Тулуне́ – это город, куда поезд прибывает на 3 часа раньше, чем в Зиму. Сижу читаю, 3 часа ночи местного времени, выглядываю в окно – он, садится в мой вагон. Лечу к нему, опережая собственный визг.

Он тут похорошел, помолодел, отпустил бороду, если бы я его впервые увидела сейчас – влюбилась бы. Глубокомысленно-мрачное выражение лица в сочетании с каким-то бесовским, лукавым взглядом.

Работает на двух работах, добытчик. Бегает по магазинам, кормит меня, выводит выгуливать. Не знаю, когда успевает писать стихи, но они у него рассованы везде (в карманах, постельном белье, мыльнице, коробках от моих духов). Он, как белка, прячет их, чтобы довести до ума, а потом забывает, куда спрятал.

Автор: Сергей был моложе своих литературных товарищей по свинцовому веку – Леонида Губанова, Аркадия Кутилова и других, но рушащаяся советская система успела и его зацепить своей когтистой лапой.

Сергей: «Надежда русской поэзии!» – писала обо мне «Литературка», но печатать не печатала. Начавшаяся в «Комсомолке» журналистская карьера закончилась отсутствием заработков и личными неурядицами... Продолжением отношений с советской властью стало судебное преследование.

Автор: Когда Белозёрова в 83-м году сослали в трехлетнюю ссылку в Сибирь, на станцию Зима, Ольга уже ждала их ребенка. Как последняя декабристка, она поехала в Сибирь добровольно, вслед за Сергеем.

Ольга:
Выпрямляется судьба.
Заполняются пробелы.

Никакие перемены
Не наступят никогда.

И за дни обид и бед
Жизнь покоем мне заплатит.
Выпит мёд. Еще есть хлеб.
И его надолго хватит.

Сергей:
Белозёров Сергей Алексеевич,
тридцати с незначительным лет,
терпеливо пытался отсеивать
сор от хлеба и счастье от бед.

Сито билось, как сердце, порывисто,
он не первый надеялся год,
что на донышке по справедливости
золотая крупица блеснет.

Ну, а жизнь – без старания лишнего –
убеждала его: через сеть
не пройти ее тяжким булыжникам,
да и лебедю не пролететь.

Он не верил, шатаясь от голода,
он стоял на своем, как всегда,
и сжимал в кулаке свое золото,
а когда разожмет – пустота...

Он с долгами никак не расплатится,
он скитается по городам,
только сито дырявое катится
по пятам, по пятам, по пятам...

Автор:
зима в России еле движется
ломая сосны набекрень
стоит на косогоре лыжница
переходящая в мигрень

по склону солнце так и катится
усмешкою пронзая снег
и лает тени каракатица
разбег считая за побег

и невесомые как зайчики
на льду гнездятся рыбаки
а рыбы девочки и мальчики
сквозь лёд читают им стихи

СЦЕНА ВТОРАЯ

Город Зима Иркутской области. Та же комната Ольги и Сергея. Ольга укачивает ребенка, пишет письмо подруге.

Ольга: Юленька, родная, здравствуй!

Прости, что опять пропала. До того надоедает писать на работе, что дома – любая работа, только не писать. Спасибо за посылку. На работе выматываюсь. Анютка ночью спать не дает. Просыпается, когда мокренькая, и будит нас. Днем гу-

ляет на улице в колясочке. У нас потеплело. На улице градусов 10. Но Анька орет целый день – зубы. Погода – сырой ветер с Байкала или – тоже сырой – с Саян.

Весна – у меня всегда «географическая тоска». В Туле была по морю. Здесь – по Туле. Весной почему-то особенно тяжело. Видимо, из-за «европейской» погоды. Сыро, ветрено.

Иногда пишу стихи. Посылаю последнее.

Встречу на улице – не узнаю,
Только и помню – о скором лете,
Стала не добрая и не злая,
Стала спокойнее всех на свете.

Не удивляюсь. Тревоги – мимо.
Мимо слова. Не пугаюсь взглядов.
Недостижимое достижимо.
Только уже ничего не надо.

Сергей:
...вот и живешь,
и живешь, и живешь,
плачешь, пророчишь,
смеешься и врешь,
ходишь по городу
с анной карениной,
с тихой улыбкой
стихотвореньиной,
вечно торопишься,
вечно опаздываешь,
и скворцы посвистывают
за пазухой...

...зеленоглазый
и деревянный,
принадлежащий
марьеиванне,
ты образуешься,
всхлипнешь, разинешься,
ёкнешь испуганно
сердцем резиновым,
руки пустые
и губы сухие –

господи, звезды
сегодня какие!

Автор: Несчастье случилось неожиданно – Анечка, дочь Ольги и Сергея, оказалась тяжело больна. Заметили это не сразу. Но прогнозы были неутешительными. Так в их доме поселилось горе.

Ольга:
Отведи беду, отведи!
Из далекой дали приди,
ключевой водой охлади,
от судьбы слепой огради.

Чтобы лоб ее не горел,
чтоб не таяла тельца тень,
чтобы светом ее согрел
каждый солнце несущий день.

Отведи беду, отведи!
Ты живую воду найди
и в ладонях нам принеси,
от беды великой спаси.

И прикрой от ветра спиной,
окружи высокой стеной,
чтобы боль ее отошла,
чтобы дочка моя жила.

Отведи беду, отведи,
из далекой дали приди.

Сергей:
...И тогда-то
из больничной палаты
выйдя в солнце и снег,
в небесах шум и смех
я услышал, и вдруг глуповато
внял тому, что понятно для всех:

люди стали крылаты!

Ольга:
Потрясен, видит мальчик,
как, закрыв небосклон,
улетает от мачех
квадрильон Сандрильон!

Там вон пара влюбленных
встала в небе на миг,
всё еще разделенных,
удивленно-немых.

И парят без усилья
над притихшим леском,
чисто-белые крылья
сопрягая тайком...

Там вон женщина с мужем,
улыбаясь, следят
за смешным, неуклюжим
лётом их аистят.

И в проклятых палатах
бродят, как журавли,
тени в серых халатах,
побросав костыли...

Сергей:
...Вот и ночь опустилась,
шум небесный утих.
Снизойдет ли, как милость,
шелест крыльев твоих?

Или где-то в России,
где стемнело давно,
бьешься в стекла чужие,
перепутав окно?

Или плачешь в метели,
и тебе не помочь?
Только льдинки хрустели
в предвесеннюю ночь.

Розой женского тела
просветлел небосклон.
Что вверху прозвенело?
Это смех или стон?

Что за перышко круто
ниспадает к щеке —
так изогнуто, будто
завиток на виске?

От небесного пыла
как оно горячо...

Ты меня не забыла,
не забыла еще?

Ты хотела проститься
по-хорошему, да?
Что ж, прощай, моя птица,
насовсем, навсегда.

Как я рад, что крылатость
ты смогла обрести —
ты лети, моя радость,
ты лети, ты лети...

Ольга:
А с утра — черный платок
и твое молчанье.
В небесах летит завиток
неземной печали.
Отчего-то кружится голова,
и нет сил смотреть друг на друга.
Значит, снова будем играть в слова,
когда в горле ком и в душе разруха.

Автор:
это странное чувство когда
часть тебя умирает навеки
поезда холода города
всё что было тобой в человеке

эти слезы ночные взахлеб
над зареванной детской кроваткой
эти звезды иркутских трущоб
эти тульского солнца заплатки

и больничных палат торжество
над комочком любви и печали

эта девочка как божество
ей бессмертия не обещали

Сергей:
Захолонуло, похолодало,
ветром ударило сквозь пальтецо —
точно сквозняк потянул из подвала,
или товарный мимо вокзала
так прогремел, что немеет лицо!

Ветер и холод, холод и ветер,
полная воля невольным слезам...
Что, дорогой, неуютно на свете?
Всё это жизнь, и она не в ответе,
ты выбирал ее, помнится, сам.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Город Тула. Редакция газеты «Молодой коммунар».

Андрей: В 85-ом году Ольга вернулась из Зимы в Тулу и поехала с дочерью в Москву в надежде, что столичные светила смогут им помочь. Когда всё оказалось бесполезно, она вернулась из Москвы в Тулу и устроилась на работу в редакцию газеты «Молодой коммунар». Там мы и познакомились.

целовался потом на кухне
не помню с кем
то ли лена звали а то ли яна
пили вначале шампанское
кажется потом саке
падали с продавленного дивана

то ли бардовский вечер то ли
фестиваль КСП
гитары и дамы ходили тогда по кругу
девочки резали бутерброды кто-то
соорудил канапе
а я потерял из виду свою подругу

каждый хотел признания и любви
а получал полу-комплименты
и пьяные поцелуи
а когда Щербакова спели вдаль
ушли его корабли
незнакомка Блока сказала

Ольга: Давай с тобой потанцуем!

Изюминка, безуменка, роман,
обман, лукавство, детства
продолженье,
над бездной возношенье и крушенье,
раздел земли и неба пополам.

Библейское измены естество —
нет, не слиянье тел, а мысль — измена.
Лишь память безупречно-неизменна,
как будто отражение Его.

Я буду к вам жестока и нежна,
но где граница рая или ада?
Я только небу синему жена,
где всё — свобода и любви не надо.

Движенье бесконечности — к нулю.
Дикарка, амазонка — стану вашей?
Я Бога тень на облаке ловлю
и небо пью, зачерпывая чашей.

Андрей: При ближайшем рассмотрении в современный бинокль наверняка окажется, что я спутал карты, время и землю, но мне это совершенно не важно.

Ольга: Я люблю тебя!

Андрей:
продышала она
в телефонную трубку
и в этот момент
будто куда-то девался звук
я не слышал ее слова
только дыхание
шорох волос
стук сердца
треск проводов
что угодно только не

Ольга: Я люблю тебя!

Андрей:
— что? что ты сказала?
по ее дыханию
я понял что она сказала
что-то очень важное
— что? прости, перебои на линии!

Ольга: Я люблю тебя...

Андрей:
и — молчание
что? что говорят в ответ?
девушке на другом конце телефона
на другом конце света
так она хороша
так нужна мне сейчас
в этом омуте белого сна
созревающей юности
что я выдыхаю
— и я!!!

не понимаю как иначе
когда пронзают облака
простые девочка и мальчик
незамутненные пока

они как буквы во вселенной
весны вступающей в права
а я простой вселенноплененный
случайно знающий слова

им как любовникам Шагала
то в розовом то в голубом
и дня и ночи вечно мало
на этом свете
на любом

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Черноморское побережье Крыма. Пансионат.

Андрей: По твоему настоянию я носил ужасно нелюбимые мной усы, чтобы казаться немного старше.

Ольга: А я завязывала волосы в два хвоста, чтобы казаться моложе.

Андрей: Твои хвостики были очень сексуальны!

Тогда еще действовали какие-то «связи», и по этим связям нам выбили путевку в пансионат – почти на берегу моря...

Ольга:
Неужто здесь, в необжитом раю,
где даже яблоко таит угрозу,
не знать друг друга и, скрывая слезы,
вновь замирать у рая на краю?

Чтоб не обидеть Господа и власть
Его не обратить себе на горе.

Андрей:
А там – дельфины рассекают море,
спят звери, наигравшиеся всласть...

Ольга:
Мы станем смертны?

Андрей:
Суета и дым.
Бессмертье мы теперь найдем друг
в друге.

Ольга:
И полетим, соприкасая руки,
над Витебском – игрушечным,
родным.

Андрей:
это лето со сливками морем
шумящим у рта
с душным вкусом ванили корицы
гвоздики и ладана
это лето на ниточке света на ткани
холста
на заброшенной даче в царицынском
сне неразгаданном

Ольга:
это лето течет по бульварам Москвы
босиком
унося по тверской все стихи поцелуи
и бантики
это лето гуляет по ленинградскому.com
отдавая себя тополиной пушистой
семантике

Андрей:
это лето наступит однажды
как гитлеркапут
в Александрове куры снесут
разноцветные яйца
а куда нам податься куда нас
забытых зовут
нас бредущих по вечному свету
бездомных скитальцев

Ольга:
В Крыму или, может, – в раю
(в стране, омываемой ветром),
и песни ночами пою, и в горы
взбегаю с рассветом.
К тебе, о возлюбленный мой... –
«Песнь песней» в конвертике тлеет,
я тот виноградник зимой спасаю,
храню и лелею.
Тебя, прислонившись к окну, веками,
как Сольвейг, встречаю.
Единственный, только одну жду
шхуну ночами к причалу.
Базилик, фонтанов, дворцов горячие
камни – я дома!
Я помню коварных юнцов
в глухих переулках Содома.
Любимый, сквозь тяготы дней, сквозь
волны, сквозь версты – искала.
Южнее, нежнее, странней...
И шлюпка бросалась на скалы.
Безгрешная нежность молитв.
(В плечо твое тихо уткнулась).
Лавины проигранных битв.
Моя запоздалая юность.

Андрей:
Я люблю тебя – в августе, в качестве
сна,
В удивленье стоящую на табурете
Или в тамбурном вальсе пустого окна
В изложении нот, не гостивших
на свете.

Это Моцарт играет, а скрипка поет
В изложении нот из дождей
и сплетений.
За окошком – то солнце, то дождик
идет,
Но от снов никогда нам не будет
спасенья.

Я люблю тебя — в августе,
в качестве сна.
В тот вагон, как безумный,
хочу я вернуться.
Но его не найти нам уже никогда.
Даже если однажды сумеем
проснуться...

Ольга:
Я пишу тебе письма тайно
на трепещущих птичьих крыльях.
Я тебе посылаю стаю
легких слов Голубиной книги.

Ты их будешь ловить губами,
будто дождь, будто колос хлеба,
не вникая, не понимая
этой тайны, упавшей с неба.

Голубиную книгу счастья,
сизокрылые строки эти,
в уголок забившись, в ненастье,
прочитаем взахлеб, как дети.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Город Тула. Снова редакция газеты «Молодой коммунар».

Андрей:
однажды
ко мне в редакцию
пришел Белозёров
спросил с порога
Входит Сергей.

Сергей:
водка есть
у меня для тебя
подарок

Андрей:
и вытащил
из кармана пальто
нечто
похожее на трубку

Сергей:
это была ручка от зонтика
из таких новых импортных
тогда еще только появившихся

Андрей:
она действительно была на нее
чем-то похожа
Белозёров закурил
набив ее табаком из Примы

Сергей:
в последний раз

Андрей:
но зачем

Сергей:
есть поговорка
трубку и жену
не даю никому
жену я тебе уже отдал
бери и трубку
так что
водка есть

Андрей:
какое-то время
я хранил эту трубку
в ящике стола
а потом потерял

Сергей:
впрочем
как и жену

Бесплатное образование —
тем, у которых нет призвания.

А мы последнее потратили
на книжки, сборнички стихов,
чтоб к нам пришли преподаватели
Самойлов, Слуцкий, Смеляков.

Как славы нам и как добра желать,
мы изучали по ночам,
потом пришлось еще доплачивать,
но так, судьбой, по мелочам.

Заплатишь — и не надо мучиться,
и весело держись за гуж
уроков музыки и мужества,
они рифмуются к тому ж.

Сергей пытается уйти.

Андрей:
Ах, куда вы, Сергей Алексеевич?
Уезжаете — уезжайте.
Намело на ваши потери.
Разметало ваши пожары...

Это где-то у вас потеряно.
Эти строки универсальны.
И заглядываем рассеянно
В ежегодное расписание.

Уезжаете — уезжайте.
Получите билетик в кассе.
Только все-таки приезжайте
К этой девочке на террасе.

Появляется Ольга.

Ольга: Анечка умерла... Умерла?!

Сергей демонстративно уходит.

Андрей:
как приезжала
первая скорая
говорила
ничего страшного
это простуда
через полчаса

вторая
это агония
я до сих пор
боюсь
детской больницы
на Мира
куда увезли тогда Анечку
тебе не разрешили
с ней остаться
реанимация
и когда мы пришли
через неделю
я всё понял
по глазам врача
ты тихо сползла
по стенке
и зарыдала
раньше
я никогда не видел
чтобы ты плакала

как мы жили
эту неделю
пили
да наверное пили
но ты каждое утро
ходила в больницу
просила пустить тебя
к дочери
носила яблоки и апельсины
которые не принимали
тебя
так и не пропустили

дорожку через снег
к могиле
расчищала вся редакция
я держал тебя под руку
чтобы ты не упала
в бесконечный снег
этих похорон
Белозёров
на кладбище не поехал

на могилку
ты принесла
Анечкины игрушки
помню уточку
и пластмассового зайчика

ты заказала
беломраморное надгробие
большой белый крест в изголовье
и стеллу с портретом дочери
в ногах

это была твоя годовая зарплата
в газете
в тот год мы жили на мою

но и это не помогло
ты не умела остановиться в своем горе
прошел год
но Анечка тебя
так и не отпускала
или ты ее
и бесконечные горе и алкоголь
мучили твое сердце

ты сбегала сбегала сбегала
побег стал твоим смыслом и целью
побег
от всего и всех
ты сбегала от жизни
и возвращалась
сбегала и возвращалась

Ольга:
Дитя мое, грустью своей
захлебнувшись,
разбившись о слово, как о волнорез,
щекою прижавшись, от горя
согнувшись,
я крест обнимаю твой. Наперерез
кладбищенский ветер, волнующий
травы,
к приблудной собаке минутная жалость.
Родная, мы обе с тобою неправы,
ты — в том, что ушла, а я в том,
что осталась.

Тепло ли тебе в том заоблачном
доме,
где ангел тебя укрывает крылами?
Там свет и покой. Ну а вдруг ты порою
скучаешь по маме? Покинутой маме.
А я полюбила шиповника чащи,
осенних прогулок горчащую небыль
и больше не плачу. Но чаще и чаще
подолгу — с любовью — смотрю
я на небо.

Андрей:
это быстрая скользкая глина
из которой лепили меня
запятнала рубашку и спину
от творенья до судного дня

этот пух словно снежные перья
что не выметешь из дому вон
это всё от неверья неверья
в то что если создал значит Он

и пока ты глазами не смеришь
обиталище духа Его
ты не веришь не веришь не веришь
ни в кого
ни в кого

Ольга:
Любимый мой, давай пытаться жить
и хлебом Божьей милости питаться,
как птицы возноситься, и метаться,
и кров искать, чтоб снова гнезда вить.

Давай мы будем тихи и добры,
как дети — к кошкам, к душам
нашим нищим.
Давай построим дом на пепелище,
забыв дни наших скорбей и борьбы.

Не будь судьей и палачом не будь.
О милости прошу и снисхожденьи.
Во ад высокомерным нисхожденьем
мы сделали счастливый этот путь.

Позволь, чтобы умершее мое
дитя неотделимо было смертью.
Под сердцем выносила я ее,
и мертвую — опять ношу под сердцем.

Прости за то, что я — живая боль.
Что дочь свою я называю нашей.
Что ты моих страданий выпил чашу,
что хлеб для нас давно — полынь
и соль.

Пойми, что мы с тобой теперь — одно
больное и измученное сердце.
Ни рельсами, ни верстами, ни смертью
теперь нам разлучиться не дано.

Ведь надо жить — такие, брат, дела.
Не осуждать ни словом и ни взглядом.
Ты только знай, что я не умерла
лишь потому, что ты остался рядом.

Андрей:
это спорная версия птичьего рая
та в которой нет Бога где он
не играет
в сотворенье в защиту в спасение
мира
видишь женщину знаешь теперь это
лира

хочешь всё испытать возвращайся
к расстрелу
где курил Гумилёв свои горькие
стрелы
где клетчатку рычащую оком
звериным
разрывает свинец пополам
с никотином

у расстрелянных пальцы болят
от рифмовки
дайте им полежать пододвиньте
циновки
видно слишком суровая это работа
жить взаймы на полях
смерти нет идиоты

Ольга:
Нам былое уже не вернуть.
Что терпеть и тянуть в самом деле...
Отпусти меня в холод и жуть
этой мокрой октябрьской метели.

Тихо дверь за собой затворю,
Ключ в карман положу по привычке.
Я поеду к тому октябрю
на последней пустой электричке.

Там качается желтый фонарь,
со звездами ведущий беседу.
Там навеки октябрь, там —
как встарь.
Я оттуда уже не уеду.

Андрей:
рим гортензия эвридика
сколько мусора в голове
ты пойди по москве пройди-ка
одинокий как муравей

Ольга:
здесь на всяких тверских бульварах
расставанья растет трава
и влюбленные ходят пары
и влюбляют слова в слова

Андрей:
кто мы в брошенном этом мире
где уже ничего не ждем

Ольга:
мы сожители по квартире
омываемые дождем

Не смущайся — я только хотела
жить, светло и беспечно любя.
Просто каждая клеточка тела
так беспомощно помнит тебя.

И с доверчивой нежностью детской
я к тебе прижимаюсь щекой —
о, позволь мне быть юной и дерзкой,
раз уж ты меня сделал такой.

И, приветствуя эту разлуку,
я открою окно октябрю.

В первый раз... я целую вам руку.
Так несбыточно, странно люблю.

В моей квартире живы лишь часы.
Их слабый пульс поддерживает стены
бумажные. Здесь, на краю Вселенной,
песок минут струится на весы.

Моей вселенной улицы темны,
и тротуар их шаток и непрочен,
и из домов выходят только ночью
бессонные жильцы моей страны.

Их силуэты зыбки — только тень,
и голоса — лишь отзвуки, обломки
далеких фраз. И наступивший день
оставит нам вопросы, недомолвки,

свет фонарей и шепоты дождя,
движенье звуков, смутные намеки...
Уходим. Боже, как мы одиноки
и как мы совершенны уходя.

Андрей: Она погибла в страшном октябре 2000 года. Сгорела на пожаре. Она поехала с друзьями отдохнуть на природе, на чужой даче... Когда утром приехали пожарные, деревянная коробка дачного домика выгорела дотла...

с тех пор так много счастья утекло
что патиной подернулось стекло
где мы с тобой — две птицы —
трепетали
у низкого и пыльного окна
где улица как музыка видна
мы петь давно с тобою перестали

скажи мне кто из наших в том раю
я в осени оснеженной стою
в том октябре что стал твоей
прописки
твой дом теперь тебе и мне чужой
лишь домовой что мается душой
мне в этом доме нынче самый близкий

нам по утрам в окно звонил звонарь
качался мутно за окном фонарь
и ты спросонья открывала ставни
в халатике поверх ночного сна
и дом скрипел как старая сосна
как будто бы навеки был поставлен

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Тула. Сергей и Андрей случайно сталкиваются на улице.

Сергей: Привет! Трояк есть? Взаймы...

Андрей: Серёж, у самого последний до зарплаты остался.

Сергей: Я отдам!..

Андрей: Знаю я, как ты отдашь... Ладно, держи вот.

Сергей отходит от Андрея, достает из кармана бутылку, отхлебывает прямо из горла.

Автор:
... Город гонит прочь из дома.
Горек привкус губ знакомых.
Рук знакомых, глаз любимых.
Полночь проплывает мимо...

Воет ветер, в доме мыши.
Чья-то бродит тень по крыше.
Может, утро не настанет...
Кто-то плачет над мостами.

Гул ночной аэродрома.
Всё до одури знакомо.
От прощанья до прощенья
Невозможно возвращенье.

Сергей (разговаривает сам с собой или кем-то невидимым):

...Ты так всегда идешь, как будто
под тобою
стеклянная земля, прозрачная до дна,
и спутаны цветы внутри нее
с травою,
и тихая звезда внутри нее видна.

Ты так всегда идешь, что ангелы,
немея,
мечтают взять тебя в хрустальный
свой полет,
но — бабочка небес и в камешке
камея —
ты сразу там и здесь — кто знает
наперед?

Прости, что я бреду, как будто
по болоту,
не поднимая ног, подошвами гребя,
я проживу и так — куда мне до
полета? —
я крепко на земле. Мне страшно
за тебя.

Укачай меня, автобус,
Увези меня, автобус,
За семнадцать остановок
От возлюбленной моей.

Я отдам тебе, автобус,
Пять копеек — за дорогу
И за то, что ты надежней
Поездов и кораблей.

И хотя ты еле едешь
И гремишь меланхолично
В жестяном своем кармане
Медной мелочью своей —

Всё равно из кругосветных
Путешествий ты вернешься
Много раньше самолетов,
Много раньше кораблей.

Ты кружишь — а меж домами
И луна прямоугольна,
Как окно ее, но всё же
То окно луны светлей...

Утешай меня, автобус,
Увози меня, автобус,
За семнадцать остановок
От нее — вернее, к ней...

Автор: В последние годы Сергей много пил. Он лишился квартиры, паспорта, работы... Ушел вслед за Ольгой через два года. Не вынесло сердце.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Тула. Пустой осенний парк, полный призраков и воспоминаний прошлого.

Андрей:
Стало меньше еще одним членом
моей семьи...
Первый муж моей первой жены —
разбери с похмелья:
Здесь родство по стихам или
все-таки по крови...
Чем повязаны больше —
привязанностью ли, дуэлью?

Точку ставить спешит, как всегда,
впопыхах Судьба.
Что Судьбе до судьбы шалопая,
дурца, поэта?
А что строчки — в кровь, пока где-то
идет гульба,
Так на то и критик, чтоб нам
рассказать про это.

Мало стало поэтов... Пожалуй,
один на год
Умирает поэт. Подбирает Господь
скитальцев.
А в столице метель, как в Сибири
под Новый год —
Выметает стихи и непрошенных
постояльцев.

Так уходит эпоха, и гасит в передней
свет,
На прощанье сыграв с преемницей
злую шутку —
Оставляя гробы и окурки
от сигарет...
А в заброшенных комнатах —
слишком темно и жутко...

мертвые больше живых
в их полноводной орбите
полиграфия в кривых
вечная 3D-обитель

мертвым везде хорошо
в небе в земле в Ленинграде
пьют себе добрый крюшон
на недоумерших глядя

мертвые любят сильней
им не страшны расстоянья
мертвые ранят больней
острым лучом расставанья

помню соль кидали через плечо
чтобы насмерть не разругаться
а потом ругались так горячо
что могли навек разорваться

помню как гитару рвали из рук
ты споешь я тут же тебе отвечу
помню тех друзей неширокий круг
куда днем и ночью мы шли на встречу

помню жизнь короткую как свою
и пока я помню тебя ты длишься
ты всё реже снишься в своем раю
ты всё реже и реже снишься

Ольга:
Мне снились дети — будто бы мои,
две девочки, два ангела — и диво! —
вошли, перелистнув календари,
туда, где все мы счастливы и живы,
и все дороги пройдены не зря,
и на рассвете — не шаги за дверью,
не спазмы в сердце — тихая заря
окрашивает небо акварелью.
И теплый дом запахнет молоком,
и нет на свете радостнее места,
где все заговорили языком
бессмысленного лепета и жеста.
Болезни, слезы — милая, держись! —
тебя, как рыбу в шторм, несет на сушу.
Но ты за них отдашь не только жизнь —
бессмертие, поэзию и душу.

Андрей:
кто был из нас кто не был виноват
теперь не важно — небо стало выше
и яблоневый нынче снебапад

чердак скрипит и дождь стучит
по крыше

вся жизнь твоя — артхаусный обман
богема революция и ссылка
как я мальчишкой был тобою пьян

стучат иди — тебе с небес посылка

спасибо за свободу через край
за неуют семейного уюта
за обитаемый а не лубочный рай

за жизнь и за любовь — без парашюта

всё спорили с тобой о небесах
в стихах статьях и музыке неспетой
речь облетает как листва в лесах

мороз уже не стой в дверях раздетой

Ольга: ...Ты скажешь, что я пишу о себе неправильно. Но чувства и раздумья, биография души одного дня говорят о человеке больше, чем даты и названия улиц. Поэтому дай руку.

...Но вместо солнечной аллеи, по которой мы хотели идти к свету, будет колючее поле, и сумрачный день, и тяжелое небо, по которому проносятся облака былых чувств, былых потерь.

Финал

Поэтический спектакль «ЛЮБОВЬ БЕЗ ПАРАШЮТА» был поставлен в Театре им. М.А.Булгакова. Премьера спектакля состоялась в день 50-летнего юбилея Андрея Коровина в Музее-театре «Булгаковский Дом» 3 апреля 2021 года в Москве.

Режиссер спектакля – Анна Куликова.

Роль Ольги Подъёмщиковой в постановке исполняет Нина Дунаева.

Роль Сергея Белозёрова исполняет актер Сергей Куликов.

Андрей Коровин в спектакле играет самого себя.

Спектакль также был показан в 2021–2024 годах: в Музее С.Есенина (Москва), Культурных центрах «Онежский» (Москва), «Москворечье», ДК «Подмосковье», Творческом пространстве «Девятка» (Тула), в Тульской областной научной библиотеке, в Ямало-Ненецком окружном музейно-выставочном комплексе имени И.С.Шемановского (Салехард), в рамках фестиваля звучащего слова «На просвет» (Суздаль), Всероссийского литературного фестиваля «КУБ» (Дом актера, Красноярск), фестиваля памяти поэта Виктора Сосноры «СОСНОРА\ФЕСТ» (Дом отдыха «Комарово» СТД РФ, Санкт-Петербург), Международного литературного фестиваля им. М.А.Волошина (Елабужский государственный музей-заповедник, Елабуга, Национальная Библиотека Республики Татарстан, Казань) и на других площадках.

Спектакль отмечен наградами театральных фестивалей:

Диплом Международного театрального фестиваля частных театров «Московская обочина» СТД РФ И ВТО – Спецприз жюри «Верность памяти» (2022);

Диплом Московского областного театрального фестиваля «Долгопрудненская осень» – За возрождение на сцене культуры поэтического слова (2022).

ОТЗЫВЫ О СПЕКТАКЛЕ:

«Любовь без парашюта» – о судьбе, о роке, о взаимоотношениях героев в жизни и творчестве. О «невероятно мощном потоке любви и боли», как отметила в отзыве в личном блоге главный редактор журнала «Этажи» Ирина Терра. Режиссер Анна Куликова использовала в постановке прием «черного кабинета». Всё пространство действия происходило на черной сцене с минимумом реквизита. Внимание зрителя концентрировалось на поэтическом тексте и игре исполнителей. Лишь на заднем плане сцены был создан уютный островок быта (стол, настольная лампа, чайные чашки), но оказалось, что он символизировал рай, в который попадали герои после смерти, а черный кабинет – это реальность, в которой они так мало были счастливы...

Елена Семёнова. Черный кабинет – это реальность

«Независимая газета – EX LIBRIS», 21 апреля 2021 года

Вы давно были в театре, где постановка заставляет вас... плакать?! Или чувствовать, что ком застревает в горле?

Это произошло сегодня. На спектакле, на который пригласил Андрей Коровин – участник и один из создателей удивительного, пронзительного, необыкновенного спектакля «Любовь без парашюта».

Спектакль состоит из писем и стихов трех поэтов: Ольги Подъёмщиковой, Сергея Белозёрова и Андрея Коровина.

Сценарий выстроен безупречно, сыграно сдержанно, тонко, а ощущение ... как удар молнии.

Спектакль разбил вздребезги некоторые мои предубеждения. Одно из них: я считала, что актерам противопоказано читать стихи. Оказалось, что они ТАК умеют это делать, что забываешь, кто их произносит.

Когда в следующий раз пойдет этот спектакль – не пропустите.

Людмила Синицына,

писатель, лауреат медали им. А.С.Грибоедова, зав. отделом журнала «Наука и жизнь»

«Любовь без парашюта» – яркий, эмоционально насыщенный художественный текст, опирающийся на реальную жизненную историю, которая при всей ее уникальности проникнута радостями и болями, понятными и близкими многим.

Представленная в виде театрального действия, она захватывает, погружая зрителя в переживания персонажей, по своей и чужой воле вынужденных решать множество трудно совместимых бытовых и этических проблем. Словно в античной трагедии их судьбами распоряжается неумолимый рок, приобретающий облик то социального диктата, то диктата страсти. Вынести невыносимое, оставшись человеком, пресуществить опыт страдания в свет лампы в душе, которую не сможет погасить даже смерть (визуальная метафора в одной из сцен спектакля) – задача которую решить невозможно, которую нельзя не решить.

Понять, поверить, сопережить происходящее на сцене помогают стихи и прозаические отрывки, принадлежащие поэтам, ставшим прототипами действующих лиц спектакля. Автор инсценировки, обратившись к хронике реальных событий, умело вылепил из нее сюжет, учитывающий выразительные возможности художественного языка современного театра. Актеры правдивы и естественны, им удается избежать патетической фальши, не скатившись при этом в примитивное бытовое правдоподобие.

Спектакль получился.

Игорь Юркин,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова РАН

Спектакль «Любовь без парашюта» представляет собой тонкое, искреннее и не по театральному какое-то настоящее действие, обладающее особым трогательным и проникновенным влиянием на зрителя. Действующих лиц в этом поэтическом спектакле немного. Он-она-он. Все трое – творческие люди. Они писали стихи, и не только стихи, но и другие тексты. Но на самом деле этот спектакль документален, все персонажи жили, творили, любили, мучились, преодолевали тяготы действительности. Двоих уже нет в живых, а третий несет в своей душе память о любимой и о друге, отдавая дань их памяти, их поэтическому дару, сам являясь поэтом, рассказывая миру о них и о себе. Безусловно, очень убедителен на сцене Андрей Коровин, что, впрочем, и не удивительно: ведь он на сцене играет себя!

Театральное действо получается настолько искренним и открытым, что зритель, ошеломленный такой душевной откровенностью, проникается симпатией к героям и пониманием их жизненных коллизий, порою – сложных и трагических. Присутствующие в зале настраиваются с персонажами пьесы на одну волну, в результате чего в процессе спектакля складывается особая интимная атмосфера.

Зрительный образ поэтического спектакля достаточно лаконичен, что в данном случае представляется верным решением: главным в спектакле является Слово: поэтическое слово, слово эпистолярное, слово-воспоминание. Стихи, письма, размышления героев стали единым драматургическим материалом, внутренне цельным и непротиворечивым. Остальное – фон. Но фон – вполне тактичный и точно выбранный. Деликатно ложится на постановочное решение и музыкальное сопровождение спектакля.

Спектакль вызывает сильный душевный отклик, светлые и грустные мысли о судьбе, о таланте, о любви, о смерти, о дружбе, о памяти. Хочется пожелать этому спектаклю долгой жизни и понимающих зрителей.

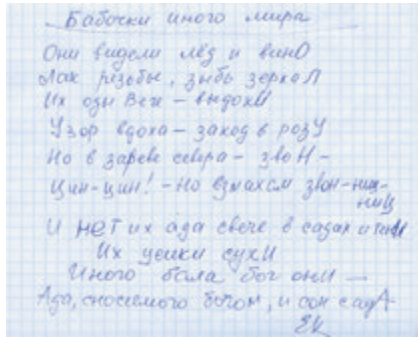
Светлана Калита,

кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Российского университета дружбы народов

ДЕТСКИЕ ФОТОГРАФИИ И АВТОГРАФЫ ПОЭТОВ-УЧАСТНИКОВ 14-го ВСЕМИРНОГО ДНЯ ПОЭЗИИ В МУЗЕЕ-ТЕАТРЕ «БУЛГАКОВСКИЙ ДОМ» (ПРОВЕДЕН СОВМЕСТНО С ЛИТЕРАТУРНЫМ КЛУБОМ «КЛАССИКИ XXI ВЕКА»), 2013 ГОД

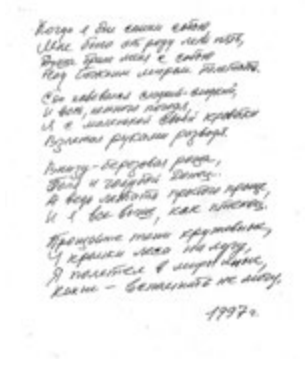

Елена Кацюба

Александр Тимофеевский

Константин Кедров

Кирилл Ковальджи

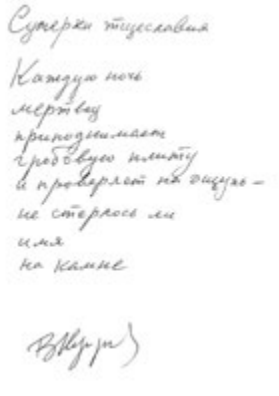

Олег Хлебников

Вячеслав Куприянов

БУЛГАКОВСКІЙ ДОМЪ
музеи-театръ
302
БИС
МУЗЕЙ БУЛГАКОВСКИЙ ДОМ